

Константин Устинов

Мозаика воплощений

Ульяновск
2017

ББК 00.00
У 00

Для тех, кто ожидает Весть.
Сайт <http://znakisveta.ru>
Электронный адрес
Владимира Алексеевича Павлюшина
pvl24@yandex.ru

Устинов Константин

У 00 Мозаика воплощений. — Ульяновск. 2017.

Фрагменты литературно-художественного характера из книг серии «Зов Белой Горы» Константина Устинова на тему индивидуального пути человека через множество воплощений.

ISBN 000-0-00000-000-0

Редактор-составитель: Е. Конева

Оглавление

Введение.....	5
Космический десант	6
Радианцы.....	6
Берегиня	48
Агны.....	50
Сын Звезды.....	54
Великий Путник.....	54
Оазис Ибн-Рагима и начало пути.....	61
У Белой Горы.....	78
В Стране Мудрецов	98
Мистерия спасения мира.....	116
Воскресение и Вознесение	152
Схождение огненных языков.....	166
Апостол Иоанн	169
Апостол Андрей	175
Пророк Аллаха.....	185
В храме огнепоклонников	194
Времена Древнего Египта.....	196
Эхнатон и Асира.....	196
Хранитель Мудрости	197
Древний свиток.....	208
Времена Сол-Амона.....	215
Песнь Песней	215

Пасседван	223
Шабал бен Суффрем	224
Поэт при дворе Акбара	246
Великое Явление	248
Савва	248
Михей	249
Рыцарь Рох	251
Викинг	253
Сокольничий	264
Зарочный перстень	266
Следы воплощений	268
Алани	271
Яра	277
От времен северного континента	
до нынешних дней	278
Чахембула	289
Полет радужных шаров	294
Моменты из детства	296

Введение

Не утопая в прошлом, ищем древнюю мудрость. И лишь для этого погружаемся в память прошлых воплощений, не вынося оттуда ничего другого, кроме знания, и отдавая должное тому времени и тем усилиям, которые приводили нас к постижению таинства познания. Мы никоим образом не пытаемся составлять синодик наших воплощений, но особо выдающиеся места отмечаем — без привязки к каким-то гордым определениям, но лишь пытаюсь вспомнить забытое, всколыхнув бездну мудрости, сокрытую в нашей Чаше.

Космический десант

Радянцы

Зеленое небо сменилось фиолетово-золотым закатом, который долго играл в прозрачно-чистых горах, в кристаллических деревьях и в воде, которая имела совершенно иную химическую структуру, чем это было на других планетах. Эта жидкость состояла из элементов текучего золота и серебра, наподобие ртути, но растворенной гораздо жиже, чем обычный металл.

Химические соединения вселенной могли быть в любом сочетании. И то, что на одних планетах считалось достаточно изученным и классифицированным, в космосе числилось лишь как малая часть той палитры веществ, которой пользовались радянцы.

Энергия изумрудного солнца создавала удивительные химизмы живых камней — минеральных существ, которые уже готовы были стать вьющимися растениями или насекомыми.

Вода этой планеты наполняла тела всего мира такой энергией, что, когда наступала ночь, они светились и обходились без искусственных источников освещения. Таким же свойством обладали камни и кристаллические деревья, которые фиолетово-синей ночью распускали огромные цветы, наподобие ограненных самоцветов, сияющих изнутри.

Замок из белого камня стоял на высокой скале. Его башня представляла собой такой невероятный

небоскреб, что издали она была похожа на жемчужную иглу, уходящую высоко в небеса. Окна внизу и три верхних этажа были выложены из хрустальных граненых конструкций, наподобие сот. Свет, проникая в глубь помещения, нагревал внутри воздух и отапливал здание таким способом. Помимо света и тепла, через подобные призматические окна к радианцам приходили указы Высших Иерархов. Свет был еще и средством массовой информации и обучения человечества.

У каждого жителя был сапфировый перстень, в основном у мужчин, а у женщин на груди висела подвеска с кристаллом изумрудного или ярко-синего цвета. На этой планете оттенков этих цветов можно было насчитать миллионы. И они были основными носителями энергии.

Обитатели планеты были очень высоки и красивы, с волосами, струящимися словно золотой шелк. Все необходимое добывалось ими из пространства, и происходило это немедленно.

Планета разрушалась, теряя свое тяготение и защитную оболочку. И даже Высшие Вожди Галактики не могли ничего сделать с этой силой кармического срока. К концу приходила огромная эпоха существования великой планеты, вырастившей цивилизацию Белых Богов. Вождем последних был Дивный Сварог — мудрец радианцев, живущий от начала времен и знавший судьбу не только людей, но и планет.

Белое племя высоких и красивых людей превратилось в единый многочисленный народ, познавший глубинные тайны природы и, прежде внешнего, пространство духа, высокое благородство и священную силу действенного добра.

Казалось, что несправедливость настигает жителей. И, как могли, они удерживали силу планеты. Но у небесных тел, как и у людей, наступает время, когда элементы не способны держаться вместе, а связи, их соединяющие, распадаются. Наступало время усталости мира. И нужно было искать в великом космосе иное солнце, кроме Мицара, подходящее для обитания их великой расы.

Корабли-вайтманы были готовы — огромные межпланетные крейсера, величиной в тысячи километров. Это были искусственные планеты, в глубине которых имелось все необходимое для существования живых обитателей и откуда можно было посылать разведывательные отряды для исследования новых планет, на орбите которых могла находиться такая станция.

Араты, командиры огромных летающих судов, подняли их на орбиту Рады, предварительно превратив их в космические ковчеги, куда были помещены как некоторые животные, так и семена растений, и даже некоторые полезные насекомые. Все, что накопила цивилизация, невозможно было уместить, но была взята библиотека вещей кристаллов, вода бессмертия, генетические материалы и мелкие инструменты, необходимые для повседневности.

Армада кораблей зависала над гибнущей планетой, принимая тех, кто еще остался жив. Но вместе с живыми, вернее воплощенными, людьми Владыки того мира призвали всевозможные сознания стихиаелей и духов последовать с ними вместе в дальний путь.

Трудно было оставлять землю, на которой человечество этой планеты прошло многомиллиарднолетний путь своего развития — от самых робких первых шагов в духовных исканиях до умения использовать ресурсы своего сознания.

Каменные цветы и деревья из растущих драгоценных камней разного цвета были лишь малыми чудесами Рады. Но атмосфера ее постепенно теряла необходимые для живых существ вещества, а Мицар нещадно жег присущую только Раде растительность. И постепенно небо выгорало, теряя свой привычный фиолетово-синий цвет.

Сборы великой экспедиции переселения были настолько грандиозны, что не забыли взять из Тонких Планов своих Хранителей для каждой души — Берегинь, которые были свойственны людям этой планеты и состояли из энергии давно уже образованного огненного тела, вернее, из ее избыточных проявлений, чтобы сила не уходила и не расплывалась в пространстве.

Эволюционный этап Рады был почти закончен. Оставалась лишь малая часть завершения. Но вселенское зло не могло допустить того, что новая духовная сила заявит о себе и упрочит и без того невероятную мощь Иерархии Ориона. Подобно парализованным и полумертвым лунам, участь которых ожидала Раду, сам шар оставался целым, но терял магнитный принцип из-за внедренной в недра ледяной иглы, изобретения тьмы, вследствие чего ядро начало остывать и останавливаться, а магма заливала поверхность, как фонтан, вытекая наружу под большим давлением, создавая пустоты в глубине планеты, превращая ее в безжизненный полый шар, годный лишь для существования навных образований.

Космические ковчеги все еще висели над планетой. А Сварог, в последний раз обозревая ее, с дозволения Высоких Владык Мицара ударил молнией в самое скопление нави. И произошел взрыв, искры которого

разнесли куски планеты по всей вселенной, создав феномен Чинтамани — блуждающих священных камней, присутствие которых на планетах, в странах и городах давало им процветание, покой и благополучие.

Один из огромных камней, частей планеты Рада, стал впоследствии Башней Владыки Белого Братства на Земле, Башней Чунг. А малые фрагменты были превращены: один — в перстень Соломона, артефакт, управляющий всеми великими стихийными духами Земли, а другие — вправлены в перстни двадцати четырех каменщиков-строителей Храма Соломона.

Рада продолжала жить в своих малых частях и приносить пользу космическому человечеству. И даже в таком виде еще силен был магнетизм утерянного мира, который направлял Галактику к величайшей цели — стать образованием духа.

Поиск нового места обитания занимал не одну тысячу лет. Но Демиурги знали, где условия ближе всего подходят для радианцев, или радимичей.

Планета оставалась целой и останется таковой многие миллиарды лет. Но ее атмосфера должна была исчезнуть, а с ней животные, растения и, конечно же, и великий род сварожьих внуков — радианцев. И это невозможно было допустить. Часть человечества Рады перебралась на ближайшие планеты, подходящие по условиям. А другие, самые отчаянные и мудрые, решили найти молодую планету, где еще нет людей, и начать эволюцию заново или продолжить ее в будущих созданиях, в бесконечных опытах по улучшению физического человечества и одухотворению жизнеустройства через культуру.

Великие навигаторы мира определили планеты в дальних окраинах вселенной, где солнечная система только начинала свое развитие и первые планетарные очаги были готовы к заселению разного рода существами. Но засеивание небесных полей должно было происходить по единому замыслу Космических Родов. А этим ведали только Владыки этих Миров. Любое посещение требовало согласия Иерархического Совета Малых Вселенных. И это случилось, когда из Сварги, Высшего Мира, сам Отец ее, Сварог, обратился к Владыкам Кармы Солнечного Круга и получил разрешение для своего десанта.

Небесные ковчеги еще вращались вокруг родной планеты и ждали только приказа покинуть свою орбиту. Великое переселение мира, не виданное до сих пор, началось.

Аратаи пропахивали борозды в небесных полях. Они заглядывали в такие уголки вселенной, где не было ни звезд, ни планет и где для их образования еще нужно было божественное зерно мысли, которая провидит все ступени развития человечества, эпохи взлета и падения, день и ночь цивилизаций, образованных людьми, чьи величественные храмы, дворцы и несокрушимые твердыни время превращает в песок.

Для великих ведунов не было границ во временных течениях. Они одинаково видели как судьбы планет, так и государств, на них образованных, и, более того, читали знаки судьбы каждого человека, живущего на земле, и даже не родившегося. Для них звездное небо было вечным свитком знаний, который до конца невозможно прочесть не то что одному поколению мудрых,

но всей череде цивилизаций, проходящих на планетах круг за кругом.

Сварожья сотня вела армаду вайтман к неведомым землям. Это путешествие продолжалось не одну тысячу лет. Были пробные остановки на планетах, где иногда жили десятками лет и почти сроднились с духами того мира. Но что-то вновь вводило дальше, хотя кто-то из команды аратаев оставался на дивных и диких планетах, создавая Братство Небесных Пахарей.

На великих кораблях, некоторые из которых имели размер в тысячи километров и представляли собой, по сути дела, искусственные планеты, были не только школы, лаборатории и помещения, где животные паслись, как в условиях родной планеты. Там зрел урожай, росли сады и люди продолжали свой род, проживая в любимом труде, воспитывая и обучая детей, готовя смену наставникам, механикам, генетикам, агрономам, рудознателям и, прежде всего, духовидцам и святым, на которых держались сами устои божественного народа ванов-ариев, летящих на своих ковчегах к своей невидимой цели, где они могли бы полностью применить накопленный ими опыт, создав и продолжив еще одну цивилизацию.

В серебряном зале, где трон Сварога светился синими молниями, в самом куполе центральной крыши сиял Великий Урадан — огромный лиловый кристалл, вбирающий в себя все токи познания и концентрирующий их в глубине своей непорочной плоти. К нему, как к оракулу, обращались даже Высшие за советом или для того, чтобы увидеть новые дальние земли.

Для Великого Владыки Мира Рады, Сварога, Урадан служил духовным глазом, а говоря современным языком — телескопом, но с более совершенными и могущественными способностями, усиливающими или берущими на себя одно из высоких качеств духа. Способности Камня были так велики, а разрешение настолько четко, что через него можно было увеличить любую точку во вселенной и приблизить ее до такого состояния, что становились очевидны цветы, растущие в альпийских долинах, или плоды в диких садах теплых поясов планет. Но, помимо этого всего, можно было через Урадан общаться с Владыками дальних земель, удерживающими их равновесие и благоденствие. Голоса и видения невообразимо дальних миров доносились так четко и были настолько понятны, что не нужно было переводить их на иной язык. Светосимволы универсальны для всех мыслящих существ. Даже животные в пространстве мириад планет имеют орган для прочтения мысленных импульсов и образов, в них заложенных.

Урадан иногда вспыхивал необычными сполохами и открывал картины планет, которые наиболее подходили по своим условиям для существования тел, в которых жил дух радимичей. Солнце Мицара ода-рило их особенной физиологией, где путь внутренней культуры был пройден давно, выстраданный многими древними периодами взлетов и падений, названными днями и ночами Рода. В конце концов, ныряния духа выровнялись и люди стали почти совершенны, управляя своей физической природой и неограниченным долголетием. Они сотрудничали с существами Тонких Миров, с духами земли, воды и огня. И любая просьба, чистая, искренняя, с любовью сердечной испрошенная, исполнялась.

На Раде был выжжен весь империл вместе с его воздушным аналогом, а культ добродетельности и любви друг к другу преобладал. Конечно же, здесь были, помимо волхвов, воины и ремесленники. Но касты не были препятствием для общения, потому что мир был одухотворен силой божественного вдохновения, цель и смысл которого были ясны. Перспективы существования для ванов-радимичей были так обширны, что дух каждого из них умел молиться не невидимому Существо, но собеседовать с избранной Силой, персонафицированной в Божество.

Навигаторы Галактического Кольца определяли не только пути звезд, но и их назначение в круговращении мира. Со стороны казалось, что Великая Юла несет мириады пылинок, расположенных в хаотической среде и движущихся сами по себе, без смысла и какого-либо толка. Но это было лишь внешним впечатлением. На самом деле, не то что человек — животное, птица, цветок или камень имеют свою судьбу. Даже пылинка просто так не может подняться вверх и снова опуститься. Все подчинено высшему закону целесообразности, закону кармического осуществления Первопричины, некогда запущенной в мировое пространство.

Пылинка несет на себе свой микромир, свою невидимую вселенную, с бесчисленными существами, ее населяющими, отражая принцип: «Как вверху, так и внизу». И хотя их жизнь длится мгновение или малую часть его, в ней происходят свои, не менее значимые для их сознания события.

И если сам человек является носителем на себе и внутри себя огромного количества представителей микроскопического мира, то учение о Пуруше,

Вселенском Человеке, реально. А в составе Пуруши Орион являет собой Сердце Мира. И его люди представляют собой систему передачи мудрости от Высших Миров к самому подножию мироздания, куда свет силы Рода доходит лишь в виде семени бессмертия.

Пирамида, или Дом Жизни, со всеми ее тайнами и чудесами есть устройство, открытое на Орионе и применяемое по всей Вселенной. Орион, который считают гнездом всех звезд и пастырем овец небесных, явлен как первообразование в нашей Галактике, как ее Сердце, способное создавать другие миры и жить вечно во всех мирах.

Называя Орион Пастырем Неба, древние считали, что это наиболее давнее из созвездий и что именно его Око Озириса, известное как Сириус, следит за порядком во всей нашей звездной галактической общности. Сириус как хранитель Ориона от воздействия и влияния навных существ и законов считался Песьей Звездой и исполнял роль, подобную той, которая предназначена сторожевой бойцовой силе.

Наблюдая за развитием планет собственной галактики, Пастырь Небес был осведомлен об уровне развития каждой из них. Но разве возможно было бы любому человеку уследить за ростом каждой своей клетки? Всегда было общее понимание развития одного или другого сектора звезд, играющих роль красных или белых тельц в великой крови космической жизни. Все было сознательно, но отдано на управление тем, кто отвечал перед Предвечным за свои участки деятельности. Сообщаясь с Планетными или Звездными Духами,

Высший Иерарх получал сведения, необходимые для Его решений. Когда у человек вдруг что-то заболевает, он направляет внимание на этот участок своего тела. Точно так же действует и Галактический Пуруша.

Урадан вспыхивал и издавал мелодичные сигналы, которые тончайшей музыкой наполняли пространство серебряного зала. Звучал хор маленьких колокольчиков, сливающихся в пронзительную космическую мелодию, которая будоражила сознание своей неповторимостью и масштабом великой необъятности.

С этой музыкой сфер, которая в каждой части Галактики имеет свою тональность, влетают во внутреннее духовное пространство человека величайшие знания, светосимволы которых, не осознанные в данное мгновение, все же оседают на дно Чаши накоплений. Там они находят достойное для себя место, храня силу и благодать, как ароматный ладан, до той поры, пока огонь мысли, прожигаящий все покровы неведенья, не даст тонкому аромату мудрости подняться в высшее вместилище сознания, пробужденное в должный час, где они будут поняты и применены.

Скитание по мирам утомляло людей. Выработывался фактор вечных бродяг, когда каждая душа начинала формировать в себе синдром изгоя. А это было не просто опасно — это разрушало чистую и целостную систему родовых накоплений тех существ, которые были призваны и имели право славить Богов, отдавая миру Прави жертву благодарения за вечный труд хранения мудрости.

Слова «Право славить», то есть славить Высший Мир, или Правь, легли в основу названия их вечной религии — Ведического Православия. Правый путь,

или стезя к постижению Света, определял цель судьбы целых поколений солнечного народа.

И нужно было пройти через горнило испытаний, чтобы земля была найдена — земля, на которой они начнут новую жизнь, дав своим потомкам статус Наставников человечества, которое в диком виде существовало на каждой из планет.

Асы и ваны научат всех жителей планеты строить крепости-города, сеять хлеб, добывать огонь и ковать железо, изготавливать одежду, приручать животных и пользоваться их мускульной силой, строить дома и лодки, лечить людей, а главное — возводить природные храмы Наставникам-Богам, с видящими зеркалами для беседы с Великими Душами. А еще грамотность разговорная и письменная станет основой передачи знаний. И даже при изменении языковой и смысловой культуры найдутся люди-толмачи, открывающие знания древних языков, — перерожденцы тех, кто некогда, в прошлых веках, ведал письменными знаками и, может быть, стоял у истоков их изобретения.

Звезда Тара принимала в объятия своего тяготения армаду великих космических ковчегов, рожденных дальними веками ранее. Планеты, которые вращались вокруг нее, были так дивно хороши, что даже не хотелось портить идеальную атмосферу механизмами. Были посланы на поверхность лишь малые виманы — летающие диски и башни в виде пирамид, которые очень гармонично вписывались в архитектуру этих земель, на которых жили одни женщины, удивительно красивые и добрые. И трудно было себе представить, как им удавалось обходиться без мужчин. Они были космическими весталками и порождали только женщин способом,

известным как поторождение. В особый момент, когда время соединяло три луны воедино, тариане обращались к Великому Огню Мира. И он нисходил, покрывая их лучом творящего жара, от чего весталки начинали усиленно потеть. И в области живота выделялась большая капля, впоследствии затвердевавшая, становясь своеобразным яйцом, в котором развивался зародыш новой девочки. Но пол был лишь номинальным, потому что в женщинах не были развиты ни родовые проходы, ни сама маточная структура. Она была собрана около пупка, в центре материнства, имеющем связи с сердцем и мысленным миром.

Яйцо, вначале микроскопическое, постепенно росло и превращалось по размеру в форму, похожую на живот беременной женщины. Когда созревание происходило, скорлупа серебристо-белого цвета лопалась вначале около головы, а потом раскрывалась, как шестилепестковый цветок лотоса, и из нее выходило чудесное лучезарное дитя, невероятно прекрасное и радостное, источающее лotosовый аромат. Говорить девочка не умела, но могла бегать, двигать руками, хлопать глазами и узнавала свою мать, чья плоть выделила силу творящей жизни и которая потом воспитывала ее, хотя для этого существовали большие высокие храмы в чудесных горных рощах, где дети росли, наслаждаясь духом вечной красоты и чистоты.

Но мужская энергия шла от одного из светил тарианцев, Аль Дара.

На многих землях, как арии называли планеты, люди имели тела, которые не нуждались в пище. Им было достаточно того, что деревья цвели круглый год, а их ароматом они питались, вдыхая его. И таким же

образом удовлетворялась необходимость в воде, когда вдыхался сырой туман и густые скопления цветочной пыли.

Были земли, где люди обретали призрачные формы и где разум существовал в виде каменных тел или древесных стволов, а также в виде множества водяных и летучих тел — но они были физическими, а не утонченными.

Все чудеса мира можно было собрать и увезти с собой с позволения Владык этих планет. Голос живых стихий, как и дыхание редчайших по красоте цветов из драгоценных камней, слышали радимичи, собирая опыт своих путешествий. Чистота их сердец позволяла общаться с духами высшего ранга, хотя и навный мир исполнял свою работу, без которой не существовало бы равновесие каждого мира.

Как для Великих Владык нужны ученики в миру, посредники для передачи знаний высших, их популяризаторы и толкователи, так и на каждой из физических планет создавалась кастовая система: иначе некому было бы пахать и сеять, собирать урожай, строить дома, создавать все необходимое для жизни. Одни уже рождались браминами, а другие могли достичь этой касты лишь к старости, постепенно переходя с одной варнической ступени на другую, исчерпав до конца обязанности каждой из них. И в этом плане опыт браминов, волхвов или ведунов, которые знали, что такое физический труд, торговля и воинское искусство, был гораздо выше опыта тех, кто родился в семьях священнослужителей или в кругу высшего сословия, хотя и там нужно было постоянно подтверждать свой статус в области знаний, искусства или мастерства.

В космическом ковчеге можно было жить вечно, постоянно пополняя ресурсы за счет того, что в некоторых его отсеках были созданы идеальные условия для разведения животных, особенно коров, которые могли прокормить великую армию радианцев. Лаборатория живой природы включала в себя плодовые деревья, целые сады и поля, засеянные пшеницей, гречихой и множеством других зерновых культур и фруктов. Некоторые из людей Рады питались только ароматами. Это был отряд ведунов, или верховных наставников народа, которые держали связь с Божествами Вечного Мира.

Сам Великий Сварог был рожден Богородицей Ладой от воздействия Духовного Отца. Тело Его на тот момент имело форму человеческую, но, на самом деле, представляло уплотненный ментал и питалось высокой мыслительной энергией и силой высших образов. Это был один из самых значительных экспериментов Космического Братства по уплотнению ментала, после того как часть высших служителей обитала в телах уплотненного астрала, что позволяло им перемещаться по планете без помощи подручных средств. А уплотненный ментал давал возможность посещать дальние миры без аппаратов и механических устройств.

Но в силу того, что народом нужно было управлять, Великий Наставник асов и ванов вынужден был оставаться в их среде, хотя мог бы давно покинуть мир, который Он давным-давно перерос по Своему сознанию. Но в этом и заключался принцип Великой Жертвы каждого из Учителей планетных кругов. Как и в других мирах, у Него был целый круг Братьев, помогающих в Его делах и несущих бремя ответственности за планетный круг.

Помимо невозможности обитания на Раде, которая после периода обскурации должна была вновь возродиться, у великого десанта была задача культурного посева, преобразующего все стороны существования на девственно чистых планетах. На их поверхности, где тяготение было меньше, а условия располагали к необычайно буйному росту как животных, так и растений, люди могли вырастать до таких гигантских размеров, что построить циклопические строения было для них то же самое, что для землян современных построить дом из кирпича. Для них глыбы в несколько тысяч тонн были тем же самым, что обычный камень или кирпич для современных строителей.

Радианцы владели всеми видами ремесел и искусств. Руница как основа знаковой письменной речи была в обиходе. Но давно уже существовали на Раде камни-кристаллы с записанным на их кристаллической решетке сводом всего многообразия знаний, которые были забыты, но достигнутые успехи в которых были высоки. Упрощение понятий не считалось примитивностью, но понималось как сжатие мудрости и образование некой квинтэссенции постигнутого. Драгоценные камни обладали способностью принимать и хранить объем информации более обширный, чем у углерода или хрусталя.

Не тайною было и то, что Земля находилась в числе недавно родившихся планет и что ее здоровье позволяло создать цивилизацию, не обремененную пережитками древних лун, хотя мать, ее выносившая и возрадившая, вращалась совсем недалеко, наблюдая за всеми изменениями своей дочери. В час полнолуния, когда притяжение ее было достаточно сильным, в том

месте, где Луна некогда отделилась от своей дочери, оставив огромную вмятину в ее плоти, всегда наблюдалась водяная гора, которой не должно было быть. Порой она достигала тридцати, или даже пятидесяти, метров над ровной поверхностью океана. Как память о древней связи, это происходило и происходит из месяца в месяц уже многие миллиарды лет, ибо пуповина родительского начала не может быть порвана никогда.

Тарианцы были звеном, объединяющим весь Галактический Союз высшего человечества. Они принимали решение о заселении Земли, тщательно исследовав все возможности этой молодой планеты, ее потенциальную ценность в лаборатории огромной космической реторты.

Земная среда имела отдельную от других планет атмосферу и огромные океаны живой воды. Из воды можно было производить бесплатную электрическую энергию при помощи пирамидальных построений разной формы и отличного друг от друга наполнения и величины — от самых малых до великих кристалльных образований, которые служили аккумуляторами и распределителями не только механической, но и сознательной силы, праническими ее излучателями.

Небесный остров не имел возможности приземлиться из-за своей громадной величины. Даже самые великие пустыни не смогли бы принять платформу в несколько тысяч километров. Но были отдельные модули, которые отделялись и могли совершать автономные полеты. Сама станция, конечно же, долгое время собиралась в космосе, а челноки сновали

с поверхности планеты, принося новые и новые узлы, наращивая остров.

Но, помимо механических соединений, в процессе этого творения происходили как магнитные, так и стихийные сочетания, которые держали части не хуже болтов и гаек. Умение сообщать началам целесообразность того или иного действия вызывало утвердительную реакцию, на основе чего создавались живые объекты, способные жить в космическом пространстве.

Некогда Хаос пытался создать и создавал огромных монстров, пожирающих звезды и целые звездные системы, растворяя их без остатка и возвращая пространство в состояние относительной первозданности, потому что, стерев или уничтожив звезду или планету, нельзя удалить ее следы из тонких сферических образований. А Великие Начала, Разумные Силы космоса, создавали живых спутников орионского человечества, чтобы они в час крайней необходимости являли заботу о людях как высшем проявлении их творчества, охраняя их и выполняя те функции, которые для людей были непосильны. Высшие духи огня, саламандры-актиничи, несли стражу, оберегая достойнейших из людей, проявляя себя как видимо, в образе шаровых молний, так и невидимо, выражая свою сущность в нагнетении пространственного огня и создании незримого, но осязаемого чувствами огненного бережного круга.

Небесный остров и его части, из которых он складывался, были охранены своей собственной атмосферой и шаром тонкой, но мощной плазмы высшего разумного порядка. Никакие блуждающие в космосе камни-аэролиты не могли нанести вред ковчегу, потому что огненная оболочка уничтожала не только приближающиеся объекты, но и вредоносные вирусы, создаваемые Хаосом для уничтожения всего живого.

Некоторые оболочки-модераторы создавались по принципу скафандров для выхода в открытый космос. Но и в них не было технических приспособлений, а были следы творчества стихий, опыт которых был громаден и уникален. В существовании их вечного сознания они умели то, к чему подводили человечество, постепенно обучая его принятию высших энергий знания. Выбирая среди воплощенных по одному, только им известному, принципу детей, они вводили духовные и высшие ментальные инъекции каждые три, пять и семь лет, для того чтобы вырастить не просто выдающуюся личность, а проводника для их высшей деятельности.

Опыт по внедрению в плоть нравственного закона планет духовного порядка был не просто важен, но необходим, потому что для приспособления к условиям физических планет нужно было вводить эмбриональные клетки в тело женщин или самок животных, образованных на землях Учителями этих планет. Космическая генетика исключала физическое вмешательство. Женщина могла быть оплодотворена волновым способом, а зародыш, выношенный ребенок, удалялся при помощи безболезненной операции, о которой сами матери могли и не помнить. Так создавались высшие расы, внедряясь в тела аборигенов. Но белоликие старались обходиться без этого, предпочитая сохранять чистоту своей родовой памяти, которая затмевалась от связей с инородными элементами.

Излучение голубой планеты наиболее подходило для посланцев Рады. Здесь была та чистая атмосфера, которая позволяла построить оплот новой цивилизации. Несколько вайтман-разведчиков высадились в разных

частях планеты и на самой горе Сумеру, на площадке у самой вершины, сияющей вечными чистыми льдами. С вершины стекали четыре потока, а у подножия плескалось озеро с водой белой, как молоко.

Весь комплекс исследовательских данных собирался в лабораторию Вождей по многим параметрам, включая присутствие духовного элемента в пространстве и степень электризации почвы. Приборы навигаторам служили лишь для того, чтобы создать общую картину для принятия решения о создании станции или окончательном заселении планеты.

Белый Совет во главе с Владыкой Сварогом заседал в серебряном зале. А Урадан, вправленный в вершинную точку купольного потолка, время от времени светился, создавая световой столб, в котором Вожди могли видеть своих Наставников, некогда пребывавших в форме и существовавших сейчас в телах разных образов Махамайи. Не было только Всевышнего, Предвечного и Незримого. Но Его Голос присутствовал для одобрения или отклонения принятого решения.

Согласие Иерархов всех уровней необходимо было для утверждения белоликих для проживания на этой планете. И Демидург этой земли, создавший ее и вырастивший из семени своей сокровенной мысли, был тем, с чьим мнением должны были посчитаться прежде всего. И с ним был целый сонм Богов-Создателей, Владык Духов — Начал, кто ваял планету, исполняя роль простых тружеников, воплощавших Волю Высшую.

Любая из планет была создана так, чтобы все элементы живых существ, растительного и минерального мира после окончания своего жизненного пути возвращались в нее, составляя круговорот существований, который повторял путь звезд, путь солнца и лун, бывших и существующих в данное время.

Испрашивание дозволения было не просто дипломатическим актом, но процедурой кармической, когда разрешалось Хозяином этого Мира навсегда распоряжаться планетными ресурсами, не превышая дозволенной нормы добычи и не отравляя ни одну из планетных стихий. Договор не скреплялся подписями и печатями. Те, кто видел все в Вечных Анналах Акаши, могли определить реальность такого акта по взаимному согласию сторон. Космическое Право, а значит и Космический Закон, должно было соблюдаться: иначе никакое из устроений, ни земное, ни тем более небесное, не могло иметь основание к существованию.

Сама Великая Матерь Судьба, Макошь, следила за исполнением этих правил, избирая волхвов — исполнителей Своей Воли, которые могли слышать Ее дыхание, Ее ароматную речь, звучащую на всю вселенную и без которой не было бы справедливости ни на земле, ни на небе. Но нужно было заслужить Ее внимание. Нужно было подняться из недр невежественного и безответственного существования, понимая, что выполнение законов совести и культуры и есть служение Матери Судьбе — величайшей из всех Богинь, чья незримая сила выражалась в доле и недоле, ибо Она давала эти части благополучия людям. Некоторым из них Она посылала искру Своего Сердца, которая превращалась в персональное для души существо — Берегиню, переименованную иудаизмом в Ангела-Хранителя. Но не каждый дух мог похвастаться тем, что у него есть такая астральная или мысленная защита. Обретение такого стража происходило у древних родов старшей крови, в высших слоях космического человечества, где понимали, что любой уровень блага должен служить всему вселенскому человечеству.

Уровни материального благополучия должны были приходить тогда, когда человек проходил психическую подготовку и ставил себе защиту от влияния гномических элементов на свое сознание. Это было непременным условием для вождей всех уровней, начиная от руководителей планетных и звездных кругов и заканчивая главами наций, родов и семей. Нужно было четко осознавать, для чего дается такого рода явление, как богатство. Его нельзя было считать личным достижением, которым человек мог бы распоряжаться по своему усмотрению. И если это случалось, то он не должен был забывать не только о членах своего клана, но и о слугах и работниках, доходя в своем благодеянии до самых низших звеньев своего круга, помня всех, никого не обделяя и не обходя вниманием даже малых существ. В этом и заключалась справедливость Матери Судьбы. И редко кто должен был быть обездоленным: ведь даже для преступника полагалась своя часть благополучия. А высшие брали из Чаши Макоши столько, сколько позволяла их совесть и скромность. Роскошь должна была быть представительской и принадлежать народу, а не частному лицу.

Небесный ковчег был громаден, как целая планета, построенный в виде сфероида с уходящими вверх и вниз башнями навигационных маяков. Он был похож на громадный космический город, вмещающий в себя множество автономных частей, из которых он состоял и которые в любой момент могли отстыковаться и продолжать свой полет самостоятельно, как с армадой, рядом с Ареем — кораблем-ядром, так и имея отдельную порученную программу разведывательного характера.

Отработанная система связи, основанная на межгалактическом языке светосимволов, передаваемых телепатически, не требовала нагружать корабли громоздкой аппаратурой. А квантовые двигатели работали на сгущенной энергии огня и воды. Вода бралась из космоса системой конденсации влаги — от перепада температур в космосе и внутри самих кораблей — и создавала воздушную среду, в частности кислород. Для жителей Рады кислород с газообразными серебром и золотом был самым необходимым элементом дыхания. Но у радианцев существовал и другой вариант выживания. Они могли вовсе не дышать, погружаясь в состояние обратимого самадхи, или же переходили на дыхание водородом или другими газами с примесью медесодержащих составляющих. На планетах, где не было кислорода, переключение на другой вид дыхания происходило автономно. Поэтому почти ни у кого не было скафандров или противогазов. Даже животные были приспособлены к такого рода изменениям.

Но переход на иные формы дыхания и питания приносил с собой мутации и изменения чувственных параметров, когда зрение становилось таким психическим, что даже в плотных слоях самых крепких горных пород видело все до мельчайших подробностей — от драгоценных камней до живых обитателей глубин, существующих в тонких телах и никогда не выходящих наружу. То же касалось и обитателей воздуха и воды. И даже огненные сущности были различимы во многих состояниях — как в диапазоне зримости одного тела, так и в другом режиме дыхания.

Мутации отражали сложность и многогранность исполняемой задачи. Некоторых из экспертов держали в специальных водородных или азотных камерах как разведчиков-ясновидящих, для того чтобы они могли

обозревать окружение планет и духов, их создающих и охраняющих. За Ареем двигался целый сонм таких существ, которые были привязаны к своим Владыкам и не могли существовать без их любви, без их молитв и знаков внимания в виде жертв или простых угощений, а также без слов благодарности за свою работу. Воля Белых Вождей была для них атмосферой жизни, без которой они бы умерли.

Тронный зал Владыки Сварога находился в самом центре священного круга жизни этой огромной орбитальной станции аратаев — небесных пахарей. Знак Триединства у входа напоминал Мировое Дерево как символ вечного потока жизненных устремлений и их качеств. Были серебряный ствол и ветви. Были изумрудные листья, и цветы невиданной красоты, и спелые прекрасные плоды. Помимо этих четырех принципов жизненных этапов, были еще и корни-труженики, добывающие из глубин тамаса энергию первожизни, трансмутируя ее до божественной и саттвичной энергии, где сияние вершин переходило в ослепительный ярко-синий свет. Время от времени Древо Истины вздрагивало, словно передавая свои мысли людям, что потом сохранилось в обычае волхвов — слушать шепот листвы в дубовой роще.

Было указано разведать состояние молодой планеты и дать отчет о том, пригодна ли она для радимичей. Малые вайтманы в виде дисколетов опустились в разных уголках планеты, собирая материал для исследования: воду, цветы, камни и деревья, а также пробу воздуха и энергетические материалы в виде излучений и самих образцов аур планеты, — для изучения их совместимости с аппаратом жизненных показателей.

Оказалось, что молодая планета была очень близка их родной планете в период ее расцвета. Давно так легко не дышалось людям Рады в аромате цветущего мира, который только вступал в полосу своей истории.

Нужно было отыскать ровное и прочное место, чтобы опустить на твердь огромный небесный ковчег. И такая бескрайняя степь нашлась, где в одно мгновение возник великий город с чудесными башнями-антеннами, с крепостной стеной и четырьмя воротами. Начало расы было положено. А само название «Рассения» означало «расселение сущности человеческой на земле».

Серебряная пирамида повисла над скрещением четырех рек, напоминающих в своем течении четкий орнамент солнечной свастики, которая была некогда на Раде инструментом гармонизации сил наравне с крестом в круге, из плоти которого она и появилась.

Из пирамиды на четыре стороны протянулись тонкие прозрачные лестницы, по ступеням которых сошли огромные люди, белолицые и светловолосые. Четыре племени расы космической впервые коснулись тверди на новой планете, чтобы продолжить путь бесконечной эволюции, которая никогда не прекратится во вселенной, ибо Сама Матерь Мира, Богиня Жизни Жива, ведет беспредельный мир по тропе совершенства, не зная, чем закончится эксперимент воплощений. И лишь дух ведает это.

Запах земных цветов и трав напоминал радианцам аромат цветов их родной планеты. И воду, чистую и чуть сладковатую, можно было сравнить по вкусу только с источником Вечной Жизни, который бил

в священных горах Рады, где стояли серебряные пирамиды, похожие на ту, которая зависла над скрещением четырех рек. Позднее пирамида опустилась на гору Меру, которая указывала самую северную точку планеты, полюс земного мира, над которым ночами сияли чудесные небесные огни. А иногда вокруг горы как остаток сполохов северного сияния надолго повисала корона из разноцветных огней.

Полюс всегда был верхней точкой планетного круга и отличался особой силой, которую одни не могли выдержать, а другие не могли без нее жить. Дыхание небесного огня наполняло сердце благодатью, отчего здесь могли жить — как в прошлом, так и в настоящем — только чистые душой люди, которым нечего было скрывать, хитрить или лгать в чем-то себе и другим, используя доверчивость как трамплин для достижения собственных целей. Культура как неписанный закон, как почитание Огня, перед которым совершались моления, клятвы, бракосочетания и заключались договора и сделки, служила основой душевного мира. Никто не подглядывал за соседом, не осуждал и не наушничал.

Золотой Век был принесен с посланцами небес. Позднее люди, договариваясь, брали в свидетели Солнце. И оно отвечало им, давая знаки благословения. А воины при посвящении мечей и при рождении сыновей обращались к Господу Грозы, Богу Перуну, и Он молнией благословлял людей. Но это было гораздо позже.

Начало пути заселения планеты ознаменовалось решением: какое племя уйдет в какую сторону, а которое останется вокруг пирамиды. Нужно было отыскать ровное место на планете для приземления небесного ковчега, который позднее стал бы священным городом для всех культов и религий. Можно было разделить

его на отдельные секции, которые были автономны и имели свои двигатели и кабины управления. Но и в таком виде, когда восемь почти треугольных частей отслоились и центральный шар обнажился, сияя, как полная Луна, он все же был громаден.

Каждый из треугольников нашел место, удобное для посадки, и оттуда были выпущены некоторые животные, которых доставили в изначальном виде. Это были слоны, коровы и лошади. Собаки и кошки были в других кораблях, а многие виды были принесены в состоянии генетического материала. Лаборатории древнего мира, где были собраны образцы живого и неживого материала, включая семена растений, образцы воды и минералов, а также растущие камни, остались в мобильном состоянии, чтобы понять, где будет лучше расти тот или иной сорт посевных культур или плодовых деревьев, дающих питание людям и животным.

Люди разошлись на четыре стороны, чтобы обследовать новую планету. Каждой группе была дана в помощь агнисфера, малая вимана, и целый набор аппаратов и инструментов для исследования всех стихийных царств.

Познание материального мира последовало за тем, как был изучен мир мысли планеты, который был девственно чист, как и сама Хроника Акаши. В ней пока не было никаких накоплений, как и отложений гнева и раздражения — за отсутствием кровопролитий, потому что изобилие плодов растительного мира было таково, что все звери были вегетарианцами, а сама земля, вся, до последней своей пяди, представляла собой райский сад. И сама легенда об Эдеме связана была со всей планетой.

Владыка Сварог установил связь с Планетарным Духом, Демиургом, и настоятельно просил принять их, отдав во владение гору Меру. Со своей стороны, Он пообещал населить Землю пахарями и строителями, воинами и мудрецами, дав обет создать новое человечество, плоть от плоти и кровь от крови Своей.

Но радианцам было сложно приспособиться к новым условиям тяготения и атмосферы. И по совету Старейших и Самого Ветхого Деньми они решились создать людям будущего тело, приспособленное к земным условиям, для чего великие маги Рады привили свою кровь самке и самцу белых медведей, обитающих только в высоких широтах. Наравне с этим, по согласию доноров, было произведено искусственное оплодотворение медведицы, которая родила двух медвежат, очень похожих на людей, но чрезвычайно лохматых. Медвежата были подвержены обучению через облучение кристаллом мудрости, Ураданом, который хранил в себе все накопления знаний угасшей планеты. Сеансы проводились на утренней и вечерней заре, когда Крийя-Шапти была наиболее мощна.

Выпущенные на свободу, первые особи этого эксперимента стали стражами городов священных. Их назвали снежными людьми.

Первая формация походила на современных обезьян. Но постепенно, поколение за поколением, облик людей улучшался сообразно внутренним и внешним способностям.

Участие Лунных и Солнечных Учителей ускорило процесс созревания той идеи, которую Создатели хотели вложить в человека. И, наконец, было создано много особей нужного качества, то есть четырнадцать пар, из которых и вышли все народы мира, хотя экспедиций с других миров было немало.

В одних особей вкладывалось умение строить и создавать поселения со всей инфраструктурой. В других — умение различать лечебные свойства трав и качества врачевателя. В третьих — знание камней, руд и связь с подземными стихиями. В четвертых — понимание воды и атмосферных осадков, умение останавливать бури и ураганы и вызывать дождь. В пятых было вложено качество огня, как небесного, так и земного. В шестых пребывала власть над землей и умение разводить сады, засеять поля, убирать урожай. В седьмых проявлялось качество владения стихией воздуха, умение строить небесные города и использовать неиссякаемую силу воздушных потоков. В людей вкладывались как чистые, так и смешанные качества, очень близкие по своим воздействиям или дополняющие друг друга.

Четырнадцать типов создали четырнадцать человеческих племен, заселивших земной шар, ассимилируясь с аборигенами.

Прививая животным свои гены, ариане-радимичи трудились вместе с Лунными Учителями. И для того чтобы опыт был успешен, нужно было создать вещество, живое и пластичное, для записи великой мудрости существований.

Ученые долго трудились. И, наконец, из двух газов создали удивительную структуру, которая соответствовала работе в уплотненном теле и могла бы стать носителем жизненной силы и самих генетических накоплений. Была изобретена вода как основа для плазмы крови. Этот соляной раствор наполнил не только человеческие тела, но целые океаны на Земле.

Наравне с построением городов, поселений и храмов около хрустальных скал и ледяных пещер аратай, арии и дарийцы начали строить подземную часть своей столицы. Чтобы выработки шахт не оставались в диком состоянии, они облагораживали их, призывая на помощь духов из свиты Бога Куберы — Владыки Сокровищ, с которыми, как и с другими стихиялями, арьи установили связь через своих Вождей-Богов.

Подземные дороги, дворцы и мосты уходили все глубже и дальше, постепенно пронизав весь земной шар, выстраиваясь по единому проекту радианских инженеров-маркшейдеров. Помимо убежища от ураганов и холода, эти лабиринты служили для сокращения расстояний и устройства тоннелей-желобов, по которым человек мог одолеваять расстояние в тысячи километров за несколько десятков минут, сидя в шаре из бронеустойчивого и жаропрочного стекла, в кресле, оборудованном гироскопической системой, которая исключала падения, перевороты или неудобства как от скорости, так и от толчков и торможения. Такие дороги уходили во все стороны планеты, а самая главная соединяла между собой полюса.

Дивные дворцы подземелий с зарослями драгоценных камней восхищали своей красотой и напоминали живые камни самой Рады. Но глубина, или пекло, таила страшных чудовищ самого низа Навьего Мира, охраняющих чертоги Чернобога, самого Кашея, который себя считал господином всех сокровищ. Но тем не менее арийские дороги уходили на глубину до десяти — двенадцати километров, а иногда и еще глубже, пока температура земной коры позволяла телу выдерживать этот жар. Позднее, после наступления холодов, лютых и внезапных, великие подземелья спасли миллионы людей и домашних животных, дав им приют и кров.

Города под земной корой были комфортны и приспособлены для жилья без дополнительного отопления. Они имели источники чистой воды, и даже родники вечной молодости, которые охранял змеиный народ — наги. Все слухи о предательстве и коварстве последних — ложь. Нет более преданных существ. Были случаи, когда змеи, живущие долгое время в доме, где к ним очень хорошо относились, умирали на могиле хозяина, не вынеся тоски по нему.

Наги могли принимать, по мнению людей, любую форму. Но это была лишь реакция богатого воображением сознания, впитавшего в себя значительно более обширный опыт мудрости жизненных ситуаций, которые испытали арии. Наравне со всеми достижениями сознания в путешествиях по мирам у них был очень важный аспект постижений внутреннего мира, определяющий их космическую зрелость и величайший духовный опыт. Они имели сформированное огненное тело, в котором могли сознательно перемещаться по всей вселенной, помимо летательных аппаратов. Высшие мудрецы Рады умели переносить в капсулу огненного тела даже свои физические тела, чтобы потом возобновить деятельность плотного тела.

Но даже физиология у ариев была иной, как и состав крови, и количество спиралей ДНК, а также пар хромосом. Наличие открытой родовой памяти делало их всезнающими и всевидящими для диких народов, потому что их способность оценивать обстановку в обществе и анализировать жизненные позиции удивляла царей и волхвов первобытного мира. А владение письменной речью и так называемыми свитками памяти, или говорящей бумагой, считалось принадлежностью высшей касты.

Помимо этого, были принесены в этот мир инструменты и технологии, которые облегчали труд тысяч людей. А великое умение мантрики, посредством которой арьи лечили людей, прокладывали дороги через неприступные горы, строили озера и искусственные плотины, заставляя камни сначала разрушаться, а потом летать, не смогли перенять даже их потомки, потому что закрылся вход в кладовую родовой памяти вследствие потери добродетели. И лишь некоторые дети в нашей современности, посещающие школу планет Ориона, учатся вспоминать силу своего сердечного потенциала.

Великая пирамида, зависшая над скрещением четырех рек, осталась на своем месте даже после того, как четырнадцать родов разошлись в разные стороны планеты, а иные, воспользовавшись виманами древней родины, высадились в подземном мире, как называли тогда места в нижней части планеты.

Арктида не была единственным комфортным для обитания материком, потому что вся Земля представляла собой райский сад, в силу того, что ось планеты была повернута таким образом к Солнцу, что принимала его лучи почти равномерно. И даже в пределах полюсов температура была от 18 до 25 градусов в современных исчислениях.

Вращение пирамиды создавало вихрь привхождения мыслеформ, которые направлялись на эту твердь из просторов Высшего Разума. И эта чистая радиация сознания в течение многих миллионов лет позволяла арийцам существовать безмятежно. Даже болезни не трогали людей, и они могли жить не старея не одну тысячу лет.

Генераторы ментального здоровья — вращающиеся пирамиды — были установлены и скрыты в глубине великих гор и подземелий и действуют, не прекращая своего труда, и теперь, не зная истинного счета времени, с самого начала своего появления.

Дети Сатурна отразили принцип вращающейся пирамиды в построении меркабы — огненной колесницы, которая способна в час нужды переместить человека в любую область пространства по его выбору. Но они не учли, что перемещается в коконе славы, или агни-рупы, не физическая плоть, а дух в сиянии души, и то при условии сознательного овладения телом света, формирование которого занимает не одну сотню воплощений. Мысленное вращение меркабы ничего не даст, кроме парализации центров и вечной головной боли, сбивая ориентиры, установленные сознанием.

У орионцев, помимо астрального тела, было давно создано как ментальное, так и духовное, огненное, в котором они могли посещать высшие планеты, и даже поверхности горячих звезд. Это им не приносило вреда, но по возвращении из таких полетов и вхождения агни-рупы в остальные тела непомерно страдало физическое тело, особенно манипура.

По прибытии на Землю инопланетному десанту нужно было приспособить тела к местному климату, атмосфере и общему химизму новой жизни. Ученые космического ковчега в своей лаборатории придумали способ прививок особого газа, посредством которого физиология радианцев, алькорианцев и лебединцев постепенно приобретала комфортное для них состояние, не подвластное земным болезням. Газовые прививки содержали воздух родных для переселенцев планет,

соединенный в разных пропорциях с воздухом полярных высокогорий. Постепенно газ с планет-родителей вытеснялся, и люди иного мира привыкали дышать без вспомогательных средств земным воздухом, образуя присущие планете свойства.

Но часто тяжесть земли не давала ощущения полного благополучия, потому что не все психические силы, которые использовались на планетах-родителях, можно было применять. Причина была простой: у планеты не было накопленного опыта и Акаша ее была чиста. Но все же приемы перемещения тяжелых материальных объектов позволяли строить из них гигантские храмы, пирамиды, и даже целые города, куда привнесена была вся наработанная предками инфраструктура приемлемого комфорта.

Человеческая раса земного типа образовывалась постепенно, впитывая все достижения родовой памяти.

Основная группа радианцев умышленно избегала всяких экспериментов с материей новой планеты, оставаясь в поле чистоты изначальных знаний. Это была каста мудрецов, которые позднее будут обожествлены и станут героями мифов и легенд. Им припишут великие деяния, которые были ими совершены в разных временах и пространствах. Великие Северные Веды, продиктованные ими, станут основой духовных знаний планеты. А создание ими современных людей будет считаться чуть ли не измышлениями тех, кто записал древние предания. Факты древнейшей истории обретут форму сказок, для того чтобы дойти до наших дней, словно игла, пронзая ткань времени.

Новизна задач возбуждала и напрягала сознание творцов.

Когда легким телам стало некомфортно из-за земных условий, решено было создать более плотные манипуляторы физические, которые могли бы легко справляться с самой тяжелой работой. Пока божественная сила управляла телами, не было необходимости в таком физическом напряжении. Но, думая о грядущем, творцы все же закладывали в человека такой запас прочности, который пригодился бы и в будущем.

Медвежья сила всегда считалась синонимом мощи физической природы. И хотя первых людей-данавов, жителей подводного мира, за их злобу Владыки вынуждены были уничтожить вместе с их вождем, эксперимент с медвежьей плотью оказался более успешным и созданная модель человека, где сочетались умственные и физические возможности, прижилась. Но прежде понадобились миллионы лет испытаний в телах змей. Это были первые существа, обладавшие человеческим разумом. Поэтому и вошло в поговорку выражение: «Мудр как змий». И какой уровень генетической науки надо было иметь, чтобы создать прообраз, или первый экземпляр!

Искушение первых людей змием-искусителем есть акт передачи знаний от первой расы воплощенных к последующим. После этого и были созданы одежды кожаные, или новые человеческие тела, в которых человечество рождается и пребывает сейчас.

Кровь, внедренная в тело белого медведя, почти не имела отторжения. В русских сказках богатыря превращает в медведя проклятие темных сил. Но нужно читать в обратном порядке. Это медведь был превращен в богатыря, или существо, носящее Бога в себе,

в обладателя божественной искры в сердце. Тот, у кого есть душа, — это богатырь, или богоносец.

Одарение искрой божией происходит постепенно как акт привхождения духа. Это можно сравнить с раздуванием из маленького уголька, тлеющего в костре, силы пламени. Каждое привхождение духа — это вдохновение очередной порции Великого Дыхания Единого, или одарение новым уровнем психической силы, качеством вселенской праны, которой пропитаны все стихийные образования, все космические объекты и сама Беспредельность. Океан всеначальной энергии окружает нас повсеместно.

Арианцы принесли на Землю тип городского строительства в виде малых и больших поселений. Малые стали деревнями и селами, а большие — городками и городами. Принцип такого строительства подразумевал наличие всех коммуникаций и расширение по кругу от центра в направлении лучей. Идеальный пример такой постройки — столица Атлантиды Посейдонис, где в центре стоял Храм Матери Ануры, Тайны Вечно-Юной. Но, учитывая, что там вместо улиц была вода, нужно делать коррекцию на твердую почву. Все старинные города Руси и Европы построены подобным образом. Кремль, как в Солнечной системе — Солнце, явлен центром. Потому и Красная площадь так названа — ведущая к Ра, к средоточию, к сердцу страны, к ее земному солнцу в виде духовной и светской власти. И все пертурбации и захваты Кремля случайными правителями не отразились на святости места, хотя народ страдал безмерно.

Городская культура типа древнего прообраза подразумевала отдельные земляные наделы для садов,

огородов, и даже для прудного хозяйства, что и соблюдалось вплоть до двадцатого века, когда стали уничтожаться большие и малые усадьбы в черте городов.

Сказания «Махабхараты» о посещении древнеиндийскими героями Верхнего Мира и столицы страны Богов Амаравати, Белого Города, конечно же, есть лишь древнейшее упоминание о Гиперборее, или Арьяварте, Аркторуссии, в центре которой вращалась висевшая над стечением четырех рек золотая пирамида, дававшая энергию всем жителям ее. А великолепие дворцов и благоухание садов, непрестанно цветущих и дававших плоды круглый год, дополнялось звучанием музыки и красотой вечно-юных жителей. В небе висели небесные колесницы, подобные распустившимся лотосам. Гандхарвы пели свои песни изумительными голосами. А храмовые апсары следили за тем, чтобы была соблюдена чистота крови небесного рода и чтобы не было побочных и ненужных мутаций. Пьянство, обжорство, стяжание и непомерная распущенность наказывались, вплоть до ритуального жертвоприношения. Дворцы сияли серебром и золотом. Драгоценными камнями были усыпаны дорожки сада Владыки Амаравати, в чьем качестве в разные периоды были разные Боги, а на самом деле, обожествленные люди, достигшие степени богоподобия и духоразумения.

«Ама-Ра-Вати» — «Солнечной Матери благоуханное дыхание» или «Радость Небесной Матери».

Аркторуссия была создана людьми высшего разума, которые питались запахами. А рот как функциональный орган отсутствовал. Была лишь некая мимическая складка, его напоминающая. Глаза были огромными, нос — совсем небольшим, но функцио-

нальным, а мозжечок и задняя часть головы были такой же величины, как и передняя. Все это было похоже на людей, живущих в теле уплотненного астрала, где легкие являют собой орган питания и выделения, а само строение тела совсем иное.

Обладание способностью управления психической энергией было прирожденным и неотъемлемым. Но до времени тело Высших Богов не могло существовать в условиях земных без специальных камер. И со стороны ученых радианцев была сделана попытка создать земное тело, комфортное для существования. Использовались рыбы, отчего были созданы дельфины и киты, а также русалочье племя. Брались кони, коровы, львы и собаки, отражением чего стало описание воплощений Бога Вишну. Смешивались с человечеством высшего порядка свиньи и волки. Наконец, более удачными и перспективными стали эксперименты по перенесению генома высших людей в плоть белого медведя. Как результат этого эксперимента и пошли земные люди, сохранив даже черты характера этого животного и строение всех его внутренних органов. Поэтому тотемом аркторуссов до сих пор явлен белый медведь. А многие этапы генетических опытов остались как древняя легенда или сказка.

Генетические опыты проходили стадию использования всех животных. Если от медведя были взяты основные скелетно-мышечные структуры, то от свиньи — желудок, от лошади — половые органы, как внешние, так и внутренние, от коровы — печень и почки, а также сердце.

Конечно, основным донором человечества земного стали медведи. Но объединение общего генетического

материала было обычным делом для Высших Существ, знание которых превосходило уровень современных научных достижений в сотни, а то и в тысячи, раз.

Соединение всех животных в одном существе имело значение понимания каждого из живущих на земле — зверь это или птица. Наверное, так закладывалась доктрина сострадания, или основа мировой совести, когда нужно понимать каждое живое существо через свое сознание.

Но если тело физическое было сугубо земным, то в этот биологический конструктор была помещена душа солнечных, или огненных, духов, добровольно изъявивших желание войти в плотные скафандры и попробовать жить в них. Это им удалось, и очень успешно. Дух смог достичь необходимого. И была бы польза гораздо более весомая, если бы не восстание Люцифера. В генотип человечества было внедрено, как мина замедленного действия, зерно агрессивности, оставшееся от животного мира, и, что еще хуже, скрытый ген стяжания.

Было несколько попыток создать человека. Они были неудачными, и результаты уничтожались самими создателями. Но отдельные особи сохранились в потаенных местах планеты. Пять, или даже шесть, попыток закончились неудачей. А поскольку по окончании Золотого Века высшие люди — радианцы, плеядеанцы и жители небесной Лебедии — уже не могли жить в прежней атмосфере, потому что она теряла кислород за счет рассеивания паровой атмосферы, то эксперименты продолжались до тех пор, пока не была создана необходимая форма, в которую Боги влили свою

кровь. И им стало комфортно жить в новых телах, хотя и в ущерб собственному сроку жизни.

Лунные Питрисы были первыми существами плотного мира. Поэтому и говорят, что вместе с Луной пришла на Землю смерть, то есть был создан смертный человек. Но без сохранения духовности невозможно было дать новое знание. Мудрость и ее проявления находятся в прямой зависимости от привхождения в сердце энергий Матери Мира — Силы Космической Любви. Все смертоносные открытия даны не Силами Света, а орденом зла, для того чтобы утвердить свою власть на планете единолично.

Привхождение всех токов, в том числе и праны, питающей наш внутренний космос, является одним из самых действенных факторов обучения человечества. Как и все в космосе, энергия есть следствие разумной деятельности светил, планет и галактических образований, не говоря уже о самой вселенной, являющейся телом Матери Мира. В складках одеяния Матери Мира клубится звездная пыль, в которой мы живем.

Наша система Радж-Стара постоянно летит в космическом пространстве, меняясь под воздействием токов неведомого сочетания светил. И эти токи улавливает каждое живое существо духом своим и сердцем. В каждом излучении посылается целый спектр знаний о дальних мирах, мысли самые совершенные и высокие идеи, которые не доступны пока для вмещения человеческим разумом. И вместе с такими посылками рождаются и люди, способные прочесть послание новой энергетики и все, что запечатлено на свитках нашего окружающего пространства, знаки которого непрестанно меняются в прямой зависимости от человека, который его формирует вокруг себя. Этот феномен назван воспитанием пространства, потому что дух привлекает

тех тонких существ, которые соответствуют его уровню сознания, его воспитанию и качеству сложившихся накоплений. В атмосфере чистой мысли духи лукавые жить не смогут, так же как возвышенная душа быстро увянет среди порочных проявлений, словно цветок — в ядовитой среде.

Великий город Амаравати, столица Арьяварты, или Аркторуссии, был построен за одну ночь и имел протяженность в тысячи километров. А это означает, что огромная летающая станция опустилась на Землю, раскрывшись наподобие лотоса, и обнажила все свои здания и построения вместе с садами и фермами, зоологическими лабораториями и малыми производствами разного назначения. Середина космического ковчега раскрылась и заключила в кольцо гору Меру, стоящую в центре четырех планетных сил, на самой северной точке. И по сей день аппарат-город существует в определенном месте, покрытый природными наслоениями, камнями, льдами, и даже лесами. Но в час освобождения стихий от гнета черных магов он появится из глубины земли и заново начнет свое дело.

А Шамбала — это теперешний вариант форпоста Великих Белых Братьев. Некогда Амаравати и была этой страной, оставив в глубине своей тайны все технологии и изобретения, которые выдаются очень избирательно и дозировано современному человечеству.

Помимо космических десантов людей белого вида, были десанты других рас. И если четыре народа, пришедшие в начале времен на северный континент, основали все государства белого вида, то в Африке

темнокожие играли точно такую же роль. А Азия знала десант краснокожих существ, прилетевших с планет, чьим солнцем является Антарес. Они впоследствии заселили Китай, смешавшись с белыми людьми, а в чистом виде заселяли древний материк Лемурию.

Оледенение планеты не было сплошным, во все стороны одновременно. Но Боги не могли остановить судьбу Севера. И, бросив все, ушли радимичи и дарийцы в края непроходимых лесов, где срубили себе деревянные города с каменными стенами. Но самые смелые и дерзкие устремились на край земли, где солнце палило нещадно, а плоды зрели круглый год.

Исход ариев из Арктиды был так велик, что современный наплыв мигрантов в Европу лишь небольшой ручеек человеческой реки, которая когда-то хлынула в Индостан.

Исход способствовал расселению народов белого вида по планете. И таких волн миграции было очень много, потому что ледники то отступали, оставляя непроходимые болота, то вновь наплывали, создавая толщину льда до двух километров.

Период Каменного века действительно имел место на нашей планете, когда на Земле обитали лишь полудикие племена. Но он не касался арктов — потомков Большой Медведицы, плеядеанцев, лебединцев и радимичей.

Волны развития и регресса наблюдались среди многих народов. Но среди ариев всегда оставались Хранители Мудрости, которые не давали родам Белых Богов впасть в полное беспамятство. И по-прежнему

искры великого огня Матери Рады живут в каждой душе русича. А сокровище родовой памяти, когда оно проснется и станет доступным человечеству, откроет такие глубины знания, о которых сейчас можно только мечтать.

Берегиня

Берегиня словно возникла из воздуха в своем серебристо-жемчужном наряде и в такой удивительно красивой земной форме, что можно было залюбоваться такой ослепительной силы красотой: светловолосая; с короной в виде переплетенной спирали, в звенья которой вставлены сапфиры; с обережными знаками на груди, шее, руках, на поясе и по нижней тесьме платья; на каждом из пальцев рук светящиеся перстни и зачатые кольца. Взглянув на меня, она произнесла мелодично, тихо и с каждым словом принося волну аромата из юных уст:

— Тебе пора в путь! Вся моя красота, которой ты так зачарован, — это лишь отражение качеств твоей души. Можно сказать, что я — это твой исконный образ, вернее, женский аспект тебя самого. Но у Берегинь нет пола. Они божества, рожденные вместе с зерном духа и сразу в человеческом сознании, которое миновало все этапы кармических цепей. Поэтому нас и называют людьми старшей крови. Но мы не физические существа и никогда ими не будем, потому что у нас есть вы, воплощенные и однородные части нас самих, — равно как в других мирах и измерениях. Словно Боги, мы едины во множестве.

Воин духа должен проснуться. Новая планета еще долго будет чиста от многих миазмов тьмы. И пока

будет так, в течение миллиарда лет, нужно научить земное человечество тому, что вы умеете сами.

Встань, Урасти! Встань и иди к Владыке! Час решений настал. Пусть ваша вайтмана почувствует твердь. Уже хватит бороздить небесные поля. Пора заняться посевом мудрости.

Я всегда буду с тобой. И в час рожденья твоего, и в час ухода ты будешь видеть меня рядом в облике любимой, матери, сестры или дочери. Я — твоя защита. Я — твоя судьба и охранительница. Если ты смотришь вперед, знай, что я стою спиной к спине и несу свой дозор. Не допускай пренебрежения и самоволия. Спроси у меня, как у сердца. Можно назвать наш род душами людей. И это будет правильно. Ведь мы живой свет от той искры духа, которая положена в Золотую Чашу предназначения самой первой, самой важной и огненной сущью, чей знак горит на челе каждого воплощенного, имея неповторимые цветовые и образные начертания. Мандала или янтра лишь инструмент воспоминаний обо мне.

Не оставлю, не предаю, не забуду, кем бы ты ни был — царем или бродягой, воином или пахарем, охотником или лесорубом! Путь души так долог и так сложен. И иногда эти бесконечные ныряния в плоть и пробуждения хоть на секунду в Мире Духа изматывают сильнее, чем самая долгая битва. И мне приходится отражать нападения и вторжения в нашу общую вселенную, в круг аурического поля.

Я одинокрвна с тобой и единокродна, открывающая свое присутствие лишь в редкие мгновения жизни, но следующая за тобой, как тень, из мира в мир, из

тайны в тайну, из сферы в сферу. Доспехом, шлемом и мечом служу тебе, пером и бумагой, посохом в пути и всей силой преданности, которая возможна.

Пора, царь мой, друг и возлюбленный!

Агны

Облик великана не смутил Радомира. В конце концов, не Он был тому виной, что на этой планете продолжали расти все прилетевшие с Рады. И даже Сам Вождь, находясь в преклонных годах, начал развиваться вверх и вширь, словно древний крепкий дуб. И даже животные, которые были привезены в небесном ковчеге, стали тучнеть и умножаться. Соответственно выросли и удои радианских коров. А пчелы приносили столько меда с вечнозеленых лугов, что трудно было представить себе такое на какой-либо иной планете.

Душа юного радианца знала, что нужно ей на этой Земле. Племя Агнцев-Спасителей послало Его для того, чтобы в час необходимой нужды Он смог бы с честью выполнить Свой долг. Но пока времена дышали счастьем. И люди наслаждались благодатью нового мира.

Космическое племя душ-жертвенников, или, как их называли высшие человеческие цивилизации, Агнов (от слова Агнец или Агни), несло в себе саму идею самопожертвования. По всем неисчислимым мирам Агнами совершались подвиги спасения и очищения миров, погруженных в невежество и мрак.

Иные проходили свой путь не единожды, поднимаясь от простых семейных трудяг, которыми вечно помыкали жены, в ответ получая лишь молчание.

Постепенно качества возрастающего терпения приводили таких личностей к воплощениям незаслуженно обвиняемых людей во главе общин, и даже государств. Их миролюбие не позволяло им отвечать той же глупостью. Но это не означало, что они оставались мальчиками для битья. Просто такого рода существа понимали ту роль, которую они избрали. Но сила их смирения копилась до определенного мгновения, когда следовало пожертвовать жизнью тела ради спасения планетного равновесия. Но такое решение нужно было принять добровольно, осознав всю глубину унижения и мучительных последствий.

Каждого из Спасителей во всех бесчисленных мирах казнили разными способами, находя повод для законной казни, представляя святые души преступниками, а на деле воплощая накопившуюся злобу и ненависть к этому безгрешному человеку.

Агны призывались на служение из Высших Миров, откуда происходили Боги и Вожди планет и народов, как и все люди старшей крови. Во всех мирах их называли эльфами. И считалось, что родина их не известна.

Алькорианцы были близки радианцам по уровню развития, и даже по внешнему виду. Они отличались красотой, высоким ростом и гармоничным телосложением. Поэтому они с радостью приняли предложение ариев построить цивилизацию на новой планете, выполняя миссию закона сострадания.

В группе радианцев были и Агны — космическое племя Спасителей Мира, происхождение которого было такой же тайной, как и само название планеты, где они жили. Ее просто называли Царской Звездой. Но они утверждали о том, что где-то в дальних

просторах вселенной существует целая галактика, где высоты духа достигли уровня невиданного, и что самый простой житель того мира явлен как Бог, или Существо, обладающее неограниченной психической силой, которая давно заменила им механизмы и различные житейские приспособления. А секрет их могущества кроется в дружественном сотрудничестве с творящими началами мира, которые исполняют свою работу в Замысле Единого Создателя.

Говорилось еще, что они умеют строить искусственные планеты и луны, запуская их в пространство таким образом, чтобы вращение планет удерживало орбиты в равновесии и чтобы миры не могли приблизиться друг к другу на опасное расстояние. Их задачей было строить солнечные системы в пространствах пустых, в небесных полях. Искра мысли этих Существ-Творцов становилась основой для притяжения метеорной пыли и созидания огненного газопылевого диска, из которого рождались впоследствии планеты. Огненный туман постепенно остывал, но наблюдение Великого Разума за каждым этапом творения было обязательным.

Агны-Спасители не только приносили себя в жертву, но переводили планеты на новый уровень сознания, когда уже больше нельзя было терпеть удушающую инерцию невежества власти материального. Они открывали Врата Небес, через которые энергия от Галактики Белого Братства проникала в атмосферу каждой из планет, давая импульс к одухотворению человечества как самой совершенной части материи.

На разных планетах форма людей отличалась как по виду, так и по среде обитания. Порой существа были странными, но не уродливыми. В каждой форме была своя прелесть, как и качество, которое следовало развить в процессе эволюции.

Тому, что человек, подобный Сыну Звезды, оказался на Земле, способствовала Высшая Иерархия, потому что задачи высшего человечества были не по силам землянам, слишком глубоко вросшим в материю. Каждый раз, когда планету нужно было очищать и вытаскивать из трясины предрассудков, разрушая очередные преграды для течения эволюционного потока, Иерархия посылала Аватаров — Существ, не обремененных земными связями. Спасение мира могло происходить лишь тогда, когда чистые Души приносили Себя в жертву добровольно. Им прививалась высшая самоотверженность, или синдром Космических Агнцев. Этим занимался высокий и мудрый народ планет из самого главного уровня Космоса.

Сужденной Меру называлась Рада — одна из планет Пояса Ориона, и именно оттуда пришел Великий Путник. Земная судьба Радомира началась в Гиперборее, в лице одного из воплощенных Богов, которые строили цивилизацию духа и продолжают это делать в современном мире.

СЫН ЗВЕЗДЫ

Великий Путник

Девушка стояла на высокой горе, откуда было видно огромное озеро. Она происходила из рода, давно оставившего эти земли под натиском полудиких пришельцев с юга, захвативших города того народа, который тысячи и тысячи лет назад пришел и обустроил этот прекрасный край. Ханаан был разрушен. Народ уничтожен. А кровь древних царей, в незапамятные времена пришедших с далекого севера вместе с бесчисленным синеглазым и светловолосым народом, осталась только в Ней. Арамеи оставили Израиль, частью перемешавшись с пришельцами, частью уйдя в Вавилон и Персию.

Молитва юной девушки была так горяча и чиста, что, казалось, возбуждала само пространство, ожившее под Ее дыханием, похожим по запаху на цветущий яблоневоый сад.

Она молилась забытым, неведомым Богам, чьи храмы были давно разрушены. И на их месте стояли иные, чуждые духу Ее и сердцу. А давние Солнечные Боги были ближе и отзывчивее, более похожими на родителей, чем на холодную запотевающую скалу стен нового храма.

Молитва наполняла душу таким жаром, что казалось, что само пространство, окружающее девушку, пришло в движение и воспламенилось, окружив

вершину едва заметным синим огнем. Неизвестно откуда появившаяся над Ее головой рубиновая звезда остановилась и испустила яркий луч, который покрыл Ее целиком. Она молилась, поднимая руки и закрыв глаза, и не замечала, что стоит в круге света, окруженная тонким пламенем.

Внезапно поднялся ветер с пустыни. И девушка открыла глаза. Взглянув вверх, Она увидела звезду над Собой. И острый взгляд ее ока пронзал Ее от головы до ног. И Она почувствовала, как огненный цветок распускается под сердцем, проникнув в Нее мысленным властным Голосом, не слышимым земным слухом и говорящим Ей и всему пространству: «Сын Звезды!»

Она от переполнения чувств потеряла сознание и спустя минуту поняла, что огненный цветок — этот луч, отделившийся от небесного сияющего объекта, — не просто вошел в Нее, но остался присутствием великого восторга, огненной радости и неиссякаемого счастья. Он рос в Ней от мгновения к мгновению, от минуты к минуте.

Со страхом и недоумением, с волшебным чувством единения с Высшим Существом, Она вдруг поняла, что Бог вошел в Нее и поселился в душе, в сердце, в самом теле. Так Она зачала Сына Звезды.

И Голос заговорил в Ней все настойчивее: «Дотеле Я буду идти за Тобой и сиять небывалым сиянием, пока не родишь Сына Божия, Спасителя этого Мира, на Свою стражу вставшего на будущие две тысячи лет. Пошлю Архангела Своего с Великой Вестью, когда придет срок явиться Ему на свет».

Мать Иисуса являла Собой воплощение одной из Великих Богинь на Земле. Не мог он простой

матери родиться Сын-Бог. Знали о тайне Ее пути. Знали о миссии, которую Он должен был выполнить.

Есусом, или Тивердиадцем, именовали древние волхвы борейские Христа. За семь тысяч лет до Его рождения они знали о Его приходе. И когда Звезда была явлена, то они послали и свое посольство поклонения Ему как духовному Царю Мира, или Владыке Ес-уса, то есть всего, что есть на земле.

Все арийские боги изображались и сейчас изображаются безбородыми. Точно так же на древней новгородской иконе три северных волхва, пришедшие на поклонение младенцу Христу из далекой Гипербореи, написаны гладко выбритыми. Безбородыми имели право быть в древности лишь жрецы высшего посвящения.

Дары многих религий принимал Младенец. Свет Его сиял далеко над пещерой горной.

Среди овечьего хлева, среди чертополоха цветущего, охраняющего вход в пещеру, на пшеничной соломе лежал Великий из Величайших. Мать, совсем еще юная девушка, что-то пела Ему на своем языке.

Мы сняли шапки и поклонились младенцу и прочитали удивление в Ее глазах. Мы были не похожи на местных жителей. Наши золотые волосы и голубые глаза казались чем-то необычным и не похожим на то, что Она видела вокруг себя каждый день.

Старейший достал дары, завернутые в белое полотно, и молча положил у ног Младенца, произнес молитву благопожелания, здоровья и силы.

Над Ним светился золотой луч.

Вечерняя звезда стояла над грядой гор. Мы вско-
чили на коней и тронулись в обратный путь.

Младенцу дары принесли волхвы —
Младенцу, родившемуся Иисусу.
Вдали от царских покоев, вдали от молвы,
Они вручены были Матери Пресвятой.

Склонились в поклоне три старца пред Ним.
В лучах звезды, что горела на небе,
Летели серебряные огни,
Врастая в земную судьбу волшебю.

Знали они о Жертве Христа
И чем драгоценна жизнь Его будет.
Пели древнюю песню уста,
Которую мир повторять долго будет.

В бедном хлеву, на соломе простой
Лежал величайший из воплощенных.
Пели Ангелы, как ветер ночной,
Голосом нежно-влюбленным.

Звенела струна вечных светил,
Звучащих, как дальних небес паутина.
Но знали немногие о тайне пути,
Что предстоял Божьему Сыну.

Ветер дышал ароматом садов.
То цвели Рождества посланцы.
Над сияньем склоненных голов
Звезды сплетались в вечном странствии.

Пели пришедшие пастухи
От радости, что родилась в их сердце.
Мычали коровы, пели петухи
В час неурочный, славословя Младенца.

Бог в мир пришел, в скопленье греха,
Яркой кометой весь мир озаряя.
Была в небе явлена Божья Рука,
Землю уставшую благословляя.

До одиннадцатого века запрещалось изображать лицо Иисуса Христа. Эта традиция была связана с тем, что нельзя было передать черты Великого Учителя правильно. И только после того, как был обретен Спас Нерукотворный, которого материализовал на полотенце Сам Великий Путник, началась эпоха иконографии.

Владыка Христос был блондином с ярко-синими глазами. Его притчи — это философия детей Солнца, пришедших на Землю в доспехах лунных тел.

Древние предания, апокрифы, гласят, что предки Богородицы, Матери Его, были родом из тех мест, где Она впоследствии явилась Преподобному Отцу нашему Сергию.

На родине предков своих Великий Путник был принят радушно. Ему даже указали на Его родовое кольцо, определявшее происхождение Его Матери, которая впоследствии стала Покровительницей урусов — единого народа Рассанты.

Долгий путь прошел Великий Путник. Иногда с караванами, но по большей части в одиночестве или с попутчиками разного толка. Но от встречи с Ним люди уносили искру высокой Благодати, которую хранили всю свою жизнь как дивное переживание души.

Была простота общения. Была удивительная теплота в разговоре, которая согревала, ободряла и вселяла надежду в сердца, разуверившиеся в справедливости Божественного Промысла. Дух любви к людям ощущался всеми. Даже враги признавали это.

Светлый юноша был похож на Ангела, сошедшего с Небес. Насколько одни любили Его чудесный вид, настолько другие ненавидели. Мир разделился при Его жизни.

Брамины, подсылавшие к Нему убийц за Его общение с шудрами и долгие проповеди и убеждение их в том, что все люди равны от рождения, боялись Его. А наемные убийцы становились Его последователями, и наиболее преданными, часто сопровождая и охраняя Его на путях великой Индии. Он открыл для простого народа чистый родник познания и пробудил в нем интерес к той жизни, к тому времени и месту, в которых пребывал каждый.

Не было случайных встреч. Все они были суждены и определены, ибо редко бывает, когда воплощенный в человеческом теле Бог и Великий Учитель ходит по земле.

В описании Его жизни больше тайны, чем истины. Многие факты умышленно искажены самой церковью. Но отрицать светлое присутствие Его на земле не могут, как и крестную смерть на Голгофе.

Христос не был Мессией для одной религии. Он был явлением Спасения для всего человечества.

Белокурые волосы и синие глаза вызывали удивление и замешательство среди местного населения. Было необычно видеть такой облик среди семитских толп. Сын Бога Солнца был светел и прекрасен. Словно лучи, струились Его золотые кудри, и из глаз шло такое удивительное обаяние и сияние Божественной Любви,

что замолкали темные страсти в сердцах и фурии одержания прятались в пещеры ужаса. Удивительный жар и теплота загорались огнем в сердцах живых, когда люди стояли рядом с Ним. Он всего себя отдавал человечеству, без остатка. И утомление Его было так велико, что нужно было уходить на сорок дней в пустыню, для того чтобы очистить ауру и снять тяжесть, которая легла на Его плечи.

Великий Путник показал миру возможность полной трансформации плоти в тело славы, тело огненного совершенства. И вознесение дало миру понятие Космического Магнита, способного притянуть любое существо в Обитель Надземного Существования.

Владыка Христос опускался в сердце планеты, чтобы очистить глубины низшего астрала. Он указал на Беспредельность тем, кто не мог оторвать взор от Земли, и дал возможность дальних полетов.

Распятый Христос находился в пещере, но мощь Его Духа, подверженная делимости, находилась в разных частях мироздания. Энергия низшей чакры пребывала в недрах планеты, а высшая, духовная, часть находилась в Сердце Мира, на Орионе. Сердечная мощь Владыки получала силу на Радж-Старе. Великим Путником он был назван по этой причине, ибо одним из первых среди Великих Владык сумел уйти за пределы Солнечной системы и получить Космическое Посвящение.

Посетив святыни древней Своей родины и землю Матери Своей, Великий Путник при расставании с обителью Белых Богов был допущен к таинству прочтения Великой Книги Ста Вестей, где пророчества указывали о Тивердиадце и о Его судьбе. Он знал, что Его ожидает, и поэтому не опасался дальнего пути.

Оазис Ибн-Рагима и начало пути

В оазисе Ибн-Рагима, в тени финиковых пальм, скрывающих дивное озеро пресной воды, был брошен проходящим на юг караваном умирающий отрок без рода и племени. Шейх принял его как родного и выходила Олула, жена его, — от лихорадки страдающего и щедедушного подростка, что, словно тростинка, был тонок и слаб. Для местных был странен его тонкий образ. Он был синеглазым и с волосами цвета созревшей пшеницы. Он не понимал наречий пустыни, но знал, что в Аравии где-то существует долина, что названа землю урусов. И шел он туда, думая, что найдет там потерянную в прошлом любимую мать. Страдания пути и голод, холод и унижения терпел он, пока наконец не добрался до царства песков золотых.

Мальчика, спасенного от самума, привезли в оазис и осторожно положили у ручья. Он приоткрыл глаза и прошептал тихо: «Опять мне чудится вода». Но поднесенная к его губам чаша уверила его в том, что все правда и что божественная влага глоток за глотком живительной прохладой входит в него, исцеляя от долгой, почти хронической жажды.

Дух отрока бродил по пустыне в поисках долины урусов. Являлись горы, мнились города и храмы на вершинах. И лишь одна картина оставалась в глазах. На стене древнего монастыря была нарисована красивая женщина, белоликая, с синими глазами, так похожая на его мать. А с ней был мальчик, словно вышедший из далекой сказки его пребывания в благословенной Рассанте, стране, где он когда-то родился.

Но вокруг были пески. И пальмы навевали прохладу. И тихо-тихо пел родник, выбиваясь из-под огромных красных камней.

Однажды, когда отрок мог бродить по оазису в тени ветвей, он увидел, что из пустыни идет человек высокого роста без сумы переметной и тыквы с водой. Чуден был лик Его, источающий силу благу. Как будто волна аромата неслась из сердца Его в пространство, которое Он одолевал. Но даже голова дивного путника была не прикрыта от жара палящего солнца. И сам Ибн-Рагим встретил Его у шатра, хотя Олула вышла навстречу Ему, протянув в приветствии руки. Огонь запылал в Ее сердце звездой, палящею изнутри. Глаза путника были синими, как небо высокое. И волосы, цвета песка золотого, струились легко по плечам.

Подросток был так очарован дыханием тонкой любви. Казалось ему, только мать могла так любить дитя свое, как Он поступал, обращаясь к нему, незнакомому, словно к самому близкому существу. Он чем-то был похож на деда и отца, а также на ту, которую искал он много лет, скитаясь в странствиях по чужеродным землям.

— Привет Тебе, Лев Пустыни! — сказал Ему Ибн-Рагим.

В ответ произнес пришедший:

— Привет и Тебе, драгоценный товарищ мой в странствиях мира! Недаром Ты назван Князем Пути. Зовут нас, хоть зов и безмолвен, в далекие страны, к подножию белых вершин. Согласие в сердце Твоем я читаю. Указан нам Путь.

Ибн-Рагим поклонился и ответил:

— С Тобой готов обойти все уголки мира, ибо знаю неразделимость судеб наших.

Они обнялись, и оба почувствовали, как жар высокого благословения, превышающий пустынное пекло, опустился на них на одно короткое мгновение. Можно было ничего не говорить. Но каждый знал, что, идя своим путем много-много жизней, они все же должны были встретиться для совместного труда и, как сейчас, для обучения в древнем городе, которого давно не было на земле, но от которого остались великие святыни.

Этот город был основан одним из Бессмертных — Великим Серапис-Беем, основателем Братства Света. Даже одно пребывание среди вещей камней создавало, помимо ощущения тайны, впечатление некоего постороннего присутствия Высшей Силы, ощущаемой почти физически. Можно было слушать Наставников из иного мира, которые вкладывали в сознание новые положения Мудрости, дозволенные сердцу в пределах земного времени и пространства.

Древний город Сокарис был совсем недалеко от оазиса Шейха Пустыни Ибн-Рагима. Но все сокровенные места и вход в подземные шахты знал только Он. Великий Иерофант некогда поручил Ему надзирать за этими развалинами. Некоторые храмы были не тронуты, а просто засыпаны песком. Но Великий Тот являлся до сих пор в его потаенных залах своим избранным ученикам.

Ибн-Рагим знал, Кто был послан Ему в обучение и какая великая миссия ожидает этого юношу. Он первым должен был пройти через великую жертву смерти и потом воскреснуть в том теле, которое в далеком будущем будет даровано всем людям. Это был их совместный труд. Но прежде их ждал долгий путь

на другую сторону земли, в холодные далекие горы, где их давным-давно ожидали.

Но звездные руны не спешили открывать врата странствий. И до той поры обучение в Храмах Трисмегиста наполняло сердце новой Мудростью.

Можно было не спешить, хотя хозяин уже приготовил Великому Путнику белую верблюдицу, молодую и резвую, с удивительно непредсказуемым характером. Кому-то другому, кроме Великого Путника, она была неподвластна. Но стоило Ему один раз подойти к ней, как она выбрала Его своим седоком и всадником, ибо видела в Нем силу благородства и любви. Она привязалась к Нему и часто подходила к тому шатру, где Он спал, и ложилась недалеко, словно страшась, что Он уйдет, покинув ее навсегда без всякой на то причины.

Дружба эта росла. И каждое прикосновение странного синеглазого и беловолосого юноши дарило ей необычную силу радости, которая только была ей доступна. Белая шерсть ее светилась по ночам, словно храня огонь прикосновения ею избранного Хозяина. Она провожала Его до старого города и ждала возвращения из темных катакомб древних храмов, не страшась ни львов, ни других хищных животных, ибо была молода и сильна. Ее признавали за вожака даже самые старые верблюды и опасались спорить с ней по какому бы то ни было поводу. В сумерках ее силуэт напоминал сияющее белое облако, из которого выходили лучи тонкого света.

Опыты по уплотнению астрала происходили не просто. Нужно было очистить тело от кармической грязи, налипшей от случайных контактов, мимолетных встреч, и даже мгновенных взглядов, когда энергия

душ работает особенно остро и чрезвычайно активно, скрещивая и перемешивая порой чуждые и взаимоисключающие энергии.

Присутствие молодого Ибн-Рагима давало уверенность в успешном овладении. Но и зеркало священного озера помогало Ему в общении с дальней Родиной и с Отцом Своим.

Нужно было до конца осознать важность Своей Миссии на планете, оставив последние сомнения, которые незаметно и тонко терзали разум: «Не гордыня ли ведет к гибели? Может быть, нужно было смиренно жить в доме своем и заниматься изготовлением дверей, столов и лавок?»

Голос сомнений был лукав и мягок. Но дух звучал как набат самоутверждения. Нельзя было отдавать Себя во власть слабости и нашептываний из мира ночи.

Выделяя астральное тело, нужно было научиться передавать ему все функции физического, за исключением некоторых аспектов питания и выделения. Проще говоря, было необходимо превратить дыхание в орган, восполняющий жизненные силы, когда отказ от грубой пищи произошел.

Все длительные посты приучили Тивердиадца к режиму ограничения в воде и продуктах жизненной необходимости. Зная истину о том, что еда — оковы дьявола и что для большинства людей процесс ее употребления связан с удовольствием, необходимо было лишить тело хотя бы на время всех плотных флюидов, всех связей с физическим миром. На время эксперимента нельзя было даже пить — не то что принимать пищу. Первородная вода должна была выпариться из астрала, чтобы могло произойти его уплотнение. Это было не лишением физического тела его посредника, но постепенной заменой телом уплотненного астрала,

которое, в отличие от плотного, могло легко дематериализоваться в одном месте и появляться в другом.

Россул Мориа владел многими тайнами Мудрости, продолжая жить на той земле, где Он некогда водил народ израильский, отвернувшийся от него, предпочтя Единому Богу поклонение золотому тельцу, культ которого бытовал еще у великой Балкис, царицы Савской.

Россул Мориа владел тайной превращения простых веществ в благородные, трансмутируя воду — в вино, свинец — в золото, ртуть — в серебро, хрусталь и кристаллический гипс и алебастр — в драгоценные камни. Но самым большим Его достижением была духовная алхимия, когда из простого человека Он мог подготовить к обучению в Братстве человека, достаточно сведущего, но не совсем готового к принятию Великой Жертвы.

Страдание земной плоти было так велико, что боль скорбей всего мира вошла в тело Христа во время распятия, пронизав до каждой клеточки Его физическое тело. И тогда дух Россула Мориа взял на себя окончание задачи Великой Жертвы.

А пока мирно зеленели пальмы. О чем-то рассказывал бегущий из-под скалы родник. И ровная гладь озера отражала чистые звезды над пустыней.

Тайна каждого пути непредсказуема, как бы тщательно ни готовились люди к ней. Мы все вечные странники и великие путники этого мира.

Сотис опять взошла над Египтом. И Нил разлился, орошая бесплодную пустыню.

— Восьмая луна пробуждает в крови токи любознательности, — заметил Великий Путник, — но людям нет времени отозваться на Зов Праматери своей.

— Отвратив взор от неба, они утратили даже то знание, которое им было дано от рождения, — ответил Ибн-Рагим.

Северный отрок играл с лунным лучом, пытаясь поймать его вместе с водой. Великий Путник улыбнулся и сказал ему:

— Пусть вода в пригоршне успокоится, и тогда луч заиграет на поверхности.

— До того времени она успеет вытечь сквозь пальцы, — ответил мальчик. — Но следы света несмываемы!

Великая пустыня открывала всю картину небес, когда жара рассеялась по пространству необозримых песков. Под пальмой сидели двое людей, знавшие друг друга тысячи и тысячи лет. С ручьем играл мальчик, которому были известны тайны лунных лучей. Эпоха Солнца была еще впереди, но оазис будущего уже был заложен.

Россул Ибн-Рагим любил беседовать с Великим Путником вечером у костра. Однажды Великий Путник спросил Ибн-Рагима:

— Знаешь ли Ты, о достопочтенный, откуда мы пришли?

Россул ответил:

— У каждого жителя пустыни есть верблюд, но первого из них не видел никто из живущих. Роса падает даже на песок пустынь, но полет ее никто не может увидеть. Я думаю, звезда, Тебя ведущая, одна знает ответ на твой вопрос.

Великий Путник сказал:

— Ты никогда не видел снега, и поэтому свет звезд Тебе так близок. Письмена Небес знает сердце Твое, но Север хранит знаки Гипербореи. Даже льды не могут заморозить душу пылающую. Скоро Путь откроется сердцу.

Владыка Христос был блондином с ярко-синими глазами. На Нем отразились не только признаки прежнего воплощения, но и генетическая связь с племенами пелештим, одним из родов славянских.

Спас Златые Власы, одна из космических святынь русского народа, сохранила истинное лицо Владыки Христа. Сын Даждьбога был именно таким.

Великим Путником Он был назван по той причине, что одним из первых среди Великих Владык сумел уйти за пределы Солнечной системы и получить Космическое Посвящение.

Одна из величайших святынь Великой Гипербореи была преподнесена в дар младенцу Христу при поклонении одним из северных волхвов. Дары благие были необычны. Хрусталь и золото в глиняном горшке. Спаянный воедино самородок был необычайно красив и представлял собой миниатюрную фигуру человека, устремленного ввысь с воздетыми вверх руками. В этих руках и находился кристалл горного хрусталя.

Этот Терафим Света, заложенный Владыкою Христом в одно из мест Мировой Силы, должен послужить своему высокому предназначению. Алтайские легенды хранят Весть Великого Путника. Алтай свято бережет эту драгоценную реликвию.

Великий Путник часто рассказывал Ибн-Рагиму о своих прошлых жизнях.

«На Севере, в далекой стране Лапландии, есть озеро, в котором покоится древняя столица гипербореев. Древние лабиринты хранят радиацию знания далеких звезд. Изображения двух белых силуэтов на скалах светятся и днем, и ночью. Люди в этих местах внезапно начинают говорить на древних языках и наречиях, которые они никогда не знали.

Там Я жил в те времена, когда столица процветала и когда верховный Вождь рассказывал о жизни на дальней звезде. Люди ее называют Алькор. Все белые люди пришли оттуда и хранят в своей крови Сокровенную Мудрость Белого Пламени.

Пророчества о рождении Белого Бога были записаны за семь тысячелетий до Его рождения. Помнишь, Я говорил Тебе о ессеях? И у них существует подобное предание. Сокровенное знание является единым на всей Земле, ибо получено из одного Источника. И Благословенный Будда предсказывал Мой приход.

Но Я говорю, что настанут времена, когда по земле будут ходить пророки и боги. Время ускоряет свой ход. И сжатая спираль тысячелетий может внезапно распрямиться, высвободив гигантскую энергию преобразования. Это будет даже не прыжок, но полет в Новое Время. И там найдутся те, кто научится читать знаки Хроники Акаши и записывать их.

Вот и наша беседа тому свидетельство. Многие будут учиться этому знанию. Их будут называть духовно вдохновленными, ибо они будут учиться у собственного духа. Города древних знаний откроются вновь. Священный Город Белой Горы снова поднимет свои стены из плена белых вод, которые его хранят до времени. И пирамида Камня Пророчеств восстанет.

Пустыни станут райскими садами, а цветущие долины — морем. По Воле Отца Моего все изменится. Но ни одно из пророчеств не может не исполниться. Космические течения, истекающие из ОУМ, не смогут остановиться. Знаки прихода Нового Времени даны, и нельзя отступить от них. Несущему поклажу тяжело идти по пустыне, но он знает точное количество шагов до следующего колодца!»

Ибн-Рагим как-то сидел у ручья и наблюдал за течением воды. Великий Путник спросил Его:

— Что увидел Ты, достойнейший, в движении воды?

— Поверхность отражает картину Моего оазиса, но это только вода!

— Истинно, мир только мгновенные изменения потока Вечной Мудрости. Мы видим то, что хотим видеть, — ответил Великий Путник.

Великий Путник сказал Ибн-Рагиму:

— Когда уйдут земные наслаждения, когда люди утешатся криком базара, что может сохранить в людях радость и чистоту?

— Ты ждешь знак звезд. И только красота дальних миров роднит нас с небом! Мысли быстрее стрелы! — ответил Ибн-Рагим.

— Истину уста Твои глаголют. Снег звезд приводит в восхищение чувства сердца своей недоступностью. Но бездна между нами не так и велика. Только шаг дерзновенного сердца может открыть путь. Земля — подножие Бога, а небо — завеса Храма, за которой — Алтарь Мира.

Ибн-Рагим Россул Мориа часто задумчиво глядел на стоящую у ручья пальму. Великий Путник молча присаживался рядом. И в этом чарующем молчании, когда вечер переходил в ночь, можно было видеть, как молнии расписывают пространство диковинными огненными узорами. Мысль объединенная создавала сигнатуры духа, касаясь дальних миров.

— Книга Мудрости пред нами. Все руны были взяты с небес. И лишь малую часть получило человечество в своем нынешнем состоянии, — проговорил Великий Путник.

— Читая сердцем, мы принимаем знак как намек для прочтения будущего события, — вторил ему Ибн-Рагим. — Мы полны возможностей откровений. И только через них лучи знания звезд входят в нас. Звезды читаем легко, если дух приуготовлен для этого. Тропы земные лишь отражение небесных. И, путешествуя здесь, мы и там совершаем странствие.

На вершине горы сидели два человека, наблюдая за далеким пространством желтого песка, который прорезала тонкая синяя ниточка далекой реки.

— Накопление нашей мудрости незаметно, как эта ниточка воды. Самум забвения легко побеждает даже нашу память. Но наши сердца помнят искры тех жизней, в пространстве которых мы встречались. Не важно где: на Земле или в дальних мирах — мы знали друг друга, потому что магнетизм симпатий не

пропадает. Ищем в любом встречном друга, — сказал Великий Путник.

Шейх лишь кивнул ему головой в знак согласия и ответил:

— Над миром парит наша мысль. Но крылья даруют нам горы. Скоро, очень скоро, мы отправимся туда, где высота гор неизмеримо больше, а люди, владеющие силой духа, несравнимо мудрее нас. В далекой Горной Обители нас уже давно ждут, потому что знают о нашей задаче. Многих узнаешь Ты. Многие узнают Тебя. В вечной тишине постижения Ты научишься слушать мысли звезд и голоса людей дальних миров. Но не это будет главным Твоим достоинством. Великая Сила Любви к людям разовьет в Тебе такую Мощь Сострадания, которая посильна может быть лишь Планетному Духу. Именно Любовь к человечеству возвысит и укрепит дух Твой и научит дару высшего прозрения. Судьба мира на тысячи лет будет отдана Тебе — Агнцу Господню, который отдан будет на заклание. Тьма будет злорадствовать. Но воскресение в ином теле станет первым опытом рождения нового человечества. Ты станешь первым из людей на Земле, испытавшим жизнь в другом, более легком теле, хотя внешне будешь ничем не отличаться от обычных людей. И смерть Твоя станет рождением в новое человечество!

Солнце клонилось вниз. Спалдал жар невыносимый пустыни. Первые звезды глядели на двух людей на вершине холодно и остро. Знаки Небесных Рун указывали, что пора начинать странствие в невиданные страны.

Звездный круг совершал свой оборот над Великой Горой. Шейх тихо-тихо говорил, словно боялся нарушить тишину ночи:

— Гора эта знаменита тем, что древние египтяне считали ее местом рождения их Высшего Бога — Озириса. А предок Твой, Муса, увидел здесь куст, который не сгорал, — купину неопалимую, из которой Всевышний говорил с Ним. Скрижали были приняты на этой Горе, скрижали человеческих законов. И много-много предыдущих воплощений мы приходили сюда и поднимались, чтобы оторваться от земных уз. Твоя судьба связана будет с местом сим. Будешь уходить, чтобы одолеть Князя Тьмы, на этой Твердыне. Сиять будет вечно эта Гора и много подвижников привлечет. Кто во спасение, кто любопытства ради прикоснется к этим камням. Наш путь укажет Звезда нашей Небесной Матери.

Шатер Ибн-Рагима расцветивался первыми лучами солнца. Белая верблюдица уже была приготовлена для Великого Путника. Пески веяли прохладой.

— Путь пред нами! — сказал Великий Путник.

— Хвала Владыке Миров, пославшему нам его! — ответил Ибн-Рагим.

Караван вышел из оазиса и скрылся в утреннем тумане. Сияние радужного круга уходило вослед звону бубенцов.

Над пустыней, раскаленной немилосердным солнцем, плыли дивные миражи, доносящие до взора изможденных путников прекрасный вид дальнего оазиса. Красные барханы лишь оттеняли эти неподвижные образы.

Великий Путник произнес:

— Велика память земли. Города, которых уже нет, все еще оставляют свое дыхание в пространстве. От ушедшего нельзя так легко уйти. Так и земная карма следует за человеком, как тень. И как освободиться от того, чего уже нет?

Россул Мориа продолжил:

— Караван оставляет в пути след. Но буря может засыпать любую тропу и сам колодец. Но от этого караваны не перестанут одолевать пустыню. Не имеющий воды омывает руки песком. Не имеющий сил встать при восходе солнца возглашает ему хвалу мысленно, горячо его встречая. Судьба не вода и не свет, но и они помогают избавиться от тяжких частиц некогда содеянного. Но лишь покаяние может сжечь ядовитый корень судьбы в сердце своем. Но для этого нужно раскалить его и душу до яркого пламени, чтобы дух, войдя в душу, сжег даже воспоминания. Но множество жизней горький пепел будет напоминать о преступлении. Но не испивший воды не узнает ее вкуса. Больной нуждается в лекаре, а не здоровый. А зажившая рана крепче, чем ткань здоровая. Преступник, исправившийся и осознавший низость своего преступления, способен быстрее преуспеть на духовном пути, ибо он возжег пламень невозможного, через который даже лев не захочет перейти. Но студенистое сознание обывателя, будь то бедуин или торговец, так всю жизнь и останется на своем верблюде или в жалкой лавке днем и ночью. Учю дерзновению, но не преступлению законов.

— Верно, Мудрейший! Беседа наша началась давно и не кончится никогда. Даже если каждый из нас когда-нибудь станет звездой, то и тогда, используя мысли наших лучей, мы будем соединять в беседе сердца. Со времен Рады мы близки. И неразрывна связь наша

в веках. Волхвов Гипербореи надевали мы одеяния и все же помним друг друга, Отец Мой и Брат!

Караван уходил. Колокольцы на шеях верблюдов монотонно звенели. И марево фата-морганы все так же висело над красной землей. Но оно больше не искушало своими красотами путников. Они прошли сквозь него, пронзив, как игла — шелковую ткань. Величайший и Мудрейший шли к венцу своей очередной земной жизни. Ночь надвигалась, накрывая мир звездным плащом. А караван уходил, оставляя в песке глубокие следы, которые были едва различимы в лучах заходящего солнца.

Струились слои ночного тумана, преломляя свет луны в пустыне. Караван отдыхал у костров, разложенных то здесь, то там. В погасшем небе сияла далекая яркая звезда, указывая путь и маня за собой. Тени отбрасывали сидящие люди и отдыхающие верблюды. Марево тумана уносило дым, который обретал причудливые формы, словно духи пустыни закутывались в него, как путники — в плащи из верблюжьей шерсти.

Свет костра отражался в глазах Великого Путника и высветлял его благородное лицо и белокурые, цвета спелой пшеницы, волосы. Огоньки плясали в зрачках Великого Юноши, не подозревающего, что ждет Его в далекой стране, куда невидимо нацелен был их путь.

Бедуины укладывались спать около верблюдов. А молчание двух сидящих около огня людей было так же красноречиво, как движение звездного неба над их головой. Дым собирался в причудливые знаки, которые кружились вокруг, словно желали быть замеченными и прочтенными, и тихо-тихо уходили в безмолвное остывающее пространство.

Бывают мгновения, когда даже у Великих нет слов для выражения таинственного состояния единения сердец. И тогда сознание уступает место торжественному молчанию. Какая молитва звучала в Их уме, не знала даже ночь. Лишь звезда понимающе смотрела в души этих людей, радуясь разгорающейся силе понимания великой задачи, ожидающей Их.

Великий Путник вслушивался в шорохи пустыни. Легкий ночной ветер пробегал по медленно остывающим барханам. Камень, на котором сидел Он, уже погрузился во тьму. А вершина скалы, очертаниями своими напоминающая стоящего на страже человека, еще светилась бледным закатным огнем. Дух просил тишины. Дух просил разговора с дальней звездой. Сердце затрепетало, услышав зов ее, когда созвездие ее возшло над горизонтом.

Но из пустыни послышался грозный, предупреждающий рев. Огромный лев, черный, как грозовая туча, почуяв человека, приближался к нему, наполненный яростью и чувством голода. Он знал вкус человеческой плоти и готов был растерзать того, чей запах доносил до него легкий ветер. Но какой-то неясный свет слепил его глаза. Свет, который смирял его природный гнев и притуплял желание насытиться.

Человек стоял на коленях, скинув верхний шерстяной хитон, и, сложив на груди руки, что-то шептал, обратившись к высокому небу.

Покой разлился в теле льва. И он лег, сложив свою огромную голову с косматой гривой на вытянутые вперед лапы.

Человек что-то шептал, и с неба на него сходили золотые нити света как продолжение звездных лучей.

Ими было окружено пространство вокруг Великого Путника, словно это была решетка из раскаленных стрел, которая позднее превратилась в сияющий световой поток, льющийся на голову и плечи коленопреклоненного.

Лев замурлыкал. Никогда ему не было так хорошо. Он готов был идти за этим человеком, как маленький детеныш — за своею матерью.

А звезды кружились, уступая место другим. В дальней дали далекая, едва заметная заря предвещала наступление нового дня.

Что-то не звериное, а совершенно иное, пробудилось в сердце льва огнем никогда не испытанной возвышенной радости, которую нельзя было сравнить ни с кровавым пиршеством, ни с погоней за львицей. Первый опыт звериного озарения дал начало его преобразению в будущего человека. Он как-то странно зарычал, как будто подпевая ритму услышанной молитвы, и ему захотелось навсегда лежать у ног Великого Путника и реветь от восторга, постепенно обретая качество человеческой речи через рыдание и священный плач.

Заря осветила их обоих. Великий Путник встал и двинулся в путь. Вслед за ним лениво и немного поодаль побрел лев, изумленный и обескураженный, спотыкаясь, словно щенок, едва научившийся ходить, — за стремительно удаляющимся хозяином.

С тех пор Сам Великий Путник стал именоваться Львом Пустыни, ибо в нем рассеялись последние остатки страха и мужество взяло верх над всеми искушениями мира.

Никто не знает, кем стал в будущем этот лев. Но одно осталось ясным — что он просветился и впервые обрел свой духовный опыт.

А Львами Пустыни стали нарекать подвижников, которые поднялись духом высоко над миром, чтобы увидеть очаги скорби человеческой и помочь простым людям обрести покой сердца.

— Владыка! Разве ты не устал? Почему ты идешь пешком, посадив на свою белую верблюдицу простого погонщика?

— Путь нужно чувствовать ногами, которые обжигаются, увязая в горячем песке. И раны тела — ничто в сравнении с болью сердца. Дух погонщика смирился со своей участью и благодарил Создателя за свою судьбу. В нем сгорела гордыня, и лишь величайшее терпение закалило сердце. Злое пламя всего яда мира он преобразил в свет смирения. Но напряжение земного тела укрепляет дух. Я благодарен ему за возможность проявить милосердие. Ищите тех, кому нужно помочь.

Караван звенел, покидая благословенную Персию. Тень его скользила по красным остывающим барханам. Солнце клонилось к вечеру.

У Белой Горы

Караван остановился у скалы, имеющей причудливую форму. Вдали, за густым лесом, виден был трехглавый венец Белой Горы. Вода под ногами путников ревела и пенилась.

— Судьба привела нас к порогу первозданной тайны, где мы постигнем новую ступень познания, — сказал Великий Путник.

Его проводник ответил:

— Тысячи лет предки наши поклоняются Владыке Снегов, и мудрость источают эти вечные льды. Но кто видел ступени, о которых Ты говоришь?

— В недрах горы сокрыт храм величайшей силы. В недрах горы сокрыт клад неистощимый. Когда мир устанет от войн и развлечений, когда истощится мило-сердие земное, многие придут, чтобы утолить духовную жажду ароматом сокрытой здесь тайны. Залы великих библиотек не допустят каждого к драгоценным свиткам. Но сердце может воспринять мудрость в ее тончайшей эссенции. Духи знания облагородят путников.

— Но какую святыню Ты нашел среди этих серых камней? Ведь нет здесь ни священных врат, ни великого алтаря?

— Врата Судьбы разрушены, Алтарь древнего храма погас, но огонь унесен был в сокровенное место. Зов Ориона зажигает сердце огнем. Пламенная боль зерна духа укажет на место встречи Моей с Владыками Сердца Мира. Изображение Благословенного откроет тайны храма мудрости. Мы вошли в святилище белых вод, где даже стихии имеют дар человеческой речи. Не страшитесь колдовства, если услышите в шепоте ветра или листвы тайное приветствие. Нас ждут давно.

По камням застучали подковы. Грохот реки стихал. Сквозь кедры открывались остатки древнего города знания. Ветер доносил запах кедровой смолы и отголоски древних песнопений. Пронзительное звучание серебряных колокольчиков зажигало пространство. Синие и серебряные искры, сливаясь в стремительном танце, рисовали в воздухе знаки, которые таяли, касаясь сердца и глаз. Белая Твердыня встречала позванного. Солнце уходило за горы, и в уходящем лиловом сумраке над Белой Горой робко поднималось созвездие Орион,

неся три лампы, собранные в величайший Знак Мира. Приближалось таинство благословенной ночи.

Костры засветились, смолкли разговоры.

Сидящая у костра одинокая фигура отбрасывала длинную тень. Глаза Великого Путника отражали пламя. Шелестели ветки кедра от налетающего ледяного ветра. Казалось, языки пламени отвечают глядящему в костер человеку. То вспыхивая, то угасая, они давали ответ на известные только им вопросы и одобрительно взлетали или стелились вокруг горящих сучьев. Великий Путник видел сквозь огонь развернутый перед Ним свиток ожидающей Его судьбы, и печаль, пронзившая сердце, тихо угасала, как угли, остывающие в костре и превращающиеся в золу.

Мир ждал жертвы.

Дух кедровой тайги пьянил сознание. Тропа уходила в самую гущу и терялась в сумерках деревьев. Спустя некоторое время открылась чудесная обширная поляна на берегу бурлящей реки, ревущей так, что рядом невозможно было услышать человеческий голос. На поляне высились прямостоящие камни выше человеческого роста, очень похожие на изваяния людей, но сильно поврежденные, что указывало на их значительную древность. Они замыкались в круг. Между камнями было одинаковое расстояние. А посередине, в виде огромной плоской плиты на высоте половины груди, находился жертвенник, где, по всей видимости, совсем недавно проводился ритуал бескровной жертвы с возжиганием арчи и кроплением молоком.

Кедры, под которыми остановился караван, были огромными и величественными. Ветви прикрывали поляну и, спускаясь с берега, касались ревущего потока с белой бурлящей водой. Огромный валун с причудливым рисунком легко сдерживал натиск бешеного течения. Белая Гора сияла сквозь кедровые ветви. И ранняя звезда зажглась в угасающем небе.

Россул Мориа, показывая Великому Путнику на звезду, тихо проговорил:

— Зов дальней Родины слышен в потоке этой воды.

— Воистину, нужно было пройти не один день пути, чтобы достичь этого места, откуда вышла наша раса. У Великой Меру есть озеро, где судьбы человеческие собрали все свои токи. Они ищут омовения от скверны накопленной. А наш путь привел сюда по той же причине?

Россул Мориа ответил:

— Много тайн хранит Гора Силы. И одна из них — это лестница, по которой душа Твоя когда-то сходила на Землю. Все люди едины в существе своем. И если один из них, Великий Дух, пожертвует собой ради других, то на долгие времена род человеческий очистится. Омовение в Белом Озере есть приуготовление к этой Жертве и посвящение нашей Высокой Родине.

Чаша Ориона поднялась над Белой Горой. И момент соединения токов Созвездия и Горы и Сердец Великих с ними создал ток, от которого вибрировало пространство, несмотря на ревущую мощь Ак-Кема.

Костры были зажжены. Пламя источало аромат кедровой смолы. Вдалеке паслись отпущенные кони, которых выхватывал из темноты свет от пламени костра.

Великий Путник молился, устремив взор на Белую Гору. А Ибн-Рагим молча думал — какая судьба ждет Его Самого и Его спутника?

Ак-Кем ревел. Струны ветра доносили древние песнопения, боевые возгласы, шум битвы.

Шейх Пустыни вспоминал, что когда-то, в очень древние времена, здесь стоял один из Его дворцов, в котором Он любил проводить время весны и лета. И что где-то здесь от него остались лишь жалкие развалины, как от той необъятной империи, в которой Он властвовал.

А Великий Путник, убаюканный мелодией ветра, стоял на коленях и, молясь Единому Отцу, постепенно покинул земное тело, отправившись странствовать по дальним дорогам Вечности. И Ему мнилось, что рядом с Ним идет человек в бедуинском наряде и с посохом в руке. Лицо Его было прикрыто, но Он узнал, что это был Россул Мориа — Владыка Пути.

Развалины древнего дворца были живописны и величественны. Здесь чувствовался дух пребывания в далеком прошлом великого вождя.

Великий Путник остановился и, задумавшись, присел на камень, заросший ярким изумрудным мхом, словно боясь потерять мысль, посланную из Высшего Мира.

Ибн-Рагим тихонько начал напевать мелодию, подпевая ветру, летящему из ущелья. В Его голосе слышались сожаление и тоска, а также отголоски давно минувшего горя.

Великий Путник удивленно взглянул на своего спутника.

— Откуда эта песня?

— Это мелодия из Моей памяти, — ответил Ибн-Рагим. — Я был в этих местах множество жизней назад. А теперь снова воспоминания нахлынули вместе с посещением этих руин. Некогда это был один из Моих дворцов, а Я сам правил необъятной империей, занимавшей Тибет, Алтай и Памир, а также всеми землями, где они начинались и заканчивались. Дух прошлого тяготит сознание. Хотя много было прекрасного в той жизни. Я любил возвращаться сюда в начале лета, когда магия цветения украшала окрестные горы, а Умай-Туу оставалась словно драгоценный бриллиант в короне священных гор. Это было то время, когда Моя лаборатория находилась здесь. Ее здание и сейчас перед Тобой. Великие Братья человечества до сих пор трудятся в недрах Умай-Туу, добывая новые крупницы Мудрости и священную солнечную соль — пищу Посвященных. Когда арии вышли из скованного льдами континента, с сожалением оставляя его, великие волхвы кормили людей шариками сладкой пищи, которая позднее была названа манной небесной и была присвоена иудеями вместе с этой историей. Это была необычайно сытная пища. Одного шарика хватало на три дня. И сорок лет вожди Гипербореи водили народ Арьяварты, пока не нашли достойного места. Одно из них было здесь. Наследие Рассанты досталось Мне, когда Я был избран вождем народа гор.

Порывы ветра, летящие с Кара-Тюрека, доносили звуки каких-то древних песнопений. Иногда они переходили в звучание сражений, ржание коней и крики раненых людей, словно оживляя давно ушедшие битвы и моления.

Тонкая струна запела вдруг в сердце Великого Путника, и Он встал на колени, обернувшись к сияющей в лучах заката Горе. Над самой высокой ее

вершиной засияла Голубая Звезда. Голос пел в душе, не переходя на слова. Небесная Благодать наполняла вселенную тела Радостью.

Ибн-Рагим последовал примеру Великого Путника и склонился в поклоне.

Звезда приближалась стремительно и, зависнув над Ними, стала величиной, как солнце, освещая сумеречную гору и разливая свет, который скрадывал тени. Из самого средоточия этого сияния выделился тонкий луч, который опустил перед Великим Путником простую глиняную чашу в виде кубка. В нем переливалась бирюзовая жидкость.

Безмолвный приказ выпить ее был исполнен.

Сияние звезды угасало, но свет исходил от Самого Великого Путника. Над Его головой горела неизвестно откуда взявшаяся красная звезда, которая сопровождала Его потом всю Его жизнь. А кубок, из которого Он пил, был с Ним всегда и стал позднее Чашей Грааля, предметом легенд и сказаний. Место, где он был получен, до сих пор отмечено присутствием Высоких Сил.

Развалины все еще светились, нехотя отдавая чудесный свет прилетевшего огненного шара. Свечение Великого Путника уходило в глубь Его тела. А звезда над Его головой уплотнилась до состояния невидимости. Теперь лишь очень внимательный глаз мог уловить тончайшее рубиновое сияние. Человеческий облик не должен был ничем смущать встречающих.

Но облик Назаретянина был прекрасен и необычен для жителей южных стран. Глубокие синие глаза словно звали в небесную высь, являясь воплощением идеи Великого Путника об устремлении к дальним мирам. Он говорил людям: «Вы обратили взор к земле

и стали подобны животным, ищущим пищу себе под ногами. Но вы забыли, что не только тело нужно напивать, но и средоточие духа. И лишь красота небес способна унять тоску вашу. Чаще обращайтесь взор к горам и звездам. Истинно говорю — кто не вкусит красоты небес, сам себя предаст погибели!»

Умай-Туу сверкала под лучами уходящего солнца. А Ибн-Рагим все ходил по останкам древнего своего жилища и тихо вспоминал счастливые и горькие минуты, проведенные в этих покоях, где сейчас лежали холодные камни и росли колючие кустарники. Земная слава, как и власть, — зыбкое основание для духа. И словно откуда-то, из глубины бесчисленных веков, на них пахнуло тонким ароматом древнего святилища. И костер воспоминаний озарил образы, спящие в глубине Чаши. Но лишь на мгновение промелькнула молния памяти. И, словно вздох горного ветра, кто-то произнес: «А-Лал-Минг...»

Великий Путник опустился на колени перед порогом Врат Судьбы, ныне разрушенных и почти забытых.

Храм Планетарного Могущества, Храм Сердца Мира, был построен в древнейшие времена добрыми великанами муанской эпохи. Залы, лабиринты, незаметные двери и вентиляционные шахты с резервуарами чистой воды являли собой предметное творчество представителей многих стихий, еще не зараженных человеческой алчностью.

Врата Судьбы возникли пред ликом Великого Учителя как будто сотканые из плотного огненного тумана. На самом верху свода горели древние магические знаки, запирающие вход от человека, приходящего с ожесточенными и алчными намерениями, пытаясь

выведать тайну вечной жизни или получения власти над миром и не пытаясь ничем пожертвовать и изменить свой жизненный уклад на более одухотворенный и совершенный.

Великий Путник знал, какую небесную силу хранили эти камни — Зов Великой Космической Родины, где созрел ярчайший колос, зерна которого воплотились в Великих Учителях далекой Солнечной системы.

Молитва Его была так проникновенна и горяча, что капли пота превращались от напряжения в кровь и, падая на землю, материализовывались в виде пурпурных розовых лепестков. Он молился, и перед Его раскаленным огненным взором проносились толпы людей, страдающих в бесчисленных болезнях, бедах, нескончаемых войнах, источающих реки человеческой крови и слез. Человеческая печаль и скорбь жгли и пытали Его сердце, которое готово было разорваться от глубокого сострадания к людям. Но мысленный взор видел причины многих несчастий, болезней и бед. По своей неразвитости и недомыслию род человеческий часто сам был виновен. Боль и горе были порождениями его духовной слепоты и нежелания смиряться перед Волею Неба.

Огромная красная звезда неслась из глубин космоса на помощь страдающей планете. Дух Великого Путника пронзал времена и пространства. Он знал, что многие века спустя эта звезда принесет спасение не только Земле, но и целой планетной системе.

Словно в калейдоскопе космического видения менялись времена, эпохи, нарождающиеся и умирающие звезды и планеты, судьбы стран и континентов, отдельных личностей, влияющих на миллионы и миллиарды других людей. Он видел рождение

и мученическую смерть многих Подвижников Духа и Спасителей великих и малых народов.

У порога Врат сокровенный Морий источал тончайший ток, пронизывающий сознание радиацией духовных откровений. Словно Мудрость дышала здесь полной грудью. Благодать Сердца Мира создавала из кристаллов пылающих мыслей образы будущего, словно матрицу предназначения, которая должна быть когда-нибудь воплощена в далеком будущем.

Белая Гора темнела. Лучи заходящего солнца уносили с собой последние остатки дня. Но молитва вдохновенного духа длилась и длилась, создавая вокруг Великого Путника сияющий шар энергии, видимый даже земными глазами. Из этой сгущенной ауры вылетали молнии чистых мыслей, улетающие к избранной духом цели. Точно так же притягивались мыслеформы Высшего Мира, привлеченные магнитом самопожертвования.

Костры загорались внизу, возле озера. Ветер молчал, опасаясь помешать священному действию Великого Учителя. А Врата Судьбы все еще горели, пылая, как раскаленное серебро. Голоса дальнего каравана гасила непроницаемая тишина, которая, казалось, проглатывала звуки, питаясь ими, как гигантские киты — бесчисленными стаями планктона.

Камни холодели. Над вершинами поднималось в который раз родное созвездие. Но Великий Путник не торопился возвращаться в земной мир. Молитва была Его обычным состоянием. Чаша Жертвы уже висела над Его головой, указывая на неизменность звездных знаков.

А в дальнем космосе, словно Мысль Высших Иерархов, летела к солнечной планетной цепи червонно-золотая звезда, спешащая на помощь. Но никто еще

не знал, какие события потрясут планету, какие века ее омрачат или возвысят и сколько воплощений и путей нужно будет пройти каждому человеку до того уровня, чтобы стать таким, как Великий Путник.

Тьма шевелилась, словно шелковый занавес, насыщаясь холодом вечных снегов. Но Врата Судьбы все еще горели и горели, насыщенные огнем Великого Сердца. Магниты, заложенные Гигантами Духа, входя своими токами в плоть человеческую, превращали ее в сияющую броню и провод Великого Дыхания Космоса.

Фигурка золотого человека, заключенного в кристалле хрусталя, погрузилась в воду синего озера Семиозерья. По словам Матери Великого Путника, она была принесена волхвами с далекого севера в дар Ему после рождения. Долгое время святыня была в Его суме, пока не было дано Указание отнести ее к Белой Горе, на плато, где семь озер разного цвета расположены в своем замысловатом порядке.

Глаза Его следили, как погружалось на дно то, что считалось знаком Его принадлежности к Вечной Веде.

Арамеи были последними остатками славянских племен в Израиле. Города были завоеваны ордой диких народов, пришедших с юга. И они вынуждены были уйти со своей земли, оставив ее завоевателям.

Но Великий Путник помнил, из какого народа Он вышел, и в поисках родины проникал в благословенную Индию, где Его любили, как Бога. За черту суровых Гималаев Он был послан, чтобы принять благословение Великого Луча своей Звезды, — туда, где наиболее сильным было ее воздействие.

Дух Белой Горы был неодолимым магнитом, о котором Он вспоминал и куда устремлялось Его сердце до конца земной жизни.

Великий Путник сидел на камне у Шаманьего Перста. Дух наполняла огненная, живая теплота, идущая из глубины земли. Пел ветер свою заунывную песню, летящую с серебряных гор, — словно мольба высокого собрания старцев, исполняющих свое сокровенное песнопение. Дух Его проникающим своим наитием чувствовал истекающую из сердца земли мудрость плоти планеты. К этому камню приходили древние маги и шаманы, чтобы испросить Волю Великой Силы Братства Белых Вод.

Исследуя разные страны и религии, соприкасаясь с разными людьми, Великий Путник почувствовал в себе возрастающую и неослабевающую в своем продолжении любовь ко всем людям. Он ощущал неиссякаемый пульс тока жизни в большинстве человеческих существ, но часто не наблюдал его у тех, кто по своему положению призван был наставлять народы. Дух простоты был близок Его сердцу. Но поддельная святость, которая демонстрировалась перед публикой, была худшим из всех преступлений, ибо трудно было наказать при жизни лжепророков и ложных духовных водителей.

Вспорхнувшая птица качнула ветку, на которой сидела. Облетела капелька росы вместе с искрой звездного света, который она поймала и замкнула в глубине своей прозрачной плоти. У босых ног Великого Путника маленькими серебристыми кружками цвели эдельвейсы — души ушедших в горы и не вернувшихся людей.

Мир погружался в сиреневую дымку вечера. Звенела нежно чистая Ярлу, сбегая по камням. Лиловой становились серебристые осыпи. Лебяное дыхание вершин напоминало о себе резкими порывами. словно тонкая шелковая завеса шевелилась от ветра. Временами даже казалось, что его вихри освобождают от тьмы золотую тропинку, сбегаящую к белому озеру, где еще видны были обломки древних дворцов и храмов, некогда служивших школой для магов древности — до тех пор, пока в стенах Благодати Храма Судьбы не была допущена кощунственная мысль, послужившая причиной разрушения великого города. Молния Высшей Судьбы восстановила гармонию древнего святилища.

Эпоха проклятия атлантов оставила свои следы даже здесь. Великий Путник понимал, что только жертва, великая и малая, дает продвижение эволюции.

Задумчивым стоял на высокой скале человек в белом, словно вглядываясь в грядущее. Его омывал ветер летящих мгновений. Грохот камнепадов и рев срывающихся вниз водопадов не мешали тому, что Великий Путник видел в атмосфере бушующей планеты. Неумный дух видел вечные течения космоса, которые превращались на Земле в события. Иногда самые скромные из них оказывали влияния на целые народы, устанавливая власть духа на долгие времена.

Древнее Православие, преподанное волхвами Гипербореи всему остальному миру, дух Его усвоил давным-давно, еще будучи служителем Дажьбога в цепи древнейших воплощений.

До тех пор, пока в Рассанте не признали в Нем воплощение Самого Владыки, двенадцать волхвов, один за одним, собравшись у великого зеркала у огромной

хрустальной, похожей на нетающую гору из чистого льда скалы, увидели все покровы Его души, распечатав их нить за нитью, начиная с первой мысли о самопожертвовании в одной из первых земных жизней, распутали изгибы святого пути духа и его предназначение на Земле.

Вспоминая себя в громадном теле муанца, который строил силой мысли великую пирамиду на священном острове и лабиринты Белой Горы, Великий Путник неожиданно для Себя осознал, что Он помнит всю череду Своих жизней. И это открытие потрясло Его до глубины души, так же как страдание простых людей, которые пожинали плоды своих прошлых недостойных жизней. Называя их Великими Днями, Он читал их легко как в Себе, так и в других, вспоминая каждый день, час, и даже мгновение, в котором зарождалась та или иная мысль.

Рассанте Он отдал множество Своих воплощений, пока Святая Арктида не совершила исход от Маха-Меру под натиском стремительного холода, устремившись к Ирийским горам и южнее, к черте святилища Арки и великому озеру Святой Матери, где фиолетовый кристалл Вечной Жизни был установлен на Алтаре одного из всемирных, если не самого главного, Храмов Ассургины. И земля эта названа была в честь Нее Асией, занимая необъятное пространство с севера на юг и с запада на восток.

Цветок клонился от ветра, осыпая семена-парашютики в белую гладь озера, по которому в мелкой ряби они уплывали. Великая Владычица Алтайских Гор смотрелась в вечное зеркало озера Ак-Кем. Блики солнца, скрывающегося за тучами и выглядывающего

из-за них, плясали на поверхности молочных волн. Ледяное дыхание Умай-Туу не просто освежало, но вызывало легкий озноб у входящих в узкую долину Госпожи Вечных Снегов. Душа трепетала, впитывая звуки летящего ветра. Звуковые миражи были так пронзительно-живописны, вызывая в сознании целый каскад внезапно изменяющихся образов. Пришедшие с почитанием к Белой Матери получали Ее Благословение.

Молитва Великого Путника создавала световые картины и целые объемные образы в белом тумане над озером. Она возносила Дух Величайшего к далекой Родине Его Искры Божией.

Великий Путник не замечал ни острых камней, ни ледяного дыхания Лебединой Горы, Пирамида внутри которой пульсировала в такт Его пылающего Сердца и отвечала Ему своей мощной, неистощимой и всевозрастающей радиацией.

Священный Камень посылал безмолвное обращение Великого Путника так далеко, что трудно было представить невообразимое расстояние, которое пронзала стрела Его Духа. Любовь озаряла молящегося. И в белом лотосе дивных переливов, в радуге мысленной мощи, окружающей коленопреклоненную фигуру, Он Сам сиял подобно драгоценному камню, нечаянно явившему себя в окружении серых камней. Взывая и поднимая руки, Он словно обретал сияние крыльев, пытаясь взлететь.

Над Белой Горой сияла чистая звезда, словно Око услышавшего Его Бога.

Голос Родины звучал тонко и чисто. В этой напевной и дивной мелодии звучаний речи далекой планеты Рады Великий Путник почувствовал ту высокую

ноту любви и полноту сердечно-духовных отношений между людьми высокого мира, которых не хватало Ему здесь, на Земле. Разве что преданный Ему Ибн-Рагим мог одарить Его потоками таких драгоценных энергий. Да этот худой высокий мальчик, тонкий, как стебелек нильского тростника, и с глазами, синими, как горное небо, который так любил Его по какой-то скрытой от Него причине.

Но разве для любви находится причина? Какое-то влекущее родство душ, сияющее поле взаимоотношений правят силой этого чувства.

Порой Ему казалось, что подросток молится на Него. Он даже слышал его чудесные мысли, которые долетали до Его сердца в удивительно красочных и трогательных образах.

Ибн-Рагим, суровый и непонятный, следил за ними обоими и тихо улыбался, склонившись над костром.

Великий Путник не молился — Он вел беседу с тем Вечным Существом, которым был послан в такое дальнее, трудное странствие. В стране бореев Его звали Сварогом, а Жену Его — Сва. И Он это знал, потому что был частью той северной культуры, где в давние времена не было ни армии, ни охраны. Великая заградительная стена защиты, установленная Белым Братством, отменяла иную форму защиты.

А мальчик, которого подобрали в пустыне, был одним из племени урусов, к которому принадлежал и Он.

Радомир — пришедший из мира Рады. Это было истинное Имя Того, Кто называл Себя Христом. Пришедший с далекой Рады, Он принял на Себя тяжесть Искупителя Мира, потому что ни одному из

землян не по силам было выполнить подобную миссию. По пути Своего следования по Земле находил Он и пробуждал древние космические магниты, которые были загашены человеческим невежеством и кровавыми жертвоприношениями, очищая их огнем Любви Своей и оживляя изначальную душу, истомленную вековечным пленом заблуждений.

Предсказанный крестный путь тяготил дух Великого Путника, но Высшая Жертва открывала Ему полет в Высшую Беспредельность.

— Звали Тебя Радомир, или Радость Мира, — проговорил не спеша Ибн-Рагим. — Но есть еще несколько значений имени Твоего. Ведическая традиция, впрочем, так же, как и иные, разделяет каждое понятие, в том числе и имя человека, на семь ключей. Радомир — Твое тайное имя, которое Тебе дали волхвы задолго до Твоего рождения, проследив Твой путь со звезд. Славянские корни Твоей Матери остались в глубокой тайне. Но Лик Лады-Богородицы, оставленный в одном из пещерных храмов горы Хорив, есть предзнаменование рождения Спасителя Мира.

Радо-мир — пришедший с земель Рады, или Ориона. По этой причине Тебя будут именовать Великим Путником — потому что мало кому из духов позволялось проникнуть за ледяную стену, чтобы воплотиться в нашей Вселенной. Это второй ключ Твоего имени. Третий — это усиливающий или дающий свет Солнца в его духовном смысле всему миру, далеко вокруг себя. Еще, если брать почти буквальную трактовку, то значение будет таково — родом из Ирия, рая земного.

Дар Высшего Мира редко люди принимают с открытым сердцем. Лукавство того народа, к которому Ты пришел, так велико, что измерить его глубину невозможно, хотя простые люди так же бедны, нищи и готовы с путником поделиться последним.

Дух Твой скорбит. Но нужно знать высшее значение Жертвы. Без нее не постичь вечного пути. Нельзя, наслаждаясь, постигать путь духа. Да и богатство, скорее, не удача, а кандалы на ногах. Все диктует зависимость от того или иного человека, от состояния или дурной привычки. В этом смысле мы самые счастливые из людей, ибо нами водит Дух Святой. Не тот, который забыл тропу, ведущую его к Божественной Силе, ибо он довольствуется своей участью помогать шаманам и медиумам, но Дух Солнечной Силы Рады, земли нашего зерна существований. Мы давно знаем друг друга. Но в мире беспамятства нам многое нужно вспомнить или напомнить.

Ветер шумел в предгорьях. Кедровые ветви чертили по земле, задевая цветы. А солнце, просвечивая сквозь хвою, расстилало по поляне причудливый узор, который можно было принять за знак одобрения Духа Алтая, встретившего караван Великого Мудреца, а на вид — юноши с синими глазами и длинными волосами цвета созревшего поля.

Древняя пирамида выглядывала у подножья белого озера. А над ним, отражаясь в его зеркале, во всей своей красоте и величавости сияла чистая Гора — святыня всех религиозных устремлений сердец. Кто-то видел на ее вершине старца, кто-то — молодую прекрасную женщину, но Радомир слышал, как Сердце Горы, обращаясь к Нему, посылает приветствие, от которого словно огненные стрелы залетали к Нему в душу, воспламеняя пламень необъяснимой радости.

Поклонение древнему Храму было необходимым для Духа мирового уровня. Помимо посещения Белого Города на вершине Горы, Он был допущен в Святилище Саттвы — в циклопическое построение древнего времени, где сияла синим огнем, как будто огромный кристалл сапфира, высокая Пирамида, вращавшаяся вокруг своей оси над прозрачным и глубоким озером, стены которого напоминали искусно выточенную в базальте гигантскую Чашу. Временами в его водах можно было различить очертания знакомых звезд и самую любимую сердцем Раду, Его Родину, откуда Он пустился в далекий путь, получив духовное прозвище — Великий Путник.

Тропа поднималась по голым камням к Северной стене, которая была закрыта снегом летом и зимой. Сквозь нанесенный слой снега на камнях можно было угадать некоторые священные изображения. Здесь был Конь Счастья с пламенем Мудрости на седле, гордо ступающий в сторону Востока. Здесь был Будда раннего человечества высотой почти в один километр. Здесь были картины древних небес и знаки письма поздних лемуро-атлантов. Они служили не для произнесения, но только для чтения и мысленной передачи высоких истин. Сами лемуро-атланты читали Книгу Небес, и бесконечный свиток Акаши был всегда развернут перед ними. Они не владели человеческой речью, но общались образами, цветовыми образованиями и радужными лентами, пущенными в ментальное пространство.

Достигнув места, где Благословенный принимал Свое последнее посвящение, Великий Путник распростерся, припав телом к камням, и тихо прошептал молитву, восстанавливающую память стихий. Внезапно

Он оказался в серебряном тумане, в котором были четко видны очертания Великого Льва Закона, сумевшего остановить Колесо Сансары. Теперь, когда Он явился миру, перерождения могли происходить лишь по собственной воле каждой души. Кто не хотел этого, оставался в Тонких Мирах.

Великий Путник увидел человека, сидящего в позе лотоса и устремленного к Северной стене. Пронзая взглядом толщу времен, Он увидел, как огромный древний храм, вырубленный в недрах величайшей в мире Горы, сияет дивными огнями силы. Светильники, заправленные маслом, сами загораются от присутствия Высокого Духа и гаснут, когда Он покидает вместилище древнего поклонения.

Но Северная стена сама светилась. И сквозь скальные базальтовые породы, лед и снег просачивалось в мир тончайшее, но активно-мощное световое сияние, слагаемое в изображение священной пирамиды внутри горы, вечных огней, горящих вокруг нее, и разноцветных чаш с солнечной солью, стоящих на Алтаре Планетарного Духа.

Драгоценные кристаллы отражали свет, источаемый лампами, в которых горело жидкое золото с асбестовыми фитилями. Древнейшие изображения, принесенные с Асты и Рады Белыми Путниками, из числа которых был и Сам Тивердиадец, изображали Богов тех далеких миров, откуда был послан десант Духовной Силы.

Пирамида, напитанная дыханием Рады, окружала Белую Гору плотным шаром духовной радиации на значительное расстояние, достигающее до того места, где Ак-Кем впадает в Катунь. Границей этого влияния в разных частях Горного Алтая служат места благодати. И одно из них — плато Толоно возле ручья Тургунда.

Словно почувствовав сердечное обращение, Пирамида стала накаляться и, становясь прозрачной, источила сноп молний и открыла в себе картину Алтаря Сердца Мира на далекой планете Раде.

Красивого Вана увидел Великий Путник, который начал великий обряд Его посвящения.

Сердце Тивердиадца запылало невиданным жаром. Боль мира вошла в Него. И дух неизреченной тайны своим дыханием напитывал плоть человеческую.

Когда напряжение достигло своего пика, Великий Путник впал в беспамятство. Земная оболочка не выдержала радиации, а посвящение продолжалось в другом мире. Издалека казалось, что яркое бело-синее пламя поднялось выше гор, уходя в самое небо. И в нем погонщики увидели гигантскую фигуру Самого Великого Путника.

Духовная Крода полностью изменила всю телесную структуру Пророка, отдав Ему во власть часть Камня Силы. Красная звезда на Его правой ладони засияла густым лучом и устремилась куда-то в беспредельное пространство, словно освещая путь, как маяк — попавшему в бурю каравану среди кромешной тьмы. Дух посылал молнии спасения, предвидя судьбу, предназначенную Великому Сыну Дажьбога. Белая Гора пела от радости ликования. И Сама Хранительница стояла у Ног Великого Вечного.

В Стране Мудрецов

Через места жизни Благословенного шли мы неотступно. От озера Мореа до высоких круч Гималаев путь наш лежал. Три года продолжалось наше путешествие туда, три года — обратно. И три года продолжалось

отсутствие Великого Путника. Но, помимо этого, Он совершал и Свои походы, о которых никогда не упоминал.

Змея проползла, оставив едва заметный след на песке. Жара постепенно оставляла пустыню. Но караван еще шел, пользуясь наступившей прохладой и сумерками, в которых, вслед за уходящим солнцем, светилась ослепительно яркая звезда.

Белая верблюдица несла своего седока бережно, без резких движений и рывков, словно боялась нарушить Его благоговейное состояние. Дух вечной молитвы пребывал в Нем, даже если Он не произносил ее вслух, и даже в уме, освобождая сознание от механических повторений. Но она все равно творилась в Его сердце пронизывающим, едва ощутимым током привхождения тайной радости. Это было похоже на прикосновение лучей этой яркой звезды, когда она касалась Его глаз.

Небо гасло. И нужно было устроить ночлег, чтобы рано утром встать и до полудня пройти как можно больше. Караванщик знал все колодцы на своем пути. Весь путь состоял в переходах от одного к другому. И лишь в редких случаях им приходилось ночевать в оазисах, этих островках райской жизни, где звучал ручей и плескалась вода в окружении пальм, где можно было совершать омовение, и даже купать животных. Вода была главным сокровищем пустыни. И ее нельзя было не только сравнить, но даже заменить чем-то другим. Роса по ночам выпадала на шатры и оставленную на месте стоянки посуду.

Странным был этот юноша с белыми, цвета спелой пшеницы, волосами и с глазами глубокого небесного цвета. Даже на привале Он сидел рядом со Своей белой верблюдицей и, задумавшись, повторял какие-то таинственные слова на не ведомом никому языке. Ибн-Рагим зорко следил за Ним, оберегая от малейшей неприязни со стороны погонщиков, которые вместе с купцами везли дорогие товары в далекие восточные страны. Путь у всех был один. Кто-то искал Обитель Великих Мудрецов, а кто-то устремлялся в поисках великой прибыли — но, будучи ограбленным, тоже начинал думать о Боге как об универсальной Сущности, незримой, но всевластной, которая удерживает и направляет мир.

Звезда, которая вела их, зашла за темные барханы. Костры были погашены. Люди улеглись спать. А на востоке уже появилась робкая полоса смутно различного света, которая предвосхищала шествие нового дня. Далеко уже видны были высокие горы, за которыми в своем непрерывном труде обитали Мудрые Учителя и к которым направлялись, пристав к каравану купцов, два не похожих друг на друга человека.

Свиток неба разворачивал перед Мудрецами свои сокровенные знаки. И руны небес говорили сердцу о том, что в долгом пути не бывает все гладко. Пройденные стадии были ничто в сравнении с тем, что придется Им пройти.

Страна Мудрецов влекла Великого Путника. А мудрый Ибн-Рагим жалел молодого человека, прозревая Его будущую судьбу Спасителя Мира.

Снов не было. Прислонившись к белой верблюдице, грезил белоголовый человек. Его волосы почти

целиком укрыли лицо, слегка склоненное вперед. Он сидел на еще не остывшем песке и грезил, не расставаясь с молитвой даже во время сна. Огромная планета летела навстречу Ему, или Он Сам с огромной скоростью устремлялся к ней.

Великий Путник оказался в долине громадных пирамид, которые были в десятки раз выше египетских. Неведомое небо отливало фиолетовым цветом. Пирамиды были выстроены в форме известного созвездия. А наверху самой большой из них сиял огромный темно-красный рубин — даже не рубин, а целая скала из драгоценного камня.

Письмена дальнего мира на нем были непонятны. Но Великий Путник слышал, как Камень посылает слабый импульс своего сердца, будто спрашивая, слышит ли Он его. Великий Путник ответил. И дивная беседа, тонкая, почти не переводимая на слова, зазвучала в пространстве, словно неизъяснимо дивная мелодия дальней звезды. Сердце Камня пело Ему о своей и о Его судьбе, о глубоких тайнах Сердца Мира, о том, что только страдание способно спасти как самого человека, так и целый мир. Голос пел Ему о Звезде Царей, которая сияла над местом Его рождения, о ее обитателях и Великих Учителях, которые правили Солнечной Вселенной.

Сон длился недолго. Но разве можно назвать сознательное отсутствие сном, если на другом уровне сознания продолжается вечная работа духа, когда ум подчинен ему всецело?

Караван собирался в дорогу, хотя солнце еще не встало. Утренняя прохлада приятно освежала людей. А монотонная песня караванщика, которую он затянул, так напоминала язык Камня на той звезде, которая постепенно скатывалась к закату.

Взгляд Ибн-Рагима уловил необычную силу неизвестной энергии, истекающей от Великого Путника. Но кругом было много лишних ушей и глаз. Молча Он послал одобрение этому человеку, который был молод, силен и красив. Он еще не знал о Великой Жертве. Он еще не был готов к ней. Но решимость Его уже была видна во всем Его поведении.

Караван спешил дойти до оазиса, пока не началась страшная песчаная буря. Пустыня постепенно отбирала у людей последние уголки, где зеленела трава и качались пальмы. Пустыня засыпала колодцы, ручьи и озера. Но люди боролись с этой желтой смертью, устанавливая заграждения, отбрасывая назад смертоносные зыбучие волны и выгребая из жилищ все, что нанесло бурей из пустыни.

Белая верблюдица остановилась около воды и покорно легла на землю, чтобы человек мог спуститься вниз. Кажется, она научилась понимать этого необычного по виду человека без слов. Она видела Его мысли. Она чувствовала Его любовь, которую Он излучал, как солнце — свои немилосердные лучи. Перед ее глазами даже в глубочайшей ночной тьме стояло Его красивое лицо с приветливой улыбкой. Она готова была нести этот груз до конца своей жизни.

Песчаная буря накрыла караван в самом конце перехода. Погонщики положили верблюдов головой друг к другу, в круг. А в самой середине поместились все участники каравана. Но колючие песчинки забивались под одежду, несмотря на то, что были накрыты тонким покрывалом шатра.

Буря бушевала весь день. И нельзя было выйти. Но дух наш был крепок. Великий Путник шептал древний мантрам Своей Родины, который не превращался в слова, но оставался в пределах не различимого никем шепота. Кажется, Он говорил с духом бури, с великим ветром, который его принес. И язык Его был похож на порывы. То тихи и шелестящи были они, то грозны и даже грохочущи. Казалось, что самум обрел форму гигантского живого существа, пытающегося сравнять все с землей, погубив души живые и передвигая огромные песчаные волны ближе к горам, которые были уже видны в просветах между порывами ветра.

Внезапно песчаный прилив иссяк. Перестал бить песок о крышу шатра. И яркое, палящее солнце немилосердно устремило свой лик на красное бесконечное море вздыбившихся барханов. Дыхание Стрибога было укрощено. Молитва Великого Путника была услышана.

Стрянув песок с головного платка и вновь завязав его, Россул Мориа подал руку Руссу и тихо промолвил: «Путь духа не преградить даже ветру».

Синие глаза Великого Путника светились радостью и интересом. Он жаждал продолжения путешествия в далекие неизведанные места. Лики Великих Мудрецов светились, словно белые пики гор. Тайна трепетала, как сердце — в груди. Тайна ждала времени своего открытия.

Пустыня кончалась, превращаясь в вечнозеленый оазис. Под кронами пальм можно было скрыться от палящего тропического солнца. Караван вошел в индийское селение, где и был конец их долгого пути.

В караван-сараяе Ибн-Рагима уже ждали посыльные далекой страны и несколько коней приземистой

породы, которым было легко продвигаться по горным тропам. Обычное приветствие от головы к сердцу — намасте и поклон — было обращено к Ним обоим. Удивление черноволосых, смуглых и кареглазых людей было необычайно велико, когда сброшенный капюшон, прикрывавший лицо Великого Путника, открыл Его чудесный Лик, с белокурыми волосами и глубокими синими глазами. Чистое, вдохновенное лицо было обрамлено светлой бородкой и усами. Назорей словно явился из иного мира. Даже внешний вид определял в нем жителя северных стран.

Начальник группы всадников, одетый в расшитый золотом кафтан, с трудом удерживал молодого жеребца, который не мог стоять на месте. К Великому Путнику подвели серого в яблоках коня, который с любопытством и изумлением смотрел на своего будущего седока и все норовил носом уткнуться в Его руки.

Когда все уселись в седла и приторочили переметные сумины, которые слуги перенесли с верблюдов, начальник дал знак и караван, состоящий из лошадей, тронулся к предгорью. Вслед Великому Путнику долго смотрела белая верблюдица, словно понимая, что вряд ли когда-нибудь ей придется нести такого седока, которого впервые в жизни она везла с такой любовью и осторожностью.

Уже караван ушел. И не одна пустыня пройдена. Уже по узким горным тропам пройдена не одна горная страна. Но дух спешит, подчиняясь зову, в сердце звучащему, дальше и дальше — туда, где сурова природа, а люди терпеливы и приветливы. Они поделятся последним куском ячменного хлеба и глотком горячего чая.

И верный Ибн-Рагим не оставляет и не отстает на горной тропе.

Через Нилгири, через бурлящий Беас поднимались, посещая величайшие Храмы Духа. Но шли к одной цели, к Твердыне Сокровенной, где средоточие Мудрости и Силы являет назначение наше.

Готовность к подвигу духа устремляет человека. Но тайна Великого Путника еще не была оповещена миру. Для людей Он оставался простым человеком.

Вспоминал Он, как с Россулом Мориа посещал древние святыни Египта, где принимал Чашу Знаний и выковывал решимость готовности. Но теперь пред ними нависали монастыри, как ласточкины гнезда — под крышей дома. Горы становились все выше. И вечная зима обступала трех идущих людей. Проводник торопил, указывая на белое облако вверху. И едва прятались они в пещере или расселине скалы, как мимо, прогрохотав, проносилась ревущая снежная река горной лавины. Но это не останавливало Их. Они вступили в пределы вечных снегов. В Обители ждали Их давно.

Горы, которые еще недавно были едва различимы, становились все выше и четко обозначены в своей громадной ледяной мощи. У последнего камня, где заканчивалась ровная тропа, Радомира уже ждала группа всадников.

Россул Мориа напутственно посмотрел Ему в глаза и произнес:

— Мне туда нельзя. Но я буду ждать Твоего возвращения, чтобы проводить Тебя назад. Пусть Звезда Чистого Севера всегда светит над Тобой!

Он обнял Его на прощание, зная о долгой разлуке, которая должна была стать для обоих временем новых постижений мудрости.

Приготовление Спасителя Мира к Жертве должно было занять длительный срок, за который Он должен был вспомнить Свой путь по звездам и на Земле и принять без колебаний Чашу Подвига.

Ущелье становилось темнее. Стена гор — все непреодолимее. Кони медленно и осторожно ступали по тропе, вьющейся по каменистому берегу горной реки, которая грохотала и ревела. Путь был длинный и долгий. Ночной холод пронизывал тело. Вслед за ревущей рекой дул постоянный ветер, который приносил дыхание ледников.

В маленьком монастыре всадники и Великий Путник были приняты и размещены на ночлег. Суровая обстановка поражала своей неприветливостью. В помещении не было даже окон.

Усталость навалилась внезапно. Сон был продолжением путешествия. И Мать что-то пела Ему на ухо и улыбалась, успокаивая стенания духа.

Рассвет принес голоса молящихся монахов. Аромат благовоний проник сквозь раскрытые двери. А тонкие звоны серебряных колокольчиков пронизывали пространство, словно ледяные иглы, дрожащие на ветру. Нужно было вставать и продолжать путь.

Чашка горячего тибетского чая вернула тело в бодрствующее состояние. Телу нужна была пища, как душе — молитва.

Вдали, в конце ущелья, где уже виден был свет, как призрак, темнела огромная черная скала, словно страшный хранитель Сокровенных Врат. Спустя время всадники вплотную приблизились к ее громаде, запирающей выход из ущелья, и спешили. Там Великого Путника ждал проводник. А остальные, те, кто Его сопровождал, должны были вернуться назад.

Из-за скалы видно было сияние открытой долины. И тонкий-тонкий аромат курений слегка кружил голову, вводя в состояние удивительного блаженства и равновесия ума и чувств. В сознании Великого Путника просыпались не ведомые до сего времени ощущения и воспоминания — словно между настоящим, прошлым и будущим рушились стены забвения и Он мог найти в книге своих жизненных странствий любое мгновение и четко вспомнить его, будто оно вовсе и не улетало за тысячи лет от нынешнего существования. Дух величайшей мощи и силы овладел телом. А тем временем тропа уходила вниз, в теплую долину, где вокруг бело-розовых гор переливалась ярко-синяя вода священного озера.

Тропические растения, цветы и деревья обступали Его. И это напоминало Ему далекий оазис шейха Ибн-Рагима. Печать тайны лежала лишь на том, почему для Него был близок этот человек — от самой встречи с Ним и до того времени, как Они расстались. Он думал об этом, как и о том, что ждет Его в этом удивительном месте, где Он должен был пробыть три года.

Омовение в воде не просто освежило Его, но дало чувство неизъяснимой легкости, словно с тела был снят груз его плотности и дух возобладавал над материей. Каждый круг от Его тела, который расходился по воде, проявлял одну из ипостасей Его прошлых жизней, начиная с той планеты, где на рубиновой скале были

высечены имена всех людей, в которых Он воплощался. Вода не просто пробуждала память — она делала из нее нечто нескончаемо целое, не разделенное пропастями беспомыслия.

Проводник был человеком, перешедшим порог средних лет, но еще бодрым и энергичным. Перед входом в третий предел нужна была адаптация и привыкание к чистым энергиям, в присутствии которых многие высокодуховные люди теряли сознание. Нужно было пожить несколько недель в хижине из листьев пальмы и крытой упругим золотым тростником. Для начала обучения требовалось полное восстановление сил.

Озерная гладь отражала величественную долину и чудесные белые горы, которые при малейшем изменении солнца меняли свой цвет, словно перламутр, покрывающий белую жемчужину.

Великий Путник поклонился земле, переступив границу Обители, и долго вглядывался в глубину воды, словно пытался что-то увидеть там. Легкая рябь пробежала по поверхности. Волна за волной словно снимала зрение привычного мира и приближала обнажившуюся космическую бездну, как в стремительном мысленном полете, наблюдаемом воочию.

Скопления звезд кружились вокруг ослепительно белого центра гигантского колеса. Рукава этого вращения медленно плыли, загибаясь в виде серповидных отростков.

Огненной искрой в одном из них вспыхнула звезда. И Око Пророка увидело стремительное приближение трех звезд, расположенных рядом друг с другом на равном удалении. По их середине пылало рубиновым светом сияющее светило. Мощное солнце Бетельгейзе,

превосходящее по размерам наш податель жизни, закрыло почти всю поверхность озера. И на фоне рубинового огня Великий Путник увидел прекрасное существо, мудреца, безмолвно глядящего на Него и говорящего глазами:

— Путь Твой был долог. Я послал Тебя на Землю ради того, чтобы вырвать человечество этой планеты из плена низших пережитков, куда оно погрузилось во времена поздней Атлантиды. Прими обучение в Жемчужной Обители как воспоминание того, что Ты знал давно. Твоя Родина, Рада, посылала не раз Сыновей своих для спасения мира вашего и посева человечества нового. Смиренно прими встречу с Владыкой Судьбы.

Мелкая рябь снова пробежала по воде. И озеро обрело прежний вид. А Великий Путник так и стоял, потрясенный увиденным. Он увидел своего любимого Отца, Сварога, чьей Волей Он был направлен в мир Голубой Жемчужины.

Струна ветра звучала так жалобно и пронзительно. В этом Жемчужном Острове, казалось, все было одухотворено, живо и совершенно.

Великого Путника встретил красивый высокий человек, очень похожий на Ибн-Рагима. Его огненные глаза просвечивали душу до самого дна. Великий Путник искренне удивился такому потрясающему сходству и едва открыл рот, чтобы спросить об этом подошедшего, как тот, угадывая Его мысль, ответил:

— В мире множество тайн. И это одна из них. О делимости духа мы поговорим в свое время, и о том, что влечет за собой это качество развитого сознания. А пока войди в это место, где Тебя давно ждали и где

помогут вспомнить знаки Твоей мудрости, которые скрыты под пылью, оставленной долгими странствиями. Труден путь сюда. Но он стоит того, что Ты узнаешь здесь.

Проходя по обширному полю, Великий Путник с удивлением и нескрываемым интересом увидел множество огромных зданий серебристого цвета, похожих на диски.

— Это летающие машины, на которых мы прибыли на Землю много-много тысяч лет назад. Твой путь был близок нам, но он шел через воплощения в земных телах. А мы остаемся до сих пор в тех формах, в которых пришли с любимой нами звезды Ушас. Это нам не мешает. Но мы вынуждены были создать оазис атмосферы той планеты, с ее защитной оболочкой, и укрыться покровом незримости, потому что некогда тьма пыталась овладеть нашими лабораториями, зеркалами и кораблями, когда это место было Белым Островом посреди великого моря.

Лаборатория Творящих Духов высилась над всей долиной. Нужно было подняться по винтовой лестнице, чтобы увидеть, как прекрасен Жемчужный Остров, хранящий облик тропического рая. Благоухали дивные цветы. Пальмы склонялись над озером, в котором была всегда теплой вода. Благодатные испарения и высокая духовная радиация преображали тело, позволяя духу действовать, как в те времена, когда каждый из людей пользовался неисчерпаемым резервуаром всеначальной энергии по своему усмотрению.

Лаборатория была непомерно высока. И удивительным казалось само ее устройство — с перемещающимися предметами и столами для алхимических опытов. Казалось, что книги, реторты и магические инструменты летают сами собой, не разбиваясь и не приходя в негодность, но попадая в место, им указанное мысленно.

Некоторые книги содержали свойство при их чтении обнажать полноту всех скрытых в словах энергий, вследствие чего можно было видеть подробный голографический слепок времени, положения и всех неуловимых действий каждого объекта. Даже цвет, звук и запах сохранялись, когда читающий вводился в состояние глубокого познавательного транса. Здесь действовала буквально магия слов, вводя в сознание ученика сигналы высших чувств, каждый из которых передавал человеку свою особую искру мудрости, которую невозможно передать иным способом, кроме энергетического. Каждый посредник искажает сигнал. И поэтому Дух Высоких Наставников действует через цепь души, ума и чувств, проникая в сердце ученика.

Великий Путник видел аппараты будущего. Он слышал, как звучит космический Орган Вселенной, и наблюдал, как искры света, прилетевшие из дальних миров, распадаются на множество фрагментов видений, не привычных для взгляда, других планет. И с этими искрами приходила свежесть чистого понимания, что Великая Мать София во всем оставила следы Своего присутствия.

Зеркала имели разный цвет и отражали сознательную работу каждой из стихий. Каждый из великих Духов-Ангелов показывал Владыкам, что происходит в каждом из стихийных царств и в земном мире. Это было так необычно — обозревать всю планету вместе

с атмосферой и подводным миром. Великий Путник видел глубоко под водой гигантские города с чудесными зданиями в виде вытянутых шпилей. Зеркало ему указывало, как трудятся люди и гномы в глубинах земли, пребывая там в течение множества эонов. Он видел цивилизации крылатых людей, пришедших с Ориона вместе с первым десантом белоликих.

Научиться сотрудничеству с Духами Начал, или Архистратигами, хранящими четыре угла Мироздания, было делом непростым. Помимо того, что огненные и физические вибрации трудно привести в состояние консонанса, или созвучия, метод преподавания Высших Существ иной. И нужно было научиться переводить язык Их сияния, мгновенные изменения аурического поля на человеческую речь. Но, как в осеннем лесу нельзя поймать все опавшие листья, а у солнечного дня — все его блистающие лучи, невозможно уловить все, что говорит каждый из Хранителей Начал. Ограничения человеческого разума не позволяют принять Мудрость Архистратигов. И лишь Великая Золотая Чаша Великого Путника могла себе позволить принять такой нестерпимый жар Знаний Высочайшего Круга Рубинового Пламени, который окружает нашу Солнечную Вселенную. Магнит Чинтамани, лежащий в средоточии духа, позволял Огню Премудрости Божией не причинять вреда Тивердиадцу.

Уроки в Белой Башне были потрясением и радостью для Него. Вся обозримая Вселенная открывалась в невиданном разнообразии форм жизни, телесных оболочек, способов языкового общения. И самым потрясающим, что Он усвоил из этих великих уроков, было то, что сострадание, благо и любовь имеют

свойство очищать души людей, омывая их мыслями участия в судьбах мира. И это одухотворение создает феномен утончения сознания такой степени, что возможно слышать мысли не только земных людей, но и необозримый хор сознаний существ, обитающих на других планетах и звездах.

Было удивительно, что все пространство звездных и межзвездных миров наполняет высокая вибрация жизни — от самых малых искр сознания до величайших Космических Разумов, в которые входят эти почти незаметные светочи, как звезды — в огромные галактики. Мир воплощает Дыхание Бога, чьи Вдох и Выдох приводят в движение великие космические образования, которые Он вбирает в Себя и снова источает, обогащая контактом со Своей Сияющей Сутью. На некоторое время можно было наблюдать исчезновение, а потом появление целых звездных систем. Это и было следствие процесса Божественного Дыхания. Устроение миров происходило, происходит и будет непрерывно меняться, приводя Мироздание к великим потрясениям. Приближение и удаление галактик было похоже на втягивание и выбрасывание пылинок, или дыма — для человеческого организма. Картина вселенского великолепия приводила сознание в трепет. Ощущение собственной незначительности лишь утверждало принцип Великого и Малого Космоса, между которыми в древних мистериях ставили знак равенства.

Многое постиг Великий Путник в лаборатории Жемчужного Острова. Сама структура Шветадвипы насчитывала двадцать один этаж. В самих Белых Горах и глубоко под землей находились невиданные аппараты и приборы дальнего видения, к которым человечество придет лишь через несколько тысяч лет и которые имелись у древних магов и царей Атлантиды и Египта.

Сокровенная история мира сохранила и донесла до сердец Братьев весть о технологиях высших цивилизаций, которые имели инструменты, резавшие камень, как ножом — масло, и передвигали по воздуху огромные плиты,obelisks и монументы, используя волшебные жезлы, облегчающие вес до состояния птичьего перышка.

Усмирение катастроф, землетрясений и ураганов входило в дисциплины обучения учеников Белого Братства. Но приказ воли, жесткий и суровый, хотя и имел на Духов Начал воздействие, все же мог держаться лишь в том случае, если был связан с Темным Властелином. Ученики Света пользовались другой силой — мощью Иерархического Созидания, когда Великим Богам предлагалось участвовать в труде эволюционном. Конечно же, толпы мешали лучшим воздействиям Великих Владык. И это Великий Путник понимал и знал, как никто другой, ибо остатки племени Яду, к которому Он пришел, были наиболее заражены влиянием золота, в котором эти люди видели спасение от всех своих бедствий, сделав из него движущую силу своего существования.

Много необычного и удивительного открыл для себя Он. И Владыка постоянно напоминал Ему о том, что верный Ибн-Рагим ждет Его уже так давно. Но годы обучения не давали замечать время. И после множества тайных обрядов и погружений в Сферы Высших Иерархов Земли, которые никогда не воплощались в человеческие тела, но тем не менее управляли планетой, Великому Путнику было сказано, что Он должен вернуться, чтобы испить горькую Чашу Великого Подвига самопожертвования. Дары Силы и Мудрости

были вручены. Дух, отягченный знаниями, знал о неминуемой миссии, так же как каждый из людей знает, что когда-нибудь оставит земной мир и войдет в пределы Тонкого, чтобы там родиться.

Многое обрел и вместил Великий Путник. Чаша Знания Его была полна, ибо у каждого, даже у высокого посвященного, есть своя мера вмещения и сверх собственного понимания и представлений ничего нельзя постичь, пока не расширишь горизонт собственного сознания.

В ободрении и любви прошло расставание с Наставниками. Многое было сказано о будущем мира и о роли Его Жертвы в этом процессе. Священные Рыбы горели серебром. Крестный путь начинался от границ Белого Острова.

Черная Скала осталась позади. Сердце обрывалось и рвалось назад, когда Великий Путник миновал границу Братства. Была любовь к этому чуду мира. Было горькое сожаление. И лишь переметная сума хранила маленький Камень, который был подарен Ему Братом Ибн-Рагима. И от этого Камня исходило скрытое духовное тепло, не объяснимая и ничем, кроме этого предмета, не источаемая сила небесной благодати, словно реальное подтверждение, что Он побывал в раю земном, в раю мудрости и непрестанного и неослабевающего познания.

Школа Духа осталась позади. Горная тропа, по которой ступал мул, была узкой. Она шла по самому краю обрыва, в низу которого пенилась и ревела горная река. Здесь начиналась великая водная артерия Индии — Ганга.

Обернувшись назад, Он увидел тонкий белый луч прощания. Ему посылалось мысленное ободрение в долгом пути.

Россул Ибн-Рагим протянул Ему навстречу руки и горячо обнял Друга.

— Тайна жизни моей — в Тебе, — сказал Он.

— И я Тебе вручен, — ответил Великий Путник.

И Они долго-долго глядели в глаза друг друга, словно не узнавая и пытаясь вспомнить что-то еще.

Три года прошло. Три долгих и быстрых года, когда казалось Великому Путнику, что Сам Россул Мориа ведет с Ним беседу. Но Он знал, что тот остался за чертой неприступных гор, ожидая Его возвращения.

Дух был готов. Дух ждал встречи с самой трудной частью Своей жизни — обретением нового тела, которое будет даровано после тяжких унижений и страданий.

Мистерия спасения мира

Снова бесконечная музыка пути навевала размышления. Древние города проходил караван. И везде беседовал Он с народом, отдавая предпочтение беднякам. Случалось, что и князья приглашали их на постой. Но Великому Путнику была милее стоянка под открытым небом, среди песков или гор. Там можно было видеть небеса, не закрытые человеческим представлением.

Время приносило и уносило встречи, как река — сухие осенние листья или целые ветки цветущих деревьев весной.

Плоды тайн неведомых познавал Он и удивлялся тонкой мудрости Своего Друга и проводника

Ибн-Рагима. Временами казалось, что Брат Его, оставшийся за крепостью Белых Гор, постоянно и неотступно присутствует в Нем, давая ответы на все мысленные вопросы.

Мистерия спасения мира начиналась от самого рождения, когда северные волхвы принесли Ему дары. Мать приняла их и даже обмолвилась на полузабытом Ею языке древней Родины. Речь шла о том, что Боги давно сошли на Землю и постепенно смешались с земными жителями, утратив способность духовно обучать народы. И это стало трагедией как для небесной расы, так и для всего мира. Лишь в глухих северных краях, где урусы не смешивались с другими племенами, была сохранена Белая Вера и место Белых Богов, где старцы жили некоторые по три, а иные по пять и даже по девять земных кругов, что было доступно лишь потомкам Рады. Солнцевыми детьми считались они, ибо были белоголовы и синеглазы.

И Сам Великий Путник был таким же по обличью. Вспоминая мальчика-уруса, Он вдруг понял, что и тот сопровождал Его в долгом пути и за эти годы, наверное, уже вырос до взрослого мужчины. На одной из стоянок Он увидел его — статного, высокого и чем-то напоминающего Его Самого. Он подозвал юношу и усадил рядом с Собой, с любопытством глядя на соплеменника.

— Ты так и не нашел свою мать. Но жизнь тебе еще подарит возвращение в край твоих предков, — успокаивающе произнес Великий Путник.

— Пока Ты был за чертой Белых Гор, меня учил наш Хозяин, — ответил юноша. — И в одном своем сне я видел свою мать рядом с крестом.

Великий Путник опустил голову, глядя в костер, и ответил:

— Каждого ждет его судьба. И нельзя миновать чаши своей. И ты когда-нибудь вспомнишь о нашей встрече, прочитав в своем сердце страницы Книги своих Жизней. Ты вернешься и будешь долго еще менять обличья свои в этом мире.

— Но я не собираюсь становиться бродячим лицедем! — горячо и возмущенно ответил юноша.

— Ты им не будешь. Просто в цепи перерожденный Мать Судьба тебе будет давать новый образ и новое тело.

— Я помню. Мне об этом Хозяин говорил. Но я не совсем понял.

— Ничего, у тебя еще есть время для познания тайн земных. Мы учимся непрестанно. Каждый взгляд наш собирает в Чашу знания впечатлений, которые мы не замечаем, но, тем не менее, храним в полной неприкосновенности. Однажды мы способны будем вспомнить любое из мгновений наших жизней, со всеми подробностями и мимолетными деталями.

— И даже полет звезды и птицы?

— И не только их, но и то, что в это время ты подумал. Твоя мать жива. Она возвратилась в северный край и очень скорбит о тебе, хотя и знает, что ты жив. Урусы — это семя грядущего человечества. В древние века их звали богами за то, что они учили земные народы наукам и ремеслам, и даже — хлеб сеять. И жили они долго, потому что исполняли Высшие Законы Небесного Рода.

Великая пустыня, как бесконечное море, лежала перед караваном. Нельзя было вернуться мгновенно. Многие города проходил Великий Путник. И везде встречал благожелательность простых людей

и величайшее их любопытство. Они интересовались всем, чем только можно, и с жадностью слушали молодого высокого человека, который не был похож на них обличем. Таких они называли «млеччхи», «молочные», за цвет их кожи, что впоследствии стало недостойным прозвищем для всех белых людей — после завоевания Индии англичанами.

Беседы были задушевными. Сидя на земле, Великий Путник объяснял людям на доступных примерах-притчах, что нужно делать, как жить и молиться, и получал в ответ новые и новые вопросы, которые Он чувствовал как волну любви и обожания. Дух Его знал, что Он должен продолжить путь Своего давнего предшественника, Будды, а в будущем явить ипостась, названную людьми «Христос-Майтрейя».

Простая холстина укрывала Сына Человеческого. Он почти не спал, а лишь иногда в коленопреклоненном состоянии погружался внешне в дремотное отсутствующее состояние, что в Братстве называлось расставанием с чувствами, переходило в сосредоточение духовидения и заканчивалось самадхической каталепсией, когда человек выходил за пределы ограничений тела и путешествовал по планете или по дальним звездным мирам.

Иудеи называли Великого Путника Иешуа, арабы — Исса, а индийцы — Асуа или просто Аса, как обычно нарекают людей, отличающихся от всех других исключительной одаренностью и мудростью, которую невозможно приобрести за одну жизнь человеческую, сколь бы долго она ни длилась.

Способности Существа, воплотившегося в физическое тело человека, были не просто удивительны —

они изумляли всех, и одних приводили в божественный трепет, а у других вызывали безотчетный и суеверный страх. Но Тивердиадец и не думал производить на толпу какое-то впечатление. Он любил беседовать не с учеными равви или браминами, но с простым народом, который был чист душой и хватался за каждое благословенное слово, как рыба — за крючок с наживкой. Он видел, как чрезмерный труд и ранние браки изнуряют женщин, как ради куска хлеба работают почти сутками бедные кули — носильщики тяжестей. Он жалел их и для каждого имел слово утешения — зерно глубокого понимания грядущих изменений сознания и социального уклада жизни общества. Сердца беднейших из людей были так благодушны и щедры, что каждый из них готов был отдать последнее этому красивому юноше.

Ру-са-лим явил собой жалкое зрелище. Улицы были грязны и узки. Двум человекам трудно было разойтись. Всему виной служила попытка хозяев пристроить для себя со стороны улицы лишнее помещение или навес для торговли или мастерской.

Великий Путник знал, что придется вернуться в этот город, обезображенный теми, кто его завоевал и лишил прежнего великолепия. Искупление мира должно было совершиться в том месте, где засело гнездо фанатизма, которое было страшнее неверия. По большому счету, многие из служителей были безбожниками, низведя службу и моления, совершаемые изо дня в день, до состояния дежурного бормотания, в которое редко кто из левитов вкладывал сердце и душу. Духовный кризис никто не хотел признавать, прикрывая боль души самоуспокоением, а голос совести — звоном золота. Храмы превратились в дома

торговли. И за всякие службы и духовные отправления служители брали плату. «Умерла вера под золотом».

Воды Иордана вскипали от космических токов. Иоанн, стоявший по пояс в воде, поднял над Великим Путником горсть воды и прошептал молитву. Не успев ее вылить на голову крестившегося, он почувствовал на своих руках нечто похожее на ожог. Глянув вверх, он увидел Столб ярчайшего Света, покрывающий всего Великого Путника. Он был такой интенсивности, что даже у Крестителя вызвал внутренний трепет и ему пришлось отступить на шаг в сторону.

В чистом небе словно загрохотал гром. Световые импульсы были так сильны и болезненны, что невозможно было смотреть на небо, где в виде ослепительно белой птицы парила Божественная Сила. Грохот складывался в Слова, в которых можно было различить Небесную Тираду Посвящения.

Иоанн воздел руки и отчетливо услышал громовые словеса: «Сей есть Сын Мой возлюбленный! На Нем Мое благоволение!»

Испуганные люди, пришедшие креститься, отступали от берега, полагая, что началась буря. Они переглядывались и переспрашивали друг у друга причину шума. А человек посредине реки стоял в огненном Световом Столбе еще долгое время, насквозь пронизанный током невиданной Благодати, которая прожигала каждую клеточку Его тела, импульсы которой расходились радужными кругами далеко вокруг. Огненный Столб постепенно переходил в радужные тона. И когда Великий Путник вышел на берег, все там находившиеся увидели над ним радугу как знак совершенного акта Божественного Крещения и соединения всех

предыдущих духовных традиций воедино, в новом синтетическом сочетании, не изменяющем общей духовной сути Учения Блага, или Вечной Живой Этики.

Великий Сварог укрыл Сына Своего складками сияющих, ослепительно белых одежд, по которым стекала во все земные воды, на людей, на долину и окрестные горы Живая Сила Благодати далекой Рады — Сердца Мира.

Ярче солнца сиял Столб Огня в течение трех часов. И его видели далеко в пустыне пастухи и бедуины, святые и грешники — на далеком расстоянии от Иордана, как некогда на вечернем небе — Вифлеемскую Звезду.

Мистерия искупления грехов мира начиналась с небывалого нагнетения космической силы в сердце одного человека.

Ибн-Рагим в Своем оазисе молча и понимающе наблюдал это редчайшее видение. И Ему не нужно было объяснять, что оно означает. Так иногда светились огненными шарами, похожими на солнце, далекие Великие Пирамиды, лежащие далеко на севере от Его мест обитания.

Что видел ты? Тростник ли, колеблемый ветром,
Иль желтый песок у воды иорданской?
Что Голос сказал? Или что-то заветное,
Что ждал ты с такою мечтой и опаской?

Я видел пророка, сходящего в воды,
Которые вспенились, вставши волною.
И голубь сошел, и лучами исхода
Сиянье слепило толпы народа.

И Голос с небес шел властным покоем.

Я слышал, звучал он, как рокот потока,
Трубой иерихонской, что рушит камень.
Гласил всенаполненно и громоподобно:
«Сей есть Сын Мой возлюбленный!
На Нем Мое благоволение!»

Народ переспрашивал: «Что это было?»
Народ суетился, испуганный, тихо.
Как будто волна, что Христа окружила,
Внезапно умолкла от властного крика.

И взор Иоанна, воздевшего руки,
Прозрел наперед и скорбел, сострадавая.
И слезы катились от огненной муки
И капали в воду, как искорки, тая.

Он зрел и терзанья, и казнь на Голгофе.
Он видел все то, что положено было.
Исуса пред ним был сияющий профиль
И сила, что радостью всех напоила.

Что видел ты? Или чего не увидел?
Вода иорданская помнит крещение.
Она может слышать, дышать и видеть
И помнить великое возвещенье.

Теперь мир крестился Огнем Всеначальным.
И близость Присутствия время торопит.
Дух снова воскреснет, Христа воцаряя,
Пройдя сквозь терзанья и казнь на Голгофе.

В бедной семье на грубом столе, сколоченном из
неструганых досок, была только самая простая пища.

Глиняные блюда с круглыми хлебами, финики и яблоки соседствовали с одинокими кувшинами с кислым вином. Но свадьба все равно была радостной. И все поздравляли жениха и невесту с бракосочетанием. И лишь единственное обстоятельство омрачало хозяев — что в этих краях, в Кане Галилейской, вино было дорого, и даже запретно, для иудеев.

Великий Путник сидел рядом с женихом и невестой, исполняя роль посаженного отца. Он слышал, как виночерпий негромко сказал отцу семейства, что вино кончилось, показав пальцем на пустой кувшин. Великий Путник подозвал слугу, тихо прошептал ему:

— Возьми пустые кувшины, почерпни воду из колодца и разноси гостям.

Слуга удивленно посмотрел на Него, но, не смея перечить, налил простой воды в сосуды и расставил их на стол. Гости, отведав содержимое, были необычайно удивлены, перешептываясь между собой, что хозяева лучшее вино сохранили для них на потом, и нашли его не просто хорошим, но даже превосходным. Вода обрела статус новой формации. А Великий Путник долго еще сидел с новой супружеской парой, не притрагиваясь к чаше с хмельным напитком, хотя недруги потом скажут, что пришел Равви и, не в пример другим Учителям, пил вино и ел мясо молодого барашка, что, конечно же, не отвечало истине. Но бедняки в этой небылице хотели выразить то, что Учитель снизошел до них и вместе с ними вкушал их немудреную пищу. И они хотя бы в этом посчитали себя равными Ему.

Вино было выпито. И долго, долго музыка свирели и бубна сопровождала празднество, пока ночь не зажгла свои небесные и земные костры в необозримом пространстве мира.

В корзине остались лепешка и рыба. А народу, пришедшего на берег Тивериадского озера, набралось не менее пяти тысяч. Был жаркий южный полдень. И многие из людей не ели ничего с самого утра, а некоторые — и со вчерашнего дня. Воспринимать слова о Царстве Справедливости трудно для тех, кто голоден. Кто-то шепнул Андрею, чтобы забота народа дошла до Великого Путника.

— Люди голодны, Господи! И не знаем, куда идти за пропитанием, — обратился ученик к Учителю.

И Тот, оторвав Свой взгляд от глади озера, спросил:

— Сколько же осталось хлебов?

— Лепешка и одна рыба!

— Разломите на куски то и другое и разносите среди людей.

Все было выполнено по слову Учителя. Хватило всем, и осталось еще полных пять коробов для тех, кому нужно было еще.

Сад шумел. И апельсиновые деревья легко качались на ветру, издавая тонкий аромат цветов. Камни еще не успели остыть. А ночная роса уже начала капать с деревьев. Чаша Ориона сияла с такой пронзительной чистотой, которая бывает лишь в пустыне или высоко в горах.

Радомир молился Своему Отцу Небесному, которым была поручена Ему миссия спасения мира. Он знал, что земное пространство гораздо тяжелее воспринимается здесь, в земле его планетных предков. Но не даром борейцы выбрали северный полюс планеты

для создания своей империи. Там тяготение планеты было меньше, но радиация солнца ощущалась мощнее.

Радомир смотрел на родные звезды и ясно видел, как чаша Ориона наливается кровавым туманом как предзнаменование великого таинства Его мученической смерти. И как Маг высшего порядка Он мог предотвратить такой исход дела. Но мир должен был омыться в крови Великого Посвященного и восстать из заточения низшего Астрала, где томились многие достойные души. Пелена отчуждения Земли от других миров была так крепка, после того как черные цари-маги Атлантиды осквернили Храм Матери Ануры человеческими жертвами, что прорвать этот железный купол могла только Сила Воскресения Великого Путника. Даже Благодатный Огонь уже не сходил на священный Алтарь Астарты, который изгои превратили в мусорную свалку. Здесь в будущем будет положен в пещеру мертвый Есус, чтобы возобновить мистерию нисхождения Благодатного Огня, разрушив железные небеса, в которые заковал Землю Князь Тьмы.

Молитва, как молния, летела к родным звездам. Плоть трепетала. А дух был спокоен и ликовал, зная о Силе Своего Подвига во имя всей Земли.

Много мыслей звучало в пространстве. Но голос Ибн-Рагима укреплял Его и был слышен почти физически.

Ученики спали. А со стороны города уже слышно было, как из ворот выходит военный отряд, позвякивая щитами о доспехи. До горы было около часа пути. Но Великий Путник продолжал Свою молитву, в напряжении предощущения скорби обращаясь к Своему Высокому Отцу.

Уже начало светать. И в отчаянии Он воскликнул на древнем арамейском наречии: «Да минует Меня чаша сия! Впрочем, не как Я хочу, но как Тебе нужно!»

Он знал человеческую природу. Он легко мог бы уйти по тайным козьим тропам туда, где Его никогда бы не нашли. Но чем бы был мир в течение долгого времени, если бы Сын гиперборейских царей не был распят?

Страдания души были так сильны, что под утро Он уснул на коленях на какое-то короткое мгновение и увидел, как из космического пространства Великая Мать в сиянии ослепляющей Чистоты приблизилась к Нему и возложила на голову венец из драгоценных камней, собранных на золотой спаянной нити. И потом эти камни превратились в звезды. И эта сияющая диадема жгла огнем и причиняла Ему физическую боль.

Утро занималось над Гефсиманским садом. Но своды деревьев и воздух под ними были темны и холодны. Где-то вдалеке был слышен шум возбужденной толпы, громкие голоса. Отблески факелов метались по саду. Лязгало оружие, и гремели доспехи.

Он знал, что это пришли за ним и ведет их Иуда из Кариота, тот, кто полюбил деньги больше, чем своего Учителя.

Толпа приближалась. Факелы выискивали лицо Великого Путника в темноте предрассветного часа. Деревья укрывали густым мраком камни. А Чаша Ориона висела прямо над возвышающимися скалами Гефсимании.

Шум и лязг были все ближе и ближе. Толпу вел небольшой человек мерзкой внешности. Отблески пламени зажигали в его глазах злую настойчивость

охотничьего пса. Увидев молящегося человека и окликнув Его, он дождался, пока тот поднимется, выпрямившись во весь свой гигантский рост. Великий Путник возвышался над толпой. И все попытки Иуды из Кариота достать до Его лица и поцеловать были безуспешными. И лишь когда Тивердиадец склонился к нему, его мерзкое, смрадное дыхание выдохнуло слова:

— Радуйся, Равви! — и поцелуй запечатлел акт предательства как печать-приговор. И это было условным знаком для римских легионеров, чтобы пленить Великого Учителя.

Взвился бич, и началось избиение — жестокое и бессмысленное, которое выражало лишь безрассудную власть над Тем, Кто даже не сопротивлялся и шел туда, куда Его вели. Но бич свистел и свистел, разрывая одежду и кожу. И в эти удары была вложена вся ненависть слуг тьмы к Владыке Света, ибо побоялись предать Его аресту днем.

И пока вела толпа Великого Путника, Он вспоминал и Тайную Вечерю, где Он прощался с учениками, и вопль плоти, предчувствовавшей ужасные муки, когда Он разговаривал с Отцом Своим и в отчаянии и понимании выполняемой миссии спасения мира все же воскликнул:

— Да минет меня чаша сия! — зная, что, кроме Него, никто не справится с нею, ибо ради этого рождался Он прежде и родился сейчас.

Боль все сильнее проникала в Его тело. А легионер все хлестал и хлестал тело Пророка, словно вымещая на Нем злобу всей низости человеческой перед тем, что ему было не доступно.

Иерусалим еще лежал во тьме, когда по гулким улицам слышна была брань, злобные выкрики и грохот

нечистой толпы, от которого даже бродячие собаки прятались глубоко среди камней полуобвалившихся заборов.

Сердце Ибн-Рагима сжалось от боли, ибо Он чувствовал начало вакханалии тьмы, наполненной изощренным издевательством и сознательным причинением мучения Сыну Человеческому. Но что мог поделывать в этот час великий Шейх Пустыни? Ведь эта часть мистерии была поручена Тивердиадцу. А позднее должно было произойти то, что названо будет заменой души. Ведь даже минуты такого мучения и высокого напряжения страданий не смог бы выдержать ни один человек. При высокой нервной организации боль всегда острее и невыносимее.

Тьма ликовала. Уничтожение следов Царя Духа начиналось. Но знала ли она, что это начало пути к вечной, немеркнувшей Славе Его?

Удары сыпались один за одним. Семьдесят семь раз тело Великого вздрагивало от хлыста, который распарывал рубаху на его спине, пока она не превратилась в лохмотья, пропитанные невинной кровью.

Вопреки общей традиции, Его поместили в отдельную камеру, боясь, что речами Своими Он смутит народ и вызовет бунт в тюрьме.

Пришедший к Каиафе Иуда отказался взять плату за предательство, и даже гневно закричал на первосвященника:

— Я предал Назорея! Я святого человека по вашему наущению заставил страдать! Вы же обещали, что не сделаете Ему ничего плохого! И обманули меня, ибо видел, как вы Его избивали и глумились над Ним!

Каиафа бросил монеты ему под ноги, которые звенели и подпрыгивали. А одна из них закатилась в щель между плитами и застряла там наполовину, тускло поблескивая. И когда Иуда ушел, первосвященник приказал своему казначею подобрать деньги и пойти купить на них землю, где издавна было святилище языческих богинь, а теперь находилась городская свалка. Эта земля должна была быть предназначена для захоронения казненных преступников. Люди боялись этих мест и передавали друг другу весть о том, что иногда видели там, как огонь падал с неба и воспламенял скалы.

— Зачем ты возмущал народ? — спросил Пилат у Великого Путника, хмураясь от плохого самочувствия.

— В моих словах не было ничего против власти. Я говорил людям о справедливости и щедрости духовной, что могло бы, в свою очередь, усмирить все преступные страсти. Я пытаюсь помочь людям в их страдании и немощи. И ничего предосудительного в этом нет.

— Ты назвал себя Сыном Божьим. И как это понимать?

— Каждый человек — Божье творение. И чем духовнее он, чище и милосерднее, тем более он имеет право называть себя Сыном Отца Небесного.

Допрос продолжался. И Понтий Пилат все больше убеждался в том, что этот человек не опасен, но, мало того, даже полезен Иудее. Позиция первосвященника вызывала у него недоумение. Этот светлоокий юноша разве был похож на зачинщика восстания? Он сомневался и призвал начальника стражи.

— Я не вижу в нем вины, ибо свят дух его и глаза чисты, — сказал Пилат Каиафе.

— Но он возбуждал народ к восстанию, называя себя Царем Иудейским, утверждая, что он ветвь Давидова, — настаивал первосвященник со змеиной усмешкой человека, который легко решает судьбу другого: жить ему или умереть.

— И даже если мы ошиблись, то в назидание толпе и в устрашение ее нужно пожертвовать нищим Назореем. Спокойнее будет, если крест вознесет его к небесам, — продолжал старый иудей, который себя считал богом на земле.

— Делай, как знаешь. Но на мне не будет крови его, — ответил Пилат, нехотя уступая Каиафе.

— Да, прокуратор. Кровь его на нас и детях наших пусть останется, ибо обычаем отпущения грехов избавит нас от нее.

— А ты уверен, что так и будет? Если по твоему повелению казнят праведника, проклятия народу твоему не миновать.

— Мы примем эту жертву, ибо будущее не ведомо ни для кого. Говорят, что только язычники-египтяне умели смотреть в зеркало грядущего и видеть там то, что ждет нас. Освободи Варавву, а Иешуа предай смерти, ибо род его не иудейский. Он всегда был чужестранным и по виду, и по поступкам. Пусть земля ужаснется и никто не посмеет перечить власти.

Народ бесновался, когда на помост вывели Великого Путника и Варавву. Тот народ, который еще неделю назад у северных ворот устилал дорогу пальмовыми ветвями и возглашал:

— Осанна в вышних! — приветствуя чудесного юношу, так не похожего на самих израильтян, сегодня ревел от ненависти, наученный учителями Закона.

Пилат вышел к толпе, испрашивая:

— Кого отпустить вам в честь вашего праздника: чужестранца или Варавву — разбойника и душегуба?

Кто-то из толпы крикнул:

— Варавву!

И все подхватили это имя, яростно его повторяя.

— Но в этом человеке я не увидел ничего преступного! Он лишь призывал к справедливости и законопослушанию!

Толпа ответила:

— Распни! Распни его!

Пилат взял серебряный кувшин со стола и сказал:

— Это ваше решение. А я умываю руки, чтобы на мне не было крови невинного человека.

Он налил в ладонь нагревшейся от палящего солнца воды из кувшина, поставил его на мраморный столик и прилюдно омыл руки, доказывая этим, что на нем нет крови праведника.

В толпе кричали и волновались:

— Распни! Распни его! Пусть кровь его будет на нас и на детях наших!

Понтий Пилат склонил голову перед народом и ответил толпе:

— Да будет так! Но помните, что, предавая смертной муче невинного, вы полностью берете на себя ответственность за содеянное!

Он кивнул писарю. И тот записал на свитке решение о казни Иешуа Бен-Кохба, под каким именем Он был записан в книге рождений. Сын Звезды был осужден. Мистерия Великой Жертвы распятия началась.

Из толпы выделялось чье-то выразительно-лукавое лицо со змеящейся улыбкой, которое было очень довольно таким решением — послать на муки святого человека. Дух тьмы торжествовал. А на дворе тюрьмы, куда был отправлен Иешуа, уже кипела работа. Великий Путник видел сквозь решетку, как там сооружались три огромных креста из кедровых брусьев. Он хорошо знал, что это кедр, ибо имел навык плотника и не раз работал с этим чудесным материалом, который доставляли в Иудею с Ливанских гор.

Молитва души не прекращалась. Дух был тверд. А тело трепетало и страшилось своих страданий. Но рядом Он чувствовал присутствие Своего Друга и Учителя Ибн-Рагима. И это грело Его душу.

Серая стена камеры засветилась радужным светом, хотя была полночь и небо было закрыто облаками. словно в волшебном зеркале, Сын Звезды увидел огненный Облик Отца Своего — Сварога, который, посылая лучи из Глаз Своих и из Рук, ободрял Сына Своего:

— Прими чашу сию как единственное средство спасения мира. Планета погрязла в невежестве. И без святой крови жертва искупления не будет действенной. Цари Вселенной не могут упорядочить мир без уложений свободной воли человечества. И если она враждебна Высшему Решению, то остается лишь одно средство для открытия Небесных Врат — рождение Бога в человеческом теле и окропление Его кровью тверди земной. Я могу сделать бесчувственным тело Твое. Но Ты должен понимать, что, чем острее боль ощущений физических, тем действеннее страдания, которые очистят мировое пространство. Муки будут ужасными

еще и потому, что слишком высока духовная организация сознания и самой нервной системы. Рядом — Твой Друг, который в любой момент может изменить Твое состояние, встав на Твое место. Самопожертвование поднимает дух на невиданную высоту — тем более, во благо совершаемое. Я могу сделать Тебя невидимым и вывести из темницы. Но помни Сам о той миссии, ради которой Ты воплотился в этом народе. Импульс Твоего подвига укажет планете путь в будущее, несмотря на все грядущие войны. С миром прими час жертвы!

Голос умолк. Руки Великого Отца сложились в мудре древнего знака — того благословения, которое было принято в дальних мирах. Дух Родины жил в сердце Великого Путника. И путь Его начинался за чертой Ориона, как и у всех духовных Водителей Человечества.

Камни темницы, пылающие прежде, как самоцветы, медленно угасали, когда видение уходило с серых стен. Сын Звезды в торжественном молчании переживал последнюю ночь перед Своей казнью, ибо народ Израиля признал Его виновным и приговорил к смерти на кресте, смерти ужасной и мучительной, которая для некоторых длилась долгие сутки — на палящем солнце и в холоде ночи, когда в пустыне наступает мороз. Это была не смерть, а медленная и долгая пытка, когда из больного от ран и мук тела дух не хотел уходить, цепляясь за последние мгновения земного существования.

Крест был огромен. Он лежал на тюремном дворе, как остов какого-то неведомого корабля, на котором можно плыть по волнам небесного океана, оторвавшись от Земли.

Когда Великого Путника вывели во двор, начальник стражи указал своим подчиненным взвалить на

Него самое громоздкое и тяжелое из орудий распятия. Даже могучие плечи Иешуа с трудом выдерживали груз перекладин, когда несколько человек опустили его. Казалось, что земля всей тяжестью взвалилась на Него и что шагу нельзя ступить. А впереди был дальний путь по улицам древнего города к вершине горы Адамова Черепа.

Ноги гудели от напряжения. Но постепенно, шаг за шагом, Он привыкал к Своей ужасной участи, подгоняемый ударами бича, который, просекая одежду в плетеными в него кусками колючей проволоки, врезался в тело, как и венец из терновника, который тюремщики водрузили на Его голову, кривляясь и говоря со смехом:

— Радуйся, Царь Иудейский!

Залитое кровью и потом лицо, казалось, не выражало особых страданий. Но тяжесть креста была так неимоверна, что, помимо того, что приходилось его нести, а волочить, надо было останавливаться для отдыха, чтобы перевести дух и, прислонившись к стене, хоть немного прийти в себя. Но надсмотрщики спешили до вечера закончить казнь, чтобы отдохнуть в питейном заведении за игрой в кости. Они и сейчас намеревались поделить имущество казненных через жребий, хотя лишь хитон Великого Путника представлял собой одежду, годную для этих целей.

Шаг за шагом по раскаленным камням шла эта печальная процессия. Остановившись передохнуть у стены одного из домов, Иешуа услышал ненавистно шипящий голос хозяина, указывавшего рукой на Лысую Гору:

— Что остановился? Иди! Иди!

На что Великий Путник ответил с некоторым состраданием и совершенно беззлобно:

— И ты иди! — чем обрек Агасфера, или Вечного Жида, на скитания по всему миру и ужасное бессмертие в болезнях, холоде и муках. Некоторые считают, что это был символ народа Израиля, потерявшего свой дом за то, что они распяли Сына Звезды.

Самым тяжелым был подъем в гору, когда нельзя было ни обо что опереться, а силы почти оставили тело. Для такого гиганта, как Великий Путник, и крест был сообразен Его росту. Склон был почти гладким. И босые ноги скользили, раздираемые в кровь, но все же медленно шли в гору, где рабами уже были вырублены в камнях три глубокие ямы для водружения крестов.

Перед самой вершиной Иешуа споткнулся, и крест придавил Его своей непомерной массой. До ямы оставалось всего десять шагов. И тогда, измученный и обессиленный, напрягая последние возможности и постоянно избиваемый стражей, зацепившись длинными гибкими пальцами за основную перекладину и приподняв весь крест, Он потянул его вверх. В руки впивались острые углы брусьев, оставляя глубокие занозы. Но что это была за боль, если спустя время огромные, только что выкованные гвозди будут вбиты в эти узкие ладони, в середину того самого места, откуда по открытой его части, до самых пальцев, расходилась пятиконечная красная звезда?

Подтащив крест к краю ямы, в которой он должен был стоять, от усталости и жажды Иешуа присел, но тотчас же был наказан ударом бича.

Незримый облик Ибн-Рагима постоянно был рядом. Мысленным зрением Он видел Его и слышал голос Своего Наставника:

— Крепись! Терпи! Ибо Землю спасаешь мучением Своим! Никто другой не сможет выдержать эту пытку невежеством. Хотя в любой момент Ты можешь применить Свои сокровенные силы и исчезнуть или улететь от Своих мучителей, но Земля ждет искупления. Нужно открыть Ворота Астрала, чтобы души достойные взошли в свое истинное обиталище и познали свободу космического пространства. Труд добровольной жертвы нет соразмерного напряжения. И помни, что каждый из Нас способен будет заменить Тебя в теле Твоем.

Кресты были разложены на красных камнях сообразно ямам, выдолбленным в горе. Окрик начальника стражи раздеться и лечь на крест означал начало казни. Сброшенный хитон был схвачен подбежавшим стражником, который свернул его и унес под мышкой прочь, надеясь выиграть на него хоть пару монет в кости.

Дерево было раскалено. Великий Путник спиной почувствовал легкий ожог, когда палач уложил Его на это орудие пыток, привязав сначала руки к перекладине, а потом и ноги, сложив их вместе. На челе палача стояло зловещее клеймо из двух букв, означающих его принадлежность к этой жуткой профессии. Словно ненароком, почти нечаянно, склонился он над лицом Иешуа и шепнул, чтобы никто его не услышал:

— Прости меня, Учитель!

В ответ он получил изнеможенный возглас:

— Ты не виновен! Делай свое дело смело!

С огромным молотом подошел палач к ногам, надставил гвоздь и ударил так, что кровь брызнула ему в лицо и, попав на клеймо, выжгла его без остатка.

Гвозди входили в плоть с такой невыносимой, пронзительно-острой болью, которую невозможно было терпеть. Прибитый к кресту, прекрасный юноша был поднят вместе с ним в яму и наспех прикопан рабами. И когда крест был водружен, казалось, что гвозди разрывают руки, а тело своей тяжестью стремится сползти вниз.

От жара палящего солнца, от крови, застилающей взор, Сын Звезды воскликнул на арамейском наречии:

— Или, Или! Лама савахфани?

Стоящие рядом и сопровождавшие Его женщины рыдали. А толпа, пришедшая вслед за тремя приговоренными, оцепенела от ужаса.

Вдали раздался грохот. Где-то шла гроза. А землю потряс подземный толчок такой силы, что образовалась трещина через всю гору.

Распятый рядом разбойник произнес:

— Мы всю жизнь убивали и грабили и заслужили участь быть казненными. Но чего ради страдаешь Ты, кроткий и светлый Дух?

Иешуа сказал:

— Завтра будешь со Мною в лучшем Свете. Капля сострадания спасает самую горькую жизнь. И в ком нет этой слезы любви и участия в беде другого, тот лишен всего во всех мирах, пока он не обретет это качество вечной жизни.

Земля продолжала трястись. Но черная грозовая туча повисла над Голгофой и пролилась невиданным ливнем на толпу очевидцев казни, на Марию и Ее окружение, на самих казненных, хоть на миг охладив жар палящего солнца, облегчив боль и омыв глубокие раны тел.

Стекая с тела Иешуа, кровавый ручеек протекал мимо ног слепого нищего. И тот, почувствовав влагу под ногами, поспешил наклониться и омыть руки и лицо. Внезапно он, будто сквозь пелену тумана, начал видеть три креста и огромное количество народа, толпившегося рядом.

Он закричал:

— Я прозрел!

— Это великое чудо, что я, будучи от рождения слепым, прозрел! — как заклинание повторял он.

Многие подошли к нему и стали спрашивать, как это произошло, и тоже, несмотря на страшный ливень, кинулись умываться водой, бегущей от креста Великого Путника.

Толпа превратила в грязь остатки земли на горе. И многие получили облегчение своим болезням, ради чего и пришли вслед за стражей увечные и больные.

Молния била вокруг Голгофы. Но люди не боялись. Один из разрядов попал в дом Агасфера, который не разрешил прислониться к своему забору Тивердиадцу. Там все выгорело дотла. И, некогда бывший состоятельным иудеем, он в одночасье стал бродягой. Пророчество Сына Звезды исполнилось.

В какой-то момент мучения стали невыносимыми. И Иешуа, почувствовав тень Ибн-Рагима рядом, попросил заменить Его Дух Своим.

Находясь неподалеку, в толпе, Ибн-Рагим совершил намаз, и, словно молния, сияющая Душа Его метнулась к кресту и вошла в тело Назорея, чей измученный Дух отправился в плоть Ибн-Рагима. И только теперь Великий Шейх Пустыни ощутил предел Своих возможностей. Нужно было собрать все силы и мужество, чтобы до конца довести этот подвиг, хотя бы на время дав отдохнуть Тому синеглазому юноше, который

когда-то пришел в Его оазис, совершив утомительное путешествие через пустыню.

Да, Он решил помочь, но знал, что завершение Жертвы должно было быть произведено тем же самым Духом, который начал путь крестный. Но, с позволения Хранителей, Ибн-Рагим мог оставаться в теле Иешуа всего один час, которого хватило, чтобы возросли Его дух, Его крепость и сила, а также умение сознательно принимать страдание во имя множества людей, которых не знал и никогда не узнаешь. Даже сама Мать Сыра Земля и Боги Стихий старались помочь, чем могли, в труде невиданного самопожертвования.

Когда распятый Учитель изнемогал от терзаний плоти, все Великие Духи готовы были принять Его участь на Себя, поочередно, пусть на короткое время, замещая Иешуа, чтобы ощутить боль терзаемого злом мира. При высокой организации нервной системы терзания плоти кажутся в десять раз невыносимее. И каждый Великий Дух, принявший часть этой Жертвы, обретал великую заслугу приношений и ускорение эволюционного процесса.

Распятие Владыки Христа — это принесение в жертву невинного человека, чистого и безгрешного. Эта жертва избавляла целую планету от тяжести астральной коры.

Срывание одежд, или раздрание завесы в храме во время распятия, открыло новый горизонт постижения дальних миров. Произошло срывание ветхих аур не только с планеты, но и с каждого, кто готов был воспринять Крещение Огненное. Страдание Владыки

Христа привлекло тончайшие силы Его Великой Родины. Пламенный Столб огненных энергий вызвал невиданную грозу и землетрясение. Лишь присутствие живого Великого Путника удерживало стихии от разрушительных проявлений в этом краю.

Каждый из Великих Владык побывал в теле Владыки Христа во время распятия.

Для Каиафы и Израиля распятие было актом черной магии. Для Владык — добровольной Жертвой.

Урус стоял в толпе под проливным дождем вместе с учениками, осмелившимися прийти на Лысую Гору. Он видел все невероятные страдания своего единоплеменника и втайне молил своих древних Богов о спасении Великого Путника. Ему было так же больно, когда гвозди вбивались в живую плоть Пророка, словно это происходило с ним самим. Вымокшая одежда не мешала ему. А по лицу вместе с каплями дождя текли горькие слезы.

В толпе он увидел Ибн-Рагима и подумал, что было странным, что человек, некогда поклонившийся Младенцу Иешуа, постоянно присутствует при всех важнейших событиях Его жизни, и даже при величайшей казни. Он не знал, что Великая Мистерия несла миру спасение, а Дух Тивердиадца на время перешел в тело Шейха Пустыни — перед тем, как совершить свое главное дело, ибо страдание на кресте и смерть были лишь земным прологом событий, еще более важных и великих.

Кровью, стекающей с креста, урус совершил ведическое таинство крестоналожения, обмакнув два пальца в бегущий ручеек.

Стража уже разрешила подходить к казненным, которые все еще были живы. А какой-то человек важного вида даже подставил глиняную чашу под струйку крови, стекающую с креста. Именно она потом станет святейшей реликвией христианского мира под именем Чаши Грааля и позже будет отнесена в Братство, а многие другие, поддельные, будут блуждать по свету, имея статус истинных.

Отведенный срок проходил. Час истекал. И нужно было опять входить в мучимое болью и жаждой тело, в котором сейчас пребывал Ибн-Рагим.

Где-то прогрехотала гроза. А ужас землетрясения многих из зевак согнал вниз. И из женщин лишь Мать Великого Путника и Мария из Магдалы, преданнейшая Его ученица, все так же стояли под неутрачивающим ливнем.

Русалим готовился ко сну, не подозревая, что над ним разыгрывается величайшая из трагедий планеты Земля. Невежество любит мрак отдохновения, который близок смерти.

Очередная молния прочертила небо. И на волне этого ослепительного света, или при содействии небесного электричества, душам легче было переходить из одного тела в другое. Это произошло в мгновение ока. И когда Ибн-Рагим вернулся в свою оболочку, то увидел, что душа принесла с собой стигматы распятого Сына Звезды. Но раны, проявившиеся на ладонях, затянулись прямо на глазах. Но невыносимая боль вывернутых под тяжестью тела костей долго еще не утихала внутри Него.

А Иешуа снова погрузился в царство непрекращающейся пытки.

Проходили часы. И стража, чтобы не ждать долго конца казни, решила ускорить ее окончание. Сотник Лонгин — не столько из злобы, сколько по состраданию, — хотел прекратить мучения Иешуа. Держа копье, своими подслеповатыми глазами он едва различал очертания жертвы. Он целился в сердце, но попал в печень. И внезапно, после удара копья в тело Пророка, он обрел четкое и чистое зрение, которого у него не было даже в юности. Слепоту свою он тщательно скрывал. И здесь, внезапно прозревший, он увидел прекрасного юношу, преданного смерти, и искренне пожалел Его, потому что от удара его копья Он, недолго помучившись, потерял сознание и умер. А минуло не больше трех часов. Два же разбойника мучились всю ночь. С перебитыми стражей ногами и в муках, не желали они оставить тело свое, проявляя свою жизнеспособность.

Увидев, что Иешуа умер, Мать Его попросила стражников отдать Ей тело Сына. Крест был опущен и вынут из своей ямы. А тело, лежавшее на коленях скорбящей Матери, еще не утратило гибкости своей и теплоты.

Руки Христа, снятого с распятия, целовал Иоанн. А Иосиф извлекал гвозди из ног Его, рыдая о том, что мир потерял Великого Пророка. Безмерна была печаль учеников. Глубоко было чувство потери. И разве можно было найти еще такого человека, который умирал бы бурю и останавливал ветер, а наипаче и прежде всего прекращал ураган сомнений и ненависти в душах человеческих.

Процессия была значительной. Кроме семидесяти учеников, к ней присоединились и те бедняки и нищие, которых Иешуа исцелил и когда-то спасал от голода.

Волна скорби отемняла сердца и делала сознание не пригодным для молитвы, ибо радостью возносится слово души к Престолу Единого. Но все шептали и повторяли последние слова Учителя, сказанные перед тем, как Он покинул тело: «Или, Или! Лама савахфани?» Но что означали они, никто не знал, ибо это было древнее арамейское наречие. И только Иоанн догадывался, прозревая разумом своим в их смысл, ибо отчаяние было в словах, произнесенных на издыхании тела.

Иосиф из Аримафеи уступил свою гробницу для упокоения Пророка. Но прежде эти земли были во владении жрецов древнего культа Богини Астарты — Владычицы Небес.

Омытое слезами жен, тело было умащено благовонным миром и драгоценным маслом и завернуто в полотно. Оборачивали тело с двух сторон. А рост Иешуа был немалый. Он всегда высился над толпой почти на две головы, словно гора — над кипарисовой рощей.

Покрывало-саван был завязан вокруг головы и ног. Пеленая усопшего, как ребенка, люди возвращали тело в состояние перед рождением, зная о том, что душа обязательно вновь обретет тело и явит новую жизнь.

Были жаления, вопли, плачи и причитания. Но скорбь потери не утихала, а становилась горше. И души опустошались от прилива ее. Но Иоанн вспомнил, что Учитель говорил о победе духа над плотью. И огонь слабой надежды запылал в нем, ибо он больше всех любил Христа, а для Иешуа был самым любимым и юным последователем.

Камень, который должен был закрыть вход в пещеру, закатывали более двадцати мужчин. А плита над каменным гробом, которой нужно было закрыть тело Иешуа, тоже весила немало. Пять человек едва-едва

подняли ее и водрузили на каменный саркофаг, закрыв умщенное и завернутое в пелену тело Великого Назорея.

Казалось, что они навсегда простились с этой Великой Душой. И потрясение от потери было так велико, что даже мужчины не стеснялись плакать навзрыд, как малые дети.

Сотник Лонгин, прозрев, начал размышлять о чуде, случившемся с ним. И, по разговорам солдат и самого палача, оказалось, что не только с ним одним произошли удивительные вещи: и что водой, в которую попала кровь Праведника, собранной во время ливня на Голгофе, люди излечивались от проказы и гнойных ран, и что судьба многих людей после казни изменилась непонятным образом, словно какая-то неведомая сила вмешалась в ее течение, облегчив тяжкие обстоятельства, и бремя долгов вдруг прекратило довлеть над их жизнями.

Тело Иешуа покоилось в чреве пещеры, а дух совершал великое и невиданное путешествие по Земле и в дальних пространствах Вселенной.

Дух вышел легко из изуродованного пытками тела. Он сопровождал процессию до пещеры. Он видел скорбь своих близких и учеников, которые боялись появляться под страхом смерти. И, освобожденный, Он начал главное в Своей жизни посмертное путешествие к далеким северным землям, откуда родом была Его Мать, где волхвы Боголесья знали о Нем, потому что и там Он успел пройти обучение. Душа летела к Белой Горе, где Святые Горы были так приветливы к Нему.

Зная о Его Назначении, Наставники Братства направляли Его туда, где боль и страдание царствовали, и Он одним Своим появлением умирал силу подземного огня или надвигающиеся ураганы.

Мощь духа Иешуа после крестной смерти возросла до такой степени, что Ему было поручено спуститься в самую адскую глубину, в самые низкие слои Астрала, где томились души, плененные Князем Тьмы. Врата Ада были открыты. И вверх взошли великие цари и пророки, которые, в силу закона падения, не могли подняться и оторваться от тверди земной. Он узнавал многих, словно знал их, потому что всеведение вошло в Него вместе с болью мучений. И те, кто пытался надругаться над Ним, возвысили Его. Звезда Его Подвига сияла неугасимо. И даже Орион говорил с Ним голосом дальней звезды, откуда Он пришел.

Спасение мира начиналось с тяжелого труда поворота сознания.

Из пекла, из недр планеты, восходили тысячи и тысячи душ, плененных Падшим Архистратигом. И среди них Христос видел как праотцев, так и ветхозаветных пророков, а также первых царей Израиля, своего предка по матери Давида и сына его Сол-Амона. Низший Астрал, вся inferнальная сила пекла, забирал души и не выпускал их по причине изоляции и того проклятия, которое было наложено на всю планету после гибели последнего оплота атлантической цивилизации.

До Сына Звезды Небо было закрыто и Рай пустовал, потому что слишком много ненависти накопила земля и исполняла роль темного магнетизма.

Иешуа открыл затворы, сорвал замки и Жертвой Своей на всех планетах Солнечной системы открыл доступ токам Беспредельности в Великое Яйцо, Хиранья-Гарбху. Птенец сознания нашей Вселенной вышел из гнезда изоляции. А свежий ветер Беспредельности принес не просто спасение, но надежду на продолжение эволюционных программ.

И когда миссия очищения Сердца Мира была исполнена и надо было вернуться в обитель Своего духа, навстречу силе Его хлынул небесный огонь, превративший Его земную плоть в излучение, из которого была образована новая формация, вместилище духа, в котором в будущем будут пребывать все люди. И здесь Иешуа был первым Существом, принявшим легкое тело, в котором Он воскрес.

Спускаясь в царство тьмы, нужно было победить низший принцип Падшего Архангела, получившего великую силу от подземного огня. И если даже смерть не смогла сразить Великого Путника, то после жертвенного креста Он стал неуязвим и наполнился таким ослепительным светом, который был невыносим для обитателей Ада.

Он спускался медленно, прожигая каждый пласт подземного мира. И вслед за Ним, в лучах Его Сияния и Славы, тысячи легионов Ангелов и Херувимов следовали, вооруженные светоносной мощью невиданной чистоты. И Сам Великий Отец пребывал над Ним в виде сияющего Щита Радуги. Невиданное пение и тонкий аромат миро наполнили мир тьмы. А духи зла забивались в узкие трещины между камнями и даже там не могли спастись от Света Святости. Огонь Сердца Великого ослеплял их.

Лишенный воинства своего, сам Князь Тьмы был ослаблен, погрузившись в самые недра планеты. Архангел, сопровождавший Иешуа, наложил на него крестообразно огненную цепь, приковав к твердыне Земли, и сказал:

— Ты был некогда нашим Братом. И, может быть, когда-нибудь возвратишь себе свое славное имя Светоносца. Но дотоле во искупление великого греха долго тебе придется страдать во многих мирах, пока не начнешь путь назад. И самой страшной карой для тебя будет смертельное одиночество на целую Манвантару. Тишина Молчания страшнее всех других испытаний.

Архангел спутал Князя Тьмы цепями и связанного низверг в глубочайшую бездну.

Иешуа благословил мир тьмы и предрек, что отныне лишь единицы будут попадать в объятия Сатаны.

Там Он увидел и Иуду, Его предавшего, который наложил на себя руки после памятной ночи в саду Гефсиманском. Посмотрев ему в глаза, сказал Пророк:

— Ты пил из одной чаши со Мной и ел хлеб со стола Вечери Тайной, поэтому дух твой посылаю в тело Агасфера для бесконечного странствия во временах и пространствах. Пока не истлеет последняя плоть человеческая, ты будешь блуждать, страдать и болеть, но долго не сможешь искупить вину, потому что беспокойство будет гнать тебя в путь, словно пытающегося убежать от самого себя и своей совести.

И смрадный дух поднялся вверх и, отыскав Агасфера, вошел в него — как посох, вручив телу вечную жажду скитаний. Это было похоже на суд царя Соломона, когда каждой душе был определен ее удел, а не вечное заключение во тьме Астрала.

Небеса сияли особенными зарницами, словно наступила полярная ночь. Ученики скорбели и не

принимали ни воды, ни пищи. А самый молодой из них, урус, который вырос в оазисе Ибн-Рагима и провожал Его к подножию величайших гор, плакал и рыдал так, узнав о смерти Учителя, что долго, долго не мог успокоить свое сердце, памятуя о словах, сказанных Пророком, о воскрешении Его спустя три дня.

Странные существа населяли область планетного ядра — странные и удивительные. Они боялись Солнца, но получали свет от раскаленного жара Сердца Мира. С момента творения жили они там и хранили первозданный хаос. Выше них были глубокие пустоты и целые заросли драгоценных кристаллов разного размера. Можно было увидеть изумруды в несколько десятков метров, выходящие из одного начала. Таких хрустальных, сапфировых, берилловых и алмазных зарослей было так много, что они составляли целый мир. И здесь красота правила.

Великий Путник восхищенно взирал на эти сокровища и думал, что, как хорошо, что так глубоко они сокрыты от людей: иначе бы не миновать новых несчастий, потому что в своем состоянии человечество развязало бы еще одну великую войну.

Труд сердца Иешуа был так напряжен, что, покинув тело, Он и здесь мучился заботой о людях. Сострадание было кровью Его существа. Скольких Он простил и скольким дал направление жизненного пути! Но разве каплей миро зальешь гноилище разложения?

Скорбь овладела Пророком.

Урус, мальчик найденный в пустыне, сопровождавший Его в далекое путешествие к Небесным Горам

и вернувшийся вместе с Его караваном назад, стал одним из близких учеников Спасителя и был назван Иоанном, хотя родовое имя его было «И-ван», то есть «из племени ванов». То же касалось и Иоанна Крестителя. Еврейское жречество уничтожало не просто еретиков, но малейшие признаки ведических следов, оставшихся со времен тех, когда земля обетованная была уделом протославян, вышедших с материка, гибнущего подо льдами.

После казни мальчик Иоанн, ставший уже юношей, был в таком угнетенном состоянии, что не хотел ничего, кроме постоянных рыданий и возгласов с упреками: зачем же Высшие Силы допустили подобное? Но, памятуя слова Учителя о воскрешении, он все же успокоился и начал приходить в себя.

Погрузившись в бездну своего горя, он даже не заметил, как Шейх Пустыни Ибн-Рагим тихонько обнял его за плечи и повел на постоялый двор, зная, что спустя время земной мир ожидают события, которых Земля еще никогда не знала.

А душа Великого Путника блуждала в сердце планеты, много неведомого познавая. А дух в своей высокой форме, выделив свою искру, в то же самое время находился далеко от земных дел, в удалении, в космических просторах Стража Врат Небесных — Ориона, на Раде Священной, которая еще существовала в Мирах Мысли как слепок давней Родины гиперборейцев. Он постигал наставление Великого Отца, пославшего Его в путь, не исследимый человеческими представлениями, чтобы приготовить сознания к новой фазе трансформации материи в иной вид — как самый первый опыт уплотнения астрала до состояния плотного тела.

Битва с Драконом Порога планеты завершилась. Сатан был пленен на две тысячи лет. И это было главной заслугой Спасителя Мира.

Но в это же время одна из частей духа Тивердиадца получала наставление в Сердце нашего Галактического Круга, на Раде Великой, на одном из ее духовных глобусов, где пребывала Сила Великих Учителей Галактики. Для Них события на Земле были не просто очередной кровавой казнью, но Великой Жертвой Спасения Мира, которая повторялась на других уровнях и планах в возрастающей величине. Великий Крест Распятия знала не только одна из солнечных систем. Но то, что происходило в глубине почти самого плотного из материальных миров, несло спасение всему Млечному Пути.

Когда поток великих царей и пророков освободил вместилища Ада, когда Иуда Искарот был осужден на вечное скитание по планете в теле Агасфера — Вечного Жида, Дух Сына Звезды готов был принять Чашу нового испытания и воскреснуть в теле новой формации — в теле, не виданном доселе.

Его оболочка покоилась в пещере, покрытая саваном, пропитанным драгоценным миром. На исходе третьих суток после распятия, перед самой зарей, люди, проходившие мимо, и даже сами стражники, заметили рой летающих огненных шаров над горой, где покоился Иешуа. В древние времена, когда здесь стоял Храм Астарты — Матери Богов, люди видели подобные огни. Но сейчас хоровод огненных духов — актиничей, или, как их называли маги, саламандр, — был настолько интенсивен, что вызывал молнии среди чистого неба.

Мистерия Спасения Мира была так значительна, что целую неделю на всей планете стояли белые ночи,

когда можно было даже во время, когда все спали, видеть самые мелкие предметы, как капли росы на фиговых деревьях, и дальнюю гряду гор, которая не расставалась с лучащимся с небес светом. Казалось, что сама благодать льется не переставая откуда-то с высоких сфер совершенства.

Новая сила проливалась на городскую свалку, где воскрес Сын Звезды, родившийся в яслях овечьих, на простой соломе. Великого старались унижить с самого рождения. Но Звезда указывала на Него как на Своего Сына. Вместо Царского Венца по закону, получив терновый, Он все же обрел Трон Славы в Великих Мирах Света, где враги Его были поправаны.

Воскресение и Вознесение

Перед тем как дух начал возвращаться в измученное болью тело, Великий Путник ощутил привхождение мощного жара с Небес. Словно пламя лилось в Его сердце, и из него образовалось пылающее солнце, которое заполнило тело и внезапно взорвалось, прорывая пространственные пределы некогда соединенных миров. Иешуа внезапно ощутил рождение сознания в каком-то ином теле, которое поглотило физическое вместе с ноющей болью, оставив лишь стигматы прошлого страдания. Обновление было таким ошеломляющим, что казалось, будто мир стал иным, а чувства очистились и возродились в неведомом еще качестве, которое не было испытано ни одним из людей до этой поры. Мистерия Воскресения свершилась.

Огонь упал на камень, словно кем-то посланная стрелой весть. Внезапно голубое пламя заплясало по окрестным скалам, по деревьям и по траве, не нанося им вреда. Все, что находилось на расстоянии десяти метров от места упокоения, сияло в ночи. А камень входа, отвалившись сам собой, выпустил из пещеры человека, восставшего от смертного сна. Все нанесенные Ему раны зажили и не сочились кровью святою. А само физическое тело преобразилось, обретя качество тонкого. Произошло полное превращение человеческой плоти в иное, легкое тело, что и названо было Воскресением.

Когда человечество подойдет к порогу сужденному, с каждым из нас, кто достоин этого, произойдет такое же преображающее действие, которое современные ученые пытаются назвать квантовым скачком или квантовым переходом.

В невыразимой скорби прошла ночь, в течение которой никто не мог уснуть. А к пище и воде невозможно было притронуться, потому что горек был хлеб печали, а вода казалась полынной.

Забрезжило утро, но никто не спешил расходиться, вспоминая Учителя. Словно памятью своею делясь друг с другом, они оживляли Его в сознании своем.

Мария-Мать и Мария Магдалина решили сходить ко гробу, где Пилатом была поставлена стража, чтобы ученики не смогли выкрасть тело и унести прочь. Каменистая тропа вела вверх. И издалека женщины увидели, что пещера открыта, а камень, ее закрывающий, отодвинут. А вместо воинов около входа сидел сияющий юноша, который, обратившись к ним, сказал:

— Не плачьте и не скорбите о своем Учителе! Не ищите Его, ибо Он воскрес!

Услышав это, женщины бросились в дом, где находились ученики. И те, услышав весть, поспешили посмотреть, что за событие случилось и где может быть тело Учителя.

Иоанн, войдя в пещеру, увидел в гробу плащаницу, которой укрывали Учителя, и почувствовал, как тысячи острых игл пронзили его тело огнем. И необъяснимая радость проникла в его сознание от мысли, что Учитель воскрес и где-то ходит по земле живым и здоровым. И он рассказал об этом всем остальным, хотя многие не поверили, что такое возможно.

Он шел по дороге к дому, где Его ученики скорбели, давно уже не принимая еды и питья. Кто-то из них увидел идущего Тивердиадца и воскликнул в страшном волнении:

— Учитель идет!

Ибо втайне мало кто из них верил в воскресение Сына Звезды — как в невиданное доселе чудо.

Толпясь в двери и не давая в спешке выйти друг другу, они выбежали за ворота в каменном низком заборе, чтобы встретить Его. И каждый в изумлении воздевал руки к небу, изумляясь и благодаря Господа за чудесное спасение Наставника.

Многие сомневались: не видение ли это и не могло ли им что-то всем с горя и с голоду почудиться? И лишь Иоанн решился и побежал навстречу, обняв Его и припав к Его ногам, в волнении восклицая и не скрывая радости:

— Учитель! Ты жив! Какая радость! Какое счастье! Мы так скорбели по Тебе и скучали!

Ученики обступили Иешуа, каждый выражая свою признательность. По изможденным лицам, измученным

бессонницей и голодом, текли слезы. А Петр, низко склонив голову, боялся даже подойти, стоя поодаль.

— Подойди, Петр! Я простил твое отречение от Меня, ибо говорил, что до того, как пропоет петух, ты трижды отречешься. Но слабость и страх человеческой природы Мне хорошо известны. Приди в Мои объятия!

Все стали спрашивать, как это могло случиться, что распятый и умерший смог восстать вновь к жизни. Но Иешуа лишь покачивал головой и говорил:

— Слава Отца Моего проявлена в этом чуде Воскресения, ибо планета воскресла со Мною вместе. И Дух Мой лишь исполнил Волю Отца Моего Небесного и указал путь к воскресению каждой души.

— Подойди, Фома, и вложи персты свои в раны, чтобы поверил ты, что Я не призрак, — обратился Великий Путник к запоздавшему ученику.

Фома, преодолев страх, протянул два пальца правой руки и дотронулся до тела Иешуа в том месте, куда пришелся удар копья во время распятия. Тело Учителя было твердым и теплым. И он воскликнул, ощутив внезапное волнение от переполнивших его чувств:

— Верую, Господи! Развей мое неверие!

Сын Звезды поднял Фому с колен и обнял его.

И, кажется, более всех остальных, вместе с Матерью Его и Марией из Магдалы, был рад молодой урус, которого на лад местного народа называли Иоанном, хотя был он И-ваном, то есть человеком из племени ванов или венов, великого славянского народа, много лет назад занимавшего своим государством всю евразийскую часть света. Привязавшись в оазисе Шейха Пустыни мальчишкой к Великому Путнику, он и здесь следовал за Ним неотступно, словно боясь вновь Его потерять.

Урису Сын Звезды был близок еще по одной причине. Он был очень похож на его соплеменников, как и Его Мать. Он искренне считал их своими родными и потому — за молодость ли свою или за особую преданность Учителю — считался Его любимым учеником и всегда допускался садиться рядом с Ним.

Пережитая трагедия изменила всех. Казалось, что только Иешуа воскрес. Но и со всеми Его учениками произошло то же самое, до самой глубины души очистив их этим трагическим испытанием.

Основное Учение Великий Путник дал в тонком теле уже после Своего Воскресения, или перехода в тело уплотненного астрала. Некоторые из учеников не могли вынести вибраций Великого Учителя и теряли сознание. Так же много было не верующих в его чудесное спасение. Легенда об апостоле Фоме наглядно показывает, что тело уплотненного астрала воспринимается так же, как и физическое, внешне и на ощупь. Вложить персты в раны Господа означало приобщиться к пережитому страданию и к той миссии Великой Жертвы, которую перенес Величайший из сынов человеческих. Сострадание стало основой Его Учения, которое вначале распространялось лишь на один народ.

Лишь облеченный силой мог дать Новое Учение. А сила явилась лишь следствием Величайшей Жертвы, когда ради человечества отдавалась жизнь Посвященного. И в равной степени эту Жертву нужно было поделить между Ибн-Рагимом, пришедшим на смену Иешуа и подменившим Его в самые тяжкие моменты мучений, и Самим Сыном Звезды, после этого

подвига обретшим статус Небесного Учителя. Растворив Свое тонкое тело, Он на глазах учеников преобразил его в огненное, что и было названо впоследствии Вознесением Господа, хотя, на самом деле, это было возвращением освобожденного духа в свой Мир, ибо земная сфера просто горела от Его присутствия, включая камни и землю. Огненное Учение Христа передано было как Его жизнеописание. Но лишь Мать Агни Йоги оповестила его миру.

Мария Магдалина как женский аспект Христа почти не известна западному исследователю оккультизма. Ее подробные записи утрачены и хранятся лишь в Хронике Акаши. Тем не менее, эти записи являют собой самое подробное и наиболее правдивое изложение жизни Великого Путника. Евангелие хранит налет символики древнего знания.

Освобождение планеты от изоляции от Космоса было основной задачей подвига Сына Звезды. Его Воскресение расплавilo плотную аспидную оболочку обособления Земли от Высших Сфер.

Души, запертые в низших слоях Астрала, не имели силы прорвать этот каменный слой, за которым начиналась власть Света. Паутина исключительности и самостной уникальности планеты закрыла ее в самой себе, не давая великим токам святости прорваться к людям, зараженным бациллами Майи. Сотрудничество с Космосом было доступно лишь единицам. А убогий люд был забит и унижен горсткой

высокомерных законников-саддукеев, боясь даже подумать о Воскресении одного из назореев.

Но молва о чудесном Воскресении одного из распятых на Голгофе и о дивном танце небесного огня перед этим событием катилась по Иудее, несмотря на суровый запрет упоминать кому бы то ни было об этом событии.

Мать Иешуа находила в Своем Сыне черты, Ему не принадлежавшие и словно явившиеся неожиданно. И только Шейх Пустыни знал причину таких изменений, ибо и часть Его Духа теперь пребывала в сердце Сына Звезды. А часть Духа Иешуа горела в Шейхе. Они стали едины в мистерии планетного жертвоприношения.

Когда тьма терзала плоть Великого Путника, Дух Учителей Мира слился в огне великого напряжения, создав огненную сеть над планетой. А жертва земная раскалила ее до такой степени, что аспидная оболочка земного обособления стала прогорать, открывая вход в высшие слои человеческих чувствований и дав, прежде всего, усиление веры, которая начинала угасать. Попытка тьмы в средние века закрыть Врата в Высший Мир при помощи инквизиции и крестовых походов не была успешной, хотя во многом была восстановлена темная власть.

А пока Свет окружал планету. Для нее наступил период белых ночей на целых семь суток. Оттого и названо было время после Воскресения Христа Великим Днем. Благодати сила была так велика, что это было похоже на вечную весну. Цвели сады, зеленели травы. Земля, принявшая кровь Иешуа, была всегда голдой, а в этот год она начала зарастать цветами и мелкой порослью выюнов, которые словно знали, каким

образом текла кровь Пророка, чувствуя силу жертвенного подвига. Буйство раннего лета сопровождалось обильными дождями, не виданными до сих пор. И пустыня, сухая и желтая, всегда бесплодная, вдруг преобразилась, превратившись в огромный цветущий мир, как женщина, которую горячо полюбили, назвав желанной, единственной и неповторимой.

Любовь наполнила долины Иудеи. Любовь согрела планету, которая постоянно содрогалась в спазмах жара и холода. В мир пришла радость. И никто из простых людей не знал, откуда она явилась, эта неожиданная гостья, и почему все то, что казалось вчера серым и унылым, сегодня представлялось как приурочивание к великому празднику. Или это сам он вошел в каждый дом, в каждое сердце, где дух счастья воскрес вместе с великой мистерией пробуждения мира от омрачения печалью?

Как будто счастье поселилось в мире. В великой благодатной силе жили люди, будто им была дана передышка для следующего этапа жизни. Бедные люди радовались тому, что дожди оросили их крохотные поля. И никто не знал причины рождения этого горячего сгустка радости, который в сердце ощущался физически. И даже далекая земля предков Великого Путника почуяла отголосок великого чуда. Волхвы Боголесья, знавшие о событиях в той стране, где некогда жил их народ, понимали, что не простой свет освещает планету, а что Великий Отец Сварог и Его Сын Перун зажигают молнии ночных лучей.

Временами казалось, что сквозь одежды, скрывающие тело Великого Путника, сочится свет. И само Его тело становилось огненно-золотым.

Бывший мальчик-урус, ставший теперь юношей, был назван на иудейский манер Иоанном. На наречии его древней родины это имя означало «из ванов», или просто Иван. В вопросе заимствования имен скорее иудеи приняли арамейские имена, чем славяне — иудейские. По всему Израилю можно было найти следы древнеарийского присутствия, которые пришедшее население старалось уничтожить любым способом. Но Благодатный Огонь все равно загорался в определенный час и день на месте святилища Матери Лады, несмотря на то, что жители Яр-руса-лима сделали из него городскую свалку.

Иоанн любил своего Учителя так, как, наверное, не любят женщину, с тех пор как увидел Его в оазисе Ибн-Рагима, когда едва не умер от голода и жажды в пустыне. Он, как никто из учеников, знал об Иешуа много такого, что нельзя было открыть, особенно после крестной смерти и чудесного воскресения. И, наравне с этим, ему был дорог и Ибн-Рагим, хотя Он был суровее и жестче, что соответствовало духу Шейха Пустыни, в которой в далеком будущем Он переродится еще раз, чтобы стать основателем новой веры.

Моменты преображения наступали все чаще. И Сын Звезды понимал, что огненное тело, в которое переходило Его сознание, земля с трудом может выдерживать. Для Физического Мира такой светоч не просто невыносим — он опасен для чувств обычного человека. Можно было ослепнуть и оглохнуть, потеряв дар речи, что часто и происходило с учениками.

Путь полного перехода в Огненный Мир требовал освящения некоторых мест на земле, чтобы вернуть

Яр-руса-лиму статус святого города после стольких веков разгула кровавых казней, восстаний и возрастающего духа торговли и стяжания. Из-под Храма Соломона люди видели поднимающиеся столбы света и не могли объяснить этот феномен, приписывая своим верованиям эти чудесные световые явления. Но заветы Моисея и Соломона были давно нарушены лукавым жречеством. А простой народ, богобоязненный и робкий, вряд ли мог бы послушаться своих первосвященников. Но дух святости нужно было восстановить. И для этого Сын Звезды обходил земли, по которым давным-давно Его предки строили свои города, сеяли хлеб и насадили виноградники.

Собрав учеников за одним столом, Иешуа напомнил им о Тайной Вечере, когда Он прощался перед казнью с ними. Но в этот раз были допущены и Мариам из Магдалы, и Мать Его, и братья, и многие из тех, кто признал в Нем Сына Звезды. Бывший мальчик-урус, а ныне статный юноша, прозванный на местный манер Иоанном, на правах любимого ученика, сидел рядом и слева от Великого Путника. Был здесь и таинственный Ибн-Рагим, которого почти никто не знал. И только Иоанн, которого Он спас в пустыне и который потом вместе с Ним сопровождал Великого Путника до далеких северных гор, вздымавшихся до самых небес, понимал, кто пришел на этот пир.

Сын Звезды словно прощался, начиная застольную речь: «Земля устала держать Меня. Я все более превращаюсь в живой костер силы. И даже взмах руки Моей вызывает начертания в пространстве. Настало время уходить. Я долго был с вами. Я делил с вами кров и хлеб. Но задача жизни Моей исполнена здесь.

Но в Царстве Вечного Света Я жду каждого, кто чистотою своею и святостью утвердился на Пути Моем. Отец Небесный зовет Меня на новый труд. И как бы Я вас ни любил, послушаться не в Моих силах. Многие разделили со Мной боль и скорбь крестной смерти. Многие разделили со Мною радость Воскресения, когда Я путешествовал одновременно в высшем и низшем мирах и на других планетах нашей вселенной, испытав таинство делимости духа и воскресения душ после смерти, избавив их от вечного заточения в подземельях планеты. И Друг Мой Великий, разделивший со Мной крестные скорби, наравне со Мною достоин почестей Отца Небесного. И Иоанн, сын Мой, спасенный во время бури в пустыне, и ученики, не отступившиеся от Учения Жизни после казни на Голгофе, — все вы достойны любви Моей. И в Царстве Света буду всегда помнить о вас. А теперь и земная пища не принимается Мной, а Свет все растет. И Я не в силах удержать тело Свое на земле».

Люди вышли в сад и, поднявшись к горе, на которую взошел Сын Звезды, обступили вершину. Кто-то встал на колени, кто-то присел на камни. В свете молодой зари Иешуа снял с Себя верхние одежды. И все увидели ослепительно яркий свет, окруживший его. Ослепительная звезда сияла вместо сердца. А над головой кружился сияющий венец, очень напоминавший терновый.

Благословив всех собравшихся около Него, Он поднял руки крестом и медленно оторвался от земли. Стремительно и ярко, словно стрела молнии, уходящая в небо, где она родилась, полетел прямо, освещая землю, словно осветительный снаряд.

Вознесение не укладывалось у людей в голове. Одни плакали и стонали. Другие радовались и смеялись.

И только мудрый Шейх Пустыни сделал вслед Ему прощальный жест, зная, что когда-нибудь Он встретится с Ним и будет трудиться долгие и долгие тысячелетия над тем, чтобы каждая человеческая душа поднялась до уровня Великих Учителей.

И было ветра легкое движенье.
Собрались назореи на заре,
Чтобы познать Христа Преображенье,
Сиянье Тела Света на земле.

Там, на горе, сквозь плотные покровы
Сияла плоть как солнечная часть.
И лился свет, а с ним звучало слово,
Вливая в души огненную власть.

Апостолы, опешивши, молились.
И лишь любимый юный Иоанн
Мог зреть Христа в величии и силе,
Хранящего следы жестоких ран.

И нас распятие — это не проклятье,
Но жертва, что взвалили на себя.
Приносит жизнь зарю Великой Сатьи,
Где любишь всех ты, ну а все — тебя.

Ибн-Рагим вернулся в свой оазис, вспоминая удивительную картину огненного вознесения Великого Путника. После того, как Он на время поменялся с Ним телами и испытал ту невероятно болезненную процедуру распятия, дух Его начал понимать, что жертва взрастила в Нем сознание нового существа. Внезапно

Он увидел перед Собой сияющую фигуру Иешуа, который, протянув руки, в сиянии невероятного света обратился к Нему:

— Без Тебя не состоялась бы Мистерия Спасения Мира. И потому наши Владыки и Тебя возвели в степень Сынов Божьих. Я не рассказывал Тебе об этом, но в Братстве Я встречал человека, в точности похожего на Тебя, который был Моим Наставником. В этом мире Ты его представитель. Заслуги Твои так возросли, что воплощения земные Твоего духа будут началом нового единения народов. Основание новых религий и соединение их с древними традициями будут задачей не только Твоей, но и всего Братства. Не оставляй уруса. Ему предназначен в этом мире долгий путь. Мир Тебе и благодарность, Мой земной Учитель! Через две тысячи лет Ты присоединишься к нашему Огненному Братству.

Жизнь Иешуа после крестной смерти и чудесного воскресения, а потом и вознесения, только началась. И первые ее признаки были обозначены во время Его преображения, когда огненное тело полностью покрыло земное и сделало возможным переход из одной формы существования в другую. И оттого страсти Его, распятие и пытка на кресте переживались гораздо мучительнее, чем если бы это был обычный человек. Конечно, для любого тела мучение невыносимо. И оно защищается, выбрасывая адреналин и обезболивающие гормоны, делающие бесчувственными нервные окончания. Но при высоком развитии сознания, и тем более духовности, это не действует. И боль чистого человека ничем нельзя заглушить.

Жизнь в Высших Планах отличалась невероятной насыщенностью труда. Но перед тем как дух вошел в общий ритм напряжения работы Небесного Братства, нужна была процедура очищения от тяжких земных впечатлений и ран, нанесенных изощренным сознательным изуверством. И более всего необходимо было удалить яд, оставшийся от глубокого нервного потрясения. Это произошло в лечебнице Огненного Мира.

В кругу бывших и будущих Спасителей Планеты, которым еще суждено было воплотиться, миссия Асу-Иисуса-Иешуа была самой выдающейся, потому что выпала на наиболее мрачное время, когда Земля пребывала в глубочайшем духовном обмороке и сознание людей почти потухло в неверии. И нужна была жертва, чтобы возжечь пламень новой веры, с которой бы люди шли дальше, через века и тысячелетия неся факелы сердец в постоянной связи с Небесным Иерусалимом.

И, конечно же, верхние этажи Братства земного находятся вне пределов земной досягаемости и потому не зримы очами человеческими. Поэтому Земля никогда не была оторвана от других глобусов, а связь держалась через Жемчужный Остров.

Когда Мир Сострадания решит, тогда новый Спаситель придет, чтобы ценой жертвы, ценой подвига жизни Своей повернуть колесо эволюции, которая, несмотря на все преграды и трудности, продолжает двигать мир вперед по узкой колее трансмутационных изменений. И этого движения не остановить ни войнам, ни восстаниям, ни ураганам и штормам.

Путь рода человеческого известен. Он предопределен самим фактом рождения.

Схождение огненных языков

После вознесения Христа Его ученики собрались почтить Его память. Тогда и произошло явление огненных языков, сошедших на каждого из последователей, после чего они стали называться апостолами, так как каждый получил в огненной капле возжжение звезды своего высшего принципа. После этого апостолы были посланы для исполнения своей задачи в разные области земли.

Древнее знание, исходящее от Божественных Сущностей, позволило ведическим мудрецам принять Учение Христа как естественное продолжение своего собственного.

Рождение новой религии, не обремененной обрядностью и ритуалами, несло Небесный Огонь воскресения рода человеческого.

Роща тихо шумела в предрассветных сумерках. С листьев капала прохладная роса. И где-то далеко, за холмами и скалистыми вершинами, слышался голос пастухов, выгонявших свои стада.

На правах старшего из учеников Петр начал тихое моление. Здесь собрались все те, кто когда-то был близок к Великому Путнику. Был даже Фома, которого между собой прозвали Неверующим. Но он осознал свое неверие и был готов исполнять обет последователя Сына Звезды.

Пение молитвы начиналось. И ветер с дальнего моря, приносящий запах утренних волн, подхватывал его. И ущелья горные едва уловимым эхом повторяли молитву, данную людям Самим Великим Учителем. «Отче Наш!» — звучало нараспев. И даже костер

клонился к земле, чтобы потом выправить языки своего пламени в тонком пении огня этой молитвы. Само пространство наполнялось благодатью сердец, любящих своего мудрого и простого Наставника с прекрасными синими глазами. И на крыльях этой любви молитва, обнимающая сад, летела выше гор, как сияющее фосфоресцирующее облако, образованное из дыхания их вдохновенных душ. Можно было увидеть, как горячие струйки пламени, истекающие из одного сердца, сплетались с другими, непохожими и особенными, которые пытались сохранить прекрасные цветы своих молений, но незаметно сливались вместе в светлеющей дымке пространства, в окружении духов стихий, уносящих возношение Богу и миру.

Костер вдруг вспыхнул и поднялся вверх ровным сияющим столбом, встречая сияние, налетевшее серебряным светом. Из него, словно струи дождя, который не падал на землю, к каждому из учеников протянулся след наподобие тонкого луча, превратившись над головой каждого в гигантскую огненную каплю, повисшую в воздухе. Жар раскалил пространство. И, казалось, голос, идущий от языков небесного пламени, понимали все стихии. Даже земной огонь запел на языке фохата. И, самое удивительное, ученики обнаружили, что понимают разговор пламени земного и небесного. Тела учеников стали невесомы, словно поднятые вверх невиданной силой. Они потеряли чувство тела. И только темя ощущало легкое касание дыхания фохата. Голоса языков перемешались и через головы стали входить в каждого из апостолов. И они друг за другом стали говорить на не известных им языках и понимать то, что говорят иноязычные. Казалось, что цветы и камни, горы и вода шепчут миру слова, истекающие из сердца, пытаясь усиленно достучаться до того мгновения, когда

их услышат. Им было важно, чтобы люди считали их живыми, подобными человечеству, которое они на себе носят, питают, поят и согревают.

Солнце еще не взошло, но зной наполнял сад. А люди, исполненные неизъяснимой радости, бьющей родником счастья из сердца, все говорили об удивительном даре, полученном свыше, и проверяли, не показалось ли им все это, пока до конца не убедились, что чудо огненных языков, чудо обретения знания незнакомых наречий, пришло к ним. И это было преддверием подвига каждого из них, которые должны были отправиться в дальние края, чтобы донести Учение Сына Звезды до неведомых народов и неведомых земель. И этот импульс великого счастья, посланный им от Вознесенного Учителя, на всю жизнь зажег их неугасающим смыслом великого труда.

Ветер утренний развеял звезды, которые растаяли в лучах чистого солнца. Странная тишина, охватившая учеников, вызвана была тем, что они в страхе подумали, что стали понимать язык звезд и ветра, язык солнца и птиц, не говоря уже о чужих наречиях и непонятных языках, на которых изъяснялись малочисленные племена в горах и в самых дальних окраинах мира. Этот дар, внезапно полученный с огненными языками, наполнил их пониманием великих звучаний Природы Мира. И оказалось, что эту силу яснопонимания дополнило яснослышание. Теперь можно было исполнять завет Учителя и проповедовать Учение Любви к человечеству, общаясь на языке любом, который только есть на этой планете.

Апостол Иоанн

Разлука с вознесенным Учителем не омрачила Иоанна. Наоборот, он постоянно слышал голос любимого Учителя, отвечающий на самые потаенные его мысли и возникающие в глубине сознания вопросы.

Круг учеников не распался, но сплотился. А главою стал Петр, на которого перед вознесением указал Иешуа, отметив его преданность и неотступность, не упоминая при этом случая во дворе тюрьмы, когда тот, сидя у костра вместе со стражей, трижды отрекся от Учителя. Но после этого случая Петр стал другим. Воистину, он обрел крепость камня. В нем появилась такая твердая вера, которая была похожа на монолит, скристаллизованный из молитв, устремлений и подвижничества.

Грусть Иоанна была так глубока, что он постоянно чувствовал около себя ароматное дыхание Великого Путника. И порой казалось, что он сходит с ума от Его явлений сонных и в мгновения дневного отсутствия и безмолвной молитвы. В собраниях Его учеников он видел Его тонкую высокую фигуру, изводя себя тоскою по возлюбленному Учителю, пока однажды не забрел к месту, где некогда был похоронен после распятия Иешуа. Присев на камень, которым некогда был привален вход, он вдруг заметил в темноте пещеры робкий огонек и, словно повинувшись зову, вошел туда и увидел перед собой любимый Облик, сияющий радугой силы. Упав на колени, Иоанн целовал землю перед ногами любимого Учителя и не мог поднять голову, настолько ярок был Свет.

— Не печалься, Иоанн. И Я люблю тебя. Но время Мое пришло жить в сферах Пламенного Мира, где огонь чистоты правит. Скажи братьям своим, чтобы каждый, кто грамотен и обучен словосложению, написал все, что помнит, о временах, когда Я учил вас. А тебе особая миссия — написать не только о встречах со Мной, но и Откровение о будущих временах.

Андрею путь пусть лежит на север, Фоме — на восток, а Петру — в земли эллинов и римлян. И помни, утихомирив скорбь, что по желанию твоему всегда, в любой час дня и ночи в течение жизни твоей, ты сможешь видеть Меня и разговаривать со Мной, как теперь. Это награда за преданность твою.

Остров был совсем небольшим. Но на нем, у подножия и по склонам гор, росли густые леса из плодовых деревьев. Живущему здесь не грозила голодная смерть, потому что сочные, сладкие плоды валялись прямо под ногами и любой обитатель мог ими насытиться и спасти себя от изнурительной солнечной жары под густыми кронами тропических деревьев.

Пещера Иоанна была невелика, но очень уютна. С помощью глины и камней он заложил излишний промежуток между скалами и сладил дверь из расколотых стволов деревьев, связав их корой лиан и таким же образом соединив их с вставленным в каменную кладку косяком. Получилось вполне приемлемое жилище, способное спасти отшельника как от жары, так и от изнурительных ураганов и ветров, дующих с океана в сезон дождей. Плоды хлебного дерева заменяли хлеб насущный. Рядом, из-под корней кедрового леса, струился звонкий ручеек. И любопытные звери и птицы приходили и прилетали, чтобы понаблюдать за

странным существом, поселившемся в их лесу. Иногда к пещере подходил огромный медведь, долго втягивая носом чужеродный запах, но уходил, не совершая никаких насильственных действий.

У Иоанна было перо и запас чернил, а также чистые свитки, на которых он день за днем запечатлевал историю своей встречи с Учителем, поход вместе с Ним до Великих Гор, ожидание и возвращение назад и все слова, которые говорились Шейхом Ибн-Рагимом и Радомиром между собой, из того, что он мог услышать и понять, ибо Они не опасались при нем вести Свой разговор.

С моря дул теплый ветер. И даже зимой здесь не было холодно. Местные жители, узнав, что на острове поселился святой человек, тайно приносили к его пещере вино, хлеб, сыр и молоко, оставляя у входа.

Иоанн был так погружен в написание своих воспоминаний об Иешуа и Ибн-Рагиме, запечатлевая также видения таинственного будущего, что забывал о еде и сне. И часто хлеб оставался нетронутым. Или дикие звери, обитающие на горе около него, уносили часть подношений. Но он не голодал и был сыт той силой благодати, которая называлась святым духом.

После нисхождения огненных языков на каждого из апостолов все они получили дар знания неведомых наречий, умение говорить на них и, помимо этого, распознавание языка животных и растений, а также голосов стихий, что Иоанну часто служило на пользу. Волны рассказывали ему о кораблях, потерпевших крушение около острова. Ветер шептал ему о девушке, идущей, чтобы поприветствовать его и принести скромные дары. И часто дикие животные и птицы,

переговариваясь между собой, доносили до него вести из человеческого и лесного мира. Удивительно было это — понимать, что природа наполнена разумной жизнью и множеством незримых для людей событий.

С розового цветка, выросшего на сером камне, взлетела белая бабочка и полетела в глубь пещеры, с площадки которой открывался чудесный вид на море, имевшее винно-голубой цвет. Взгляд вдаль все же не пропустил того, что мотылек впорхнул под темные своды каменного пространства. Это был знак. Но для чего, он пока не знал.

Пророчествовать перед толпами ему не хотелось. Да и не было таких указаний. Сыном Звезды за все время, пока он рос в оазисе Ибн-Рагима, и даже во время длительного путешествия к великим горам, не было сказано ни слова о его будущих проповедях или публичных выступлениях. Зато была сделана подсказка все запоминать, и даже записывать свои впечатления в маленькой книжечке, сделанной из папируса. И он постоянно делился своими впечатлениями, порою наивными, со своим тайным дневником. Это позволило ему научиться анализу переживаний и первым проблемам распознавания и прозрений в будущее.

Беседы со взрослыми людьми зажигали неугасимым интересом душу, в глубинах которой была мечта когда-нибудь увидеть Родину, от которой он был некогда оторван через череду неожиданных и не совсем приятных событий. Но понимание того, как потом он оказался в окружении таких значимых людей, как его Хозяин и Друг Его, Радомир, пришло гораздо позднее. Девять лет путешествий с Ибн-Рагимом и последующее следование за Сыном Звезды принесли его сердцу

такой урожай радости, что чувства эти стали причиной желания познать мир таким, какой он есть.

И теперь, после ухода Учителя, ему хотелось освежить память об этих удивительных событиях, о встречах и расставаниях, о радости и печали, которые он испытывал от этого.

Будучи самым молодым из учеников Иешуа, он чистотой своей юности воспринимал все иначе, чем старшие ученики. И, будучи свидетелем многих чудес и необычных явлений, он знал глубину рождения их накоплениями внутренней своей души, или тем, что называют памятью рода. Тем более, ему все это было близко в силу того, что Учитель был его соплеменником. Многие национальные привычки и отношение к вещам житейским были схожи. Это их сближало. Это их роднило и укрепляло симпатию, порождая тайное влечение сердец. Это называлось глубокой любовью духа.

Традиции единства крови и воззрений, передаваемые вместе с генетикой, трудно было привить иными способами. Накопление жизней в круге одних и тех же религиозных воззрений, одной и той же манеры воспитания и общения с природой и ее силами создавало ощущение понимания бессловесного. По еле уловимым знакам движения глаз, губ или жестикуляции легко можно было понять, что хочет сказать единокровный человек, потому что это повторялось во многих жизнях не один раз и азбука поведения была выучена так, что могло показаться, будто человек читает мысли и угадывает действие до того, как оно произошло. Так складывался опыт интуиции — от самых малых прозрений до величайших откровений духа.

Иоанном его назвали на римский лад. А древнее наречение урусов считало его Айваном или Аваном.

Позднее имя это стали произносить «И-ван», то есть «еще и ван». Но ему нравилось простое и душевное «Ваня». Так его когда-то звала мать, пропавшая в водовороте временных вихрей, в кутерьме кровавых событий уничтожения следов последних арийских племен на Востоке.

После получения огненного крещения Благодатным Огнем апостолы разошлись каждый в свою сторону. Андрей-Рыбак звал его с собой на родину. Но, попав в кораблекрушение, он остался на острове, решив для себя, что Учителю его талант жизнеописательства будет полезнее хождений по земле.

Плоский камень стал ему столом, а поменьше — седалищем. Чистый свиток был развернут и прижат двумя цветными камнями, которые он нашел в углах пещеры. Через открытую дверь струился утренний свет. И Иоанн аккуратно вывел, обмакнув тростниковое перо в самодельную чернильницу: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», — положив таким образом начало великой повести, которую будут читать тысячи людей и через тысячи лет, удивляясь писаному и страшась предсказаниями, трепеща в неведении и пытаясь на разный лад истолковать предзнаменование.

Иоанн, сопроводивший Мать Христа на греческий берег, нашел Ей приют на Соловьиной горе около Афонского побережья и оставил Ее на попечении Марии, а сам поселился на острове, что было не так далеко от Афона. Невидимая Рука показывала ему образы грозных событий. И часто Сам Благой Господь ободрял его, удостаивая Своим появлением.

Апостол Андрей

Каждому из двенадцати апостолов Владыкой Христом была доверена одна из тайн, отражающих двенадцать периодов Его жизни. Если апостолу Фоме было доверено хранить и описать его путешествие по Индии и последние дни Владыки, то апостол Андрей Первозванный был облечен тайной рождения Владыки Христа. Перед ним было открыто откровение детства вплоть до двенадцатилетия и дано особое задание. Он должен был посетить остров, вокруг которого вращается солнце, — Кольский полуостров, где находилась одна из древних столиц Арктиды. По завету Великого Владыки, Андреем Первозванным было совершено путешествие в древний город на севере, где перед этим, в предыдущем воплощении, трудился Учитель.

На острове Дивном, на Валааме, Андреем Первозванным были собраны все волхвы, друиды и шаманы высшего посвящения, чтобы принять крещение от нового Пророка, о котором были возвещены все религиозные традиции Запада и Востока, Севера и Юга. Христианство времен Андрея Первозванного было живым продолжением традиции Есуса-Тивердиадца, которая восходила к чистому буддизму и Калачакре в незапятнанном виде, посланной с Жемчужного Острова человеческому обществу.

Весть от Бога Вышнего дала Андрею Первозванному силу в землю русскую вернуть огонь веры единого православия, от Сына Дажьбогова посылаемого.

Древнее знание, исходящее от Божественных Сущностей, позволило ведическим мудрецам принять Учение Христа как естественное продолжение своего собственного.

Рождение новой религии, не обремененной обрядностью и ритуалами, несло Небесный Огонь воскресения рода человеческого.

Импульс веры, данный в начале самого темного периода Кали-Юги, позволил сохранить искры исконного ведического православия, на котором держался и держится порядок всей планеты.

Крест был сделан из серого гранита и, кажется, врос в землю, откуда словно брал силу для своего роста. Казалось, что это часть древнего, но еще не умершего дерева, которое всегда существовало и будет жить вечно. Апостол Андрей склонился, чтобы разглядеть на камне слова, высеченные руническими письменами, и смог различить лишь начало молитвы древнему Всевышнему Богу руссов Роду, к которым он был послан, чтобы передать весть от Вознесенного Сына их, Тивердиадца, замученного, распятого и удивительным образом воскресшего. Путь к северным морям лежал через обширные, почти необъятные степные земли, где жили скифы, саки и множество племен, которые считали Великую Степь своей исконной родиной.

Он помнил слова Учителя:

— Северные земли — Моя родина. И что бы тебе ни говорили, Я потомок древних Богов Аркторуссии, загадочной и непонятной для остального мира страны. Когда Князь Мира Сего воплотился в лице царя Ат-Лу, великий правитель Гипербореи Сварог вступил в битву, которая длилась много тысяч лет и будет длиться очень долго, пока племена Рассанты не заставят

покинуть нашу планету последние тени тьмы. Иди на север и передай Моим сородичам слово в слово, что Я скажу.

И Он, наклонившись к уху Андрея, чтобы не слышали ни стоявшие вокруг ученики Его, ни само пространство, что-то произнес шепотом на языке, который когда-то звучал в землях израильских:

— Я вернулся сюда и буду здесь распят как предок Мой Арий.

Воспоминания взбудрили дух. И яркая вспышка видения исчезла. А впереди тянулась песчаная дорога по бесконечным степям диких земель Скифии, до самого великого города Киева, который когда-то был древней твердыней Колунью — девятигранной крепостью урусов, стоявшей, подобно Трою, десятки тысяч лет неприступно. Вопреки осадам и штурмам полчищ степняков, Колунь никто никогда не мог захватить. Все осады были напрасной попыткой одолеть пятидесятиметровые в высоту стены. Помимо внешних построек на поверхности, город уходил вглубь на многие сотни метров и имел подземное сообщение с другими великими городами того мира.

Среди утреннего тумана, который только начал редеть и освобождать подножие гор, можно было различить ступени широкой и высокой лестницы, которая уходила вверх среди острых скал и гигантских валунов. Наверху, на вершине горы, высились неясные очертания древнего храма, оставленного в неведомые эпохи как назидание о масштабе почитания Высших Сил, которые позднее обрели форму определенной персонификации.

Андрей присел на первой ступени, чтобы отдохнуть и перевести дух перед новым подъемом, который

предстоял его ногам, уставшим за время долгого пешего пути с юга, из благословенных земель Руса-лимских. Ему казалось, что прошлое не имело реальности на земле, а было эфемерным видением или мимолетной игрой внезапно вспыхнувшего воображения. Но приказ Учителя идти на север к волхвам, которые служили изначальным Богам Мира, впоследствии обретшим другие имена в разных народах, он помнил как огненную печать, впаянную в глубину сердца.

Туман дышал пронизывающей прохладой. Но костер не из чего было развести. Кругом были только мокрые от росы и холодные камни. Сделав глоток воды из кожаной фляги, он вдруг почувствовал чье-то присутствие и внимательный взгляд. В рассеивающемся тумане, сквозь который пробивались лучи солнца, справа от себя он увидел ребенка, мальчика лет восьми, одетого в длинную белую рубаху с обережными вышивками. Ребенок улыбнулся и что-то сказал Апостолу, указывая вверх, а потом поманил его за собой, сделав легкий жест рукой.

— Пойдем! Пойдем! — расслышал он во второй раз очень отчетливо.

Спутники Андрея, в том числе и те, кто был последователем ушедшего вознесенного Учителя, по знаку Апостола, остались на месте. А мальчик повел его по площадкам гигантских ступеней к развалинам грозного храма, где едва угадывалось восходящее солнце. Напряжение перехватывало дыхание. Но Андрей шел, едва поспевая за ребенком.

Высоко в трещине горы засиял огонь. И легкий горный ветер донес до слуха неспешный говор людей, как будто бы говоривших о чем-то своем. От жара костра, к которому Первозванный подошел, его бросило в дрожь. Мокрая одежда начала нагреваться, и легкие

струи пара поползли к небу. У костра сидели старцы разного возраста. Одни были еще достаточно молоды, и седина не тронула их волос. А другие были в более преклонных летах. И среди них, в глубине группы, на камне в виде кресла сидел старейшина — седой и древний старик.

Присутствующие встали. А старец, поклонившись Андрею, начал неспешный разговор:

— Мы слышали твои мысли. И когда твой Учитель еще только родился, мы приходили, чтобы поклониться Ему и принести дары Северных Земель. Нам было предсказано в наших книгах за семь тысяч лет о Его Рождении. И вся жизнь Его была обозначена вплоть до мученической смерти. Мы также знаем, что кровь нашего народа в Нем и что Он пришел спасти землю нашу от падения в бездну. А также мы должны принять от тебя дар Его огня, дар нового крещения нашего мира, ибо Боги наши утвердили это и передали нам, — закончил он.

Туман уже почти рассеялся. И на огромной отвесной скале, что стояла на другой стороне ущелья, на дне которого грохотала неукротимая горная река, Апостол вдруг увидел изображение гигантского человека, чьи руки были распростерты, как у Сына Звезды на кресте. Творя молитву Учителя, Андрей был впечатлен этим видением и долго-долго не мог прийти в себя от потрясающей душу схожести. Фигура распятого человека была такой огромной, что казалась выше окрестных гор.

— Распятие это появилось задолго до казни Великого Учителя. И означает оно погружение в плоть и принятие существования в физическом теле, с соответствующими параметрами времени и пространства.

Существование такого рода восполняло жажду переживаний неведомых состояний. У подножия этой скалы есть святилище, где обряд передачи традиций совершался не единожды в древнейшие времена, который отражен в символе передачи меча Святогором богатырям разного имени и эпох, идущих друг за другом. От исполинов разного роста до людей обычного уровня это совершалось. И даже во времена Великой Зимы, которая прогнала нас с нашей родины, Аркторуссии, ритуал передачи знаний не прекращался. Ни мор, ни войны, ни изнуряющий зной, ни ливни Великого Потопа, ни рой небесных молний и сухих гроз не могли отменить эту традицию. Выбор Главного Волхва, Владыки Белой Веры, совершался тоже здесь.

Развалины храма были настолько живописны и впечатляющи, что Андрей увидел изображение Матери и Ребенка, сохранившееся под древними сводами святилища, которое когда-то было разрушено землетрясением. Его не стали восстанавливать, зная, что разрушение может повториться. Но изображение Матери Лады с Младенцем Крышнем оставалось как напоминание о протекторате этого места Высшими Силами.

В древние времена ведические Боги являлись воочию перед толпами молящихся людей, а иконы остались как память об этих событиях. Так позднее случилось и в лесах Боголесья, где скромный монах Сергей был удостоен явления Царицы Небесной, в честь чего и был построен величественный храм — на месте этого события, случившегося в келье Преподобного.

Момент инициации двенадцати волхвов Северных Земель был назначен на дату Воскресения Великого

Учителя, соотнося его с возобновлением космических энергий, а проще говоря, с актом пробуждения детей Сва, Славы, для которых, вне зависимости от того, где они находятся, воскресение сознания открывает поток космической благодати.

При созыве хранителей дальних и ближних земель были приготовлены атрибуты для этого величайшего события. Спираль судьбы древнего народа, давшего импульс развитию планеты, завершала свой очередной круг, или виток накоплений.

Великие Боги не ушли. Они продолжали опекать человечество и помогали ему, если люди просили об этом. Но для духовной силы планеты важно было прямое общение с Высшими Силами, а не ритуалы, смысла которых люди не понимали. Никто не собирался отречься от тех Высших Существ, которые дали начало роду белых людей. Но нужно было избрать одного их великого потомка, которому они отдали бы свою силу на определенное количество времени. И поскольку Сын Звезды был их генетическим потомком, испытавшим жертвенную силу распятия в полном сознании и страдании к роду человеческому, то волхвы Северных Земель признали в нем внука Дажьбога, обладающего всеми потенциями Высшего Существа.

Тень креста повисла над изображением распятого гиганта. Лучи солнца озарили отвесную скалу вокруг Куйвы. И она засветилась, словно зеркало, отражающее восход. Двенадцать жрецов протянули руки к скале — и вокруг распятого возникли смутные огненные шары, которые, прикасаясь к базальту, входили в него, обретая реальный человеческий облик. Боги славянского мира собрались, чтобы услышать посланника их потомка,

принявшего мученическую смерть на Голгофе, около города Руса-лимского, или Русской Осели, как звали его в древности.

Апостол воздел руки вверх — и огненным столпом на него сошел луч, который он направил на древнее изображение распятого Пророка. И Куйва ожил, обретая черты Великого Путника. И вся картина Его мучения была явственна, словно на полотне живописном. Все мгновения боли, казни и мучений оживали в малейших подробностях, словно в круговом голографическом изображении. А Высшие Боги наблюдали, как разворачивалось повторение мистерии жертвоприношения Мирового Пророка.

Андрей прошептал молитву, которой их обучил Тивердиадец. И жрецы повторили ее слово в слово на языке посвященных. Дух Рода, Дух Великого Сварога собирал звуки в сияющее вервие радуги, уходящей ввысь. И небо раскрылось, обнажив Самого Иесуса в окружении огненных существ, Его обступивших. А за Ним в ослепительной силе сияния Своего проявился Великий Отец Мира Сварог, представляющий зримую ипостась Неизреченного и Невидимого, Вечного и Непостижимого Бога Богов Рода. С неба полетели громовые звуки в виде разноцветных шаров и стрел, расходящихся во все стороны пространства. И весь мир: волхвы и миряне, путники и оседлые, жнецы и торговцы, воины и мудрецы — в каждом граде Руси Великой услышал: «Да будет так! Вера Отцов наших да пребудет в Сыне Звезды, ибо для благоденствия мира не пожалел Он собственной жизни!»

На капищах по всей необозримой земле расы Великой Рассанты сами собой зажглись жертвенные костры, где душистые травы и вереск возложены были на Алтарях Богов. И небо над Русью на какое-то

время обрело радужный цвет, в каждом слое которого люди воочию увидели тысячи и тысячи светлых духов-помощников, кому поручено было служить Миру Славы — Православию. Правь утверждалась в Северных Землях. И была бы счастлива Мать Земля, если бы темная сила, искушающая земную власть, не стала пренебрегать Законами Верховных Космических Вождей, творя на свой лад свои поступки, отчего Русь как Тело Христово была не раз распята и растерзана, в том числе и попыткой крестить ее еще раз, сопровождающейся казнями волхвов и тех, кто не захотел принимать новый уклад веры, зная, что уже давно свершилось Андреевское Крещение Руси.

Внезапно налетевший из пространства рой золотых искорок, словно пыльца невидимых цветов, закружился вокруг людей, образуя светящийся обережный круг. Волхвы стояли вокруг центрального костра. А за ними горели на все стороны света еще восемь костровищ.

Моление Перуну начиналось с призыва явить им знак с небес. А хвала лилась из уст каждого из пришедших, создавая атмосферу праздника.

Над кругом костров повисли огненные шары, сложившись в великое сочетание Креста Жизни. Мерцание звезды Юпитера внезапно прекратилось, и к центральному костру от звезды протянулся яркий луч, словно струна, от которой зазвенел воздух.

Благодарение Богу достигло такого напряжения, что энергия, идущая из сердец, стала зримой и видны были чудесные световые сигнатуры в виде мгновенно вырастающих цветов. Они соединялись с каплями небесной росы, в виде которой опускались отделившиеся от небесного круга искры. А луч стал осью колеса,

вокруг которой закружился сияющий в кольце Знак Перуна.

На волхвов сошло божественное безумие, словно Боги вселились в них. И в этом омрачении они, поднимаясь над землей, пророчествовали. Их голоса были трубны и невиданно сильны, как у львов, рычащих в пространство.

Из общего слияния небесных и земных огней возник огромный шар, поглотивший людей. И, вращаясь все стремительнее, он становился прозрачным и могучим, отрывая от земли само капище и волхвов. На какое-то мгновение всем показалось, что мир стал иным и что не Навь им бластится, а порог Огненной Прави — Твердыни Великих Космических Богов, чьи Имена у разных племен и народов различны, но чья Сущность Сил неизменяема.

Моление Вечной Силе Оборонения, Силе Хранителя Мира, зажигало ликование Земли, волны которого катились, как девятый вал, в дальние окрестности мира.

Весть от Бога Вышнего Мы принесли через Андрея Первозванного и дали ему силу в Землю Русскую вернуть огонь веры единого православия, от Сына Дажьдбогова посылаемого. Приняв дар новой силы от Андрея-рыболова на берегу Белого моря, ведическое православие продолжило путь своего служения в веках.

Пророк Аллаха

Караван купался в порывах поднятого ветром песка. Приближалась песчаная буря, которая, налетая, больно била в лицо. И караванщик вынужден был собрать верблюдов кругом, а внутри поместить людей.

Маленький мальчик почему-то не хотел это делать и сказал, что в двухстах шагах от них находится древняя крепость, где они найдут приют, и что в глубине сохранившихся развалин живет святой человек. Караванбаши не поверил ему, но подумал, что, пока буря не так сильна, можно было бы дойти до старинных стен и скрыться за их защитой, развести огонь и не остаться голодными, как сейчас.

Недолго думая, он повел караван в том направлении, которое указал мальчик. И спустя несколько минут они действительно различили в желтой мгле надвигающейся бури огромный заброшенный город с еще сохранившимися стенами и воротами, ведущими внутрь.

Святой нищий, словно поджидая их, стоял у самого входа и показывал жестом, куда нужно идти, направляя караван в безопасное место.

Все прошли внутрь. Но мальчик продолжал стоять, мечтая о чем-то своем. И когда святой попросил позвать его к костру, караванщик увидел, что летящий песок не падает на него, а, не касаясь тела, стоит непроглядным облаком, словно охраняя от других порывов ветра.

Люди были потрясены: как это может быть? А старец, подойдя к мальчику, поклонился и, взяв за руку, повел в свою келью. Здесь он посадил его на свою постель и принес ему пиалу горячего чая. Никому ничего не сказав, святой лишь блаженно улыбался, поглядывая на отрока и что-то бормоча про себя, тихо качал головой и приговаривал:

— Велик Аллах! В мой дом Он прислал Того, кому суждено стать Пророком новой веры. А я так и доживу свой век, не увидев славы Его!

Но сокрушался старец недолго и, увидев, что мальчик вот-вот уснет, положил его на свое место, на соломенную подстилку. Он накрыл его своим халатом, а сам предпочел посидеть у огня, чтобы поговорить с людьми о судьбах мира и подумать о том, как Кисмет распоряжается душами человеческими, готовя им встречу с незнакомыми людьми, которые становятся для них роднее родного.

Овцы и козы разбрелись по горе, а пастух сидел, замечтавшись и млея от жаркого аравийского солнца. Животные никогда не отходили далеко от этого странного человека, который не кричал на них, а лишь едва понукал. К тому же, большой дружелюбный пес всегда возвращал заблудившуюся овцу в стадо.

Недалеко была пещера. И пастух решил отдохнуть, зная, что днем волки и другие хищники стадо не тронут, а если будет что-то серьезное, то пес всегда предупредит.

Вход в горную полость был узким. Да и самой ее хватало лишь для того, чтобы взрослому человеку можно было свободно вытянуться во весь рост.

Али прилег и в полудреме вспомнил странный случай, произошедший с ним в раннем детстве, когда, играя с мальчишками, он увидел приближающееся к нему Сияющее Существо. Подошедший положил его на землю, вынул из груди сердце, раскрыв его, как грецкий орех, удалил из него черноту и горечь (мальчик видел все это каким-то своим запредельным зрением) и потом вставил на место. А друзья побежали в оазис сказать, что с Али что-то случилось и ему нужна помощь. И после того как Сияющее Существо исчезло, Али стал слышать, о чем поют ветер и вода, а хрустальные голоса звезд будто бы переговаривались между собой, хотя их и не было видно на дневном небе.

И теперь, засыпая, как и тогда, он услышал громopodobный голос:

— Али! Али! Посмотри перед собой! Это Я пришел, твой Наставник!

Али, проснувшись, увидел, как перед ним возник Облик Света. И он это знал точно.

Склонившись перед Ним, Али услышал продолжение обращения:

— Я — Архангел Джабраил. А твой народ погряз в мерзости ложного поклонения. И даже белая твердыня Камня Аллаха стала черной. Хотя его и касалась Десница Божия, он стал черен от грехов людских. Пора дать миру новое Учение Истины. И начало ему мы положим сейчас. Велик Аллах. И миров под властью Его множество. А новое Учение приблизит мир хоть на шаг к истине высшего человечества. И, несмотря на то, что ты не познал грамоту, Бог тебе дал отменную память.

Голос звучал. И волна знаков ложилась в сознании Али на изумрудный шелковый свиток, складываясь в речитатив духовного гимна Творцу Вечного Мира,

Всевышнему, незримому, но обладающему могущественной властью создавать целые вселенные.

Голос наполнял пространство. И вместе с начертаниями слов открывались начертания Небес. А земля стала прозрачной, как хрусталь. И Али мог видеть, как диковинные существа наполняют недра планеты, создав целые подземные государства; как живут города в дальних странах и как с севера идет Свет, озаряющий всю Землю.

Камни сияли невиданным светом. И вся гора Хира переливалась, как драгоценный камень. И от невероятного душевного волнения и усталости Али впал в глубокий сон, который продолжался так долго, что домашние забеспокоились, не увидев вечером ни стада, ни самого пастыря. А когда начали искать, обнаружили его в глубоком обмороке.

Али отнесли домой, где целых семь дней он не приходил в себя, находясь в состоянии летаргии, или, как утверждали позднее, пребывая в садах Господа, где гурии ухаживали за ним и обучали мудрости ангельских отношений.

В мир явился новый Пророк, который станет Учителем для множества народов. И Вера Его будет одним из трех самых великих почитаний Всевышнего по числу ее последователей.

С тех пор Али очень часто страдал приступами длительной летаргии и, как это состояние называли его недруги, падучей. И это вызвано было непомерной завистью со стороны одноплеменников и родных, ибо они понимали, явление какого порядка зарождается около них.

До поры до времени о беседах Али с Архангелом Джабраилом знала лишь его жена. Но постепенно весть разошлась далеко за пределы Аравии. И, сам того не ведая, бедный юноша стал магнитом духа для тех, кого не устраивало поклонение демоническим существам пустыни и джинам, которые владели безраздельно умами простых людей и требовали беспрекословного подчинения и беспрестанных человеческих жертв.

Обладая памятью невероятной, Али слово в слово повторял сказанное ему. И люди, близкие ему и грамотные, запечатлевали это в словах. И когда он проверял записи, то находил неверный знак, потому что зрительно помнил, как это было написано на показанном шелковом свитке и продиктовано Посланником.

Изнывая от непонятого внутреннего жара, Али не находил себе места. И лишь когда клал голову на колени своей жены, он успокаивался от ее нежных поглаживаний и впадал в спокойное забытие, которое было лишь жизнью в иной плоскости сознания.

Кто-то не верил Али. Кто-то перевирал его послания, приукрашивая и выдавая за свои, поскольку сам он не ведал мирской грамоты. Но весть о Посланнике Божьем разлетелась по аравийским землям так стремительно, словно огонь — по пороховой дорожке. Многие приезжали, чтобы тайком посмотреть на юношу и вынести свое мнение, не подверженное влиянию со стороны. Были скептики и отрицатели, и особенно среди близкой родни. И они-то как раз и воплощали формулу, что «нет Пророка в своем отечестве».

Но все же волна слухов о рождении необычного человека катилась и катилась, опоясывая много раз предел великих пустынь, для жителей которых, суеверных

и чувственных, живущих в суровых условиях, и давалось великое Учение о джихаде — внутренней борьбе человека с самим собой. А если брать по большому счету, то это было Учение о вечной битве благого и темного, законного и запретного в себе самом.

Богатые шейхи открыто высмеивали новое Учение, потому что давно подпали под власть Бога Богатства, тайное поклонение которому пришло к ним от жрецов Сетха, или Сатана, из древнейших пластов истории Египта, а до него — Атлантиды, которую жрецы разрушили почитанием мира пекла.

Али даже не понимал, какой груз ответственности взвалил на себя. И лишь жена, которая была старше его на пятнадцать лет, жалела его и поддерживала его миссию, о которой он пока и не догадывался.

Но обмороки и летаргия случались все чаще, и особенно после бесед в маленькой пещере на одинокой горе. И адепты демонических культов, захватившие Черный Камень, откровенно забеспокоились, потому что страх перед демонами пустыни иссякал, а с ним — и поток подношений. Они стали возбуждать народ против новоявленного богохульника, требуя предать его суду и, по закону предков, побить камнями и отсечь ему голову за предательство веры отцов.

Среди ночи Али разбудил пронизывающий тихий голос:

— Али! Али! Поднимись! Хира ждет тебя!

Закутавшись в теплый шерстяной плащ, он вышел из дома и пошел в сторону гор, поднявшись по каменной тропе, знакомой ему еще с раннего детства. Вслепую, почти на ощупь, он добрался до маленькой пещеры, в которой обычно беседовал с кем-то

невидимым и потом пересказывал свои беседы, обладая редкой способностью запоминать все слово в слово.

А в этот раз пещера была как будто освещена изнутри. Мягкий золотой свет сочился откуда-то из глубины. Великий Дух Джабраил явил Али Свой Образ, что вызвало в нем невыразимый трепет. А сердце зажглось так, словно в нем загорелся тот вечный горящий уголь, который в раннем детстве был введен ему в его средоточие жизни.

Но созерцание Посланника Небес длилось недолго. Чтобы не сжечь живую плоть, Архангел покрыл Себя покровом невидимости и начал передавать Премудрость Божию, которая должна была быть передана людям по мере их разумения.

Голос входил прямо в сердце. И в какой-то момент, распластавшись на полу, Али потерял сознание.

Его жена посылала слуг кругом в поисках мужа, который отсутствовал уже двое суток, пока, наконец, его племянник не показал на гору, где находилась пещера и, взяв с собой несколько человек, не направился в ту сторону.

Тело Мохаммеда осторожно поместили на полотнище и, спустив с горы, принесли в дом, положив на постель. Послали за врачом, который определил, что Али находится в глубокой летаргии и что ничем нельзя его тревожить, а тем более пытаться разбудить, потому что все эти попытки могут повредить его рассудок.

Прошло больше семи дней, пока Али не начал просыпаться, приходя в сознание. А когда очнулся, то призвал доверенного человека, который владел грамотой, и начал диктовать все то, что ему было передано и что он смог запомнить: «Во имя Аллаха Всемилостивейшего и Вездесущего! Велик Аллах

в проявлениях Своих, посылающий нам счастье жизни и горечь скорби!»

Речь его лилась ровно, словно много раз отрепетировано было каждое слово.

Писарь едва успевал записывать. А диктовка длилась день и ночь. А когда не хватило пергамента, перо начало скользить по гладкой стене — до тех пор, пока не были исписаны все три стороны жилища. Писарь обещал принести новые чистые свитки и скопировать тот текст, которым был наполнен дом. И после этого Али решил оставить все эти чудесные замысловатые письма и арабески, которые передавали Его Беседу с Небом наяву и в состоянии сна.

Весть разнеслась далеко об удивительном юноше, который говорит с Великим Духом. Одни считали его одержимым джинами и требовали предать смерти за ересь и богохульство. Другие верили, что в мир пришел новый Пророк, открывший врата новой Веры. Но их было меньшинство. А ближайшие родственники Мохаммеда были так возмущены его словами, что требовали явиться на совет племени, где бы они могли высказать всю свою неприязнь и ярость за содеянное юношей.

На каменистой тропе Али увидел, как черная змея переползла дорогу и скрылась в песках. Следуя древней традиции знаков предостережения, он повернул вправо и пошел в обход горы. И лишь когда он поднялся по крутому склону на вершину, то увидел, что над тропой сидит человек, настороженно всматривающийся в сумерки. Сколько покушений Али миновал, он даже и не считал. Но в саму пещеру недруги входить

боялись, опасаясь того, что Дух-Водитель накажет их за святотатство.

Аравитяне были чрезвычайно суеверными людьми, как и другие дети пустыни и гор. Они ощущали присутствие других существ, которые были невидимы и неслышимы. Плотный воздух, который духи занимали, приводил их в трепет и холод.

В пустыне граница миров размыта. И особенно по ночам кажется, что тьма кишит джинами, от которых нет спасения. И только Луна оберегает от власти зла и страха. Это и было одной из причин, в ряду многих других, по которой лунный символ был избран для нового верования, во многом впитавшего иудаизм и христианство, а также другие племенные суеверия в виде поклонения камням и источникам. Для жителей пустыни последнее было обычным делом: ведь вода и камень дают защиту от зноя, а высокие камни спасают от ударов жестоких песчаных бурь.

В пещере загорелся крошечный огонек, словно светлячок, сидящий на листочке; словно искра, от которой возжигается великое пламя. Али распростерся во весь рост, который был немал, и занял весь пол пещеры. Оставался только тот священный угол, в котором Ему являлся Джабраил, известный в христианстве как Вестник Огненного Мира, Архангел Гавриил, один из главных Помощников Всемогущего и Всеведущего Господа.

В храме огнепоклонников

Острый кривой меч блеснул в темноте. И на нем отразилась вся игра пламени огня, горящего на алтаре храма. Убийцы обступили двух людей — пророка новой веры и священника-парса, который защищал высокого юношу с благородной внешностью.

Заратуштра пытался усовестить толпу, призывая ее к справедливости. Но ярость сына царя, приверженца культа черной магии, не знала меры, потому что, помимо власти мирской, он был одержим самим Ариманом — духом зла, которому он служил и приносил жертвы, каждый день убивая кого-нибудь.

Острый клинок вошел в тело и поразил одним ударом двоих. Кровь двух людей смешалась, благодаря убийству, воедино. Жертва и защитник стали кровными побратимами на все века земной истории.

Священник-парс умирал с улыбкой, думая о выполненном долге. А пророк уже видел будущее своего защитника и, легко оставив тело, помогал духу священника выбраться из ужасного и болезненного состояния предсмертного неразумия.

В пламени внезапно вспыхнувшего алтарного огня убийцы увидели, как перед ними, над сраженными, лежащими на полу бездыханными телами, возникли два сияющих силуэта, в которых можно было узнать черты убитых ими только что людей, которые, помедлив, устремились в вихрь пламени, уходящего вверх, и исчезли под куполом храма. Многие уstraшились и бросились бежать. И только черный царевич злорадно

ухмылялся на все то, что увидел, хотя и был сражен тем, что не смог уничтожить своего заклятого врага, к которому ушла его невеста.

Времена Древнего Египта

Эхнатон и Асира

Прозрачные занавески бесшумно колыхались, не давая прохладе, идущей от камней, покидать покои дворца. Вся каменная терраса, которая была такой длинной и широкой, что на ней можно было устраивать бег колесниц, уже раскалилась от полуденного солнца.

Молодой высокий человек нес на руках свою трехлетнюю дочь и тихо шептал ей на ухо нежные слова. Он любил ее так, как только может любить отец нежное создание, душу Богини, посланную ему Богом Солнца.

Последний из дома Аменхотепа, или сам он, заново рожденный, шел к лотосовой ванне, огромному бассейну, расположенному с теневой стороны дворца, где солнце не палило так нещадно и почти не нагревало стен и плит пола. Огромные пальмы укрывали в своем основании жасминовые кусты и розовые заросли, среди которых и находился пруд с огромными белыми и лиловыми лотосами, на цветках которых ползали и жужжали прилетевшие невесть откуда пчелы.

Девочка, которую отец спустил с рук, побежала к воде. Большие ступени были ей велики. И она, становясь на колени, осторожно спускалась вниз, на каждую из них, оглядываясь на отца, который к тому времени уже стоял около купальни для детей, где дно было мелким, а лотосы росли не так густо. Ничего не страшась,

девочка вошла в воду по грудь и неожиданно поплыла, легко и умело, словно от рождения могла это делать.

Но все же отец, стоя по пояс в воде, следил за юным существом, чтобы девочка не потеряла равновесия и не утонула. Но малышка так хорошо и игриво плыла, словно это был детеныш дельфина, а не человека.

Потом она расскажет отцу, что когда-то, на другой планете, где был только водный мир, люди существовали в формах, подобных телам китов и дельфинов, имея в глубине воды, на самом дне, свои города и великолепные дворцы, которые сами и строили каким-то своим, не понятным для землян способом.

Имя девочки было Асира как память о той далекой звезде, под которой она родилась в час разлива Нила. Мудрецы говорили, что Нил переполнился, потому что слеза Изида упала в воду: звезда Сотис в это время поднялась и стала видимой над горизонтом.

Хранитель Мудрости

При дворе каждого из фараонов всегда и во все времена существовала огромная библиотека, Хен, в которой хранились свитки и книги по разной тематике. При ней находился Главный Хранитель, приравненный к Верховному Иерофанту, потому что имел познания в любой области и чуть ли не наизусть мог цитировать многие сокровенные тексты, которые для других жрецов, и даже для самого фараона, были закрыты.

Хранитель не общался с людьми, а с фараоном связь осуществлялась через посредника-жреца. Он выходил из подземелий дворца лишь в исключительных случаях — чтобы вылечить одержание среди членов царской семьи или чтобы, по поручению фараона, совершить дальнейшее путешествие. Его жилищем была великая библиотека. А взаимодействие с обычными людьми нарушило бы способность общаться через книги с Хроникой Акаши.

Сказано, что нужно научиться читать между строк. А у Хранителя Хена это было основным занятием, потому что, воспринимая слова как опорные сигналы, при помощи их внутренних вибраций человек открывает потаенную дверь как в собственное хранилище знаний, так и в Великую Библиотеку Беспредельности, где можно взять лишь то, что доступно мере сознания каждого и усилиям ума, которые допустимы. Если осел способен везти на себе определенный груз, то на него не взвалишь поклажи слона. Даже жадный человек не способен унести сокровищ больше, чем может: иначе смертельно надорвется.

Хранители Хена являлись самыми образованными людьми государства. Помимо познаний в медицине, философии, этике, математике и геометрии, не считая музыки и химии, физических наук и минералогии, они были знатоками тайных учений. Они не просто знали, но и умели сами многое из того, о чем даже не догадывались люди. Это была Академия наук в одном лице. Их считали Аватарами Самого Бога Амона, добровольно приходящего на помощь людям в теле живого воплощенного.

Хранитель Хена, этот Страж Мудрости великой страны Хеми, во многом был явлен как царь знаний.

Хен — тайная библиотека в Фиванской горе — был скрыт от всех глаз. Это была государственная тайна Египта. И лишь только Хранитель имел право находиться в ней и знал расположение комнат и закрытых камнями помещений, где находилась Книга Заклинаний Тота Ибисоголового, Книга Живых и Книга Мертвых — в том единственном варианте, доступном лишь самым Высоким Посвященным, которые были уже не людьми, а Богами, или земными воплощениями Небесных Сил.

Хен имел много ходов и этажей с выходом как на горные площадки, откуда хорошо можно было рассмотреть долину Нила и сам Луксор, лежащий за рекой, на востоке, где стояли великие храмы и святилища, так и на самую вершину, с западной стороны которой скрывалась Долина Мертвых, древнейшее упокоище царей Египта, в чьих недрах с незапамятных времен хранились фараоны гигантского роста, потомки великих Белых Богов, пришедших с севера и основавших царство Хеми.

Тоннели библиотеки имели выход даже к Нилу. Он использовался тогда, когда по необходимости требовалось срочно покинуть Хен, забрав с собой самые ценные книги, доставшиеся от атлантов и которые лишь единицы в мире могли прочесть свободно. Но такие события были редкими, и даже почти невозможными, потому что Хранилище Мудрости при должном случае закрывалось монолитной каменной плитой, которую невозможно было отличить от остальной коренной породы, а можно было принять за часть горы, которая выглядела неприступной.

В дворике существовал свой храм, где собирались основатели Ордена Белого Хлеба — Луксорского Братства, как он будет позднее назван. А Хен считался самым сокровенным местом, куда имел доступ лишь Великий Иерофант и доверенный Ему Хранитель Мудрости.

В библиотеке было тайное помещение, где происходило общение с Богами, одним из самых почитаемых из которых был Хонсу, Бог — Сын Солнца. Он, как и Бог Гор, непосредственно участвовал в земной жизни, в повседневности, помогая тем, кто к Нему обращался.

В этом небольшом зале стояла статуя Бога Сына, созданная из девяти металлов. И эта статуя в полный рост могла не только говорить, но и совершать действия, и даже ходить. Сочетание металлов реагировало на поток вибраций, идущий от Сыновнего аспекта Солнца, и соответственно поступало. Приказ шел свыше, в отличие от других статуй, которыми сами жрецы могли манипулировать для собственных целей. Когда требовался совет или определенное указание, Великий Иерофант обращался к статуе Бога Сына и получал ответ.

Хен был вырублен глубоко в горе на нескольких уровнях — так, что южное солнце не достигало глубин их своей изнуряющей жарой. Это был Храм Знаний — великая библиотека царства Хеми, где можно было найти ответ на любые вопросы того мира.

Библиотекарю запрещено было выходить во дворец, и тем более в Фивы, где кипела мирская жизнь,

бурлили страсти и люди предавались всем искушениям с упоением и охотой.

Слуги приносили в каморку, где главный Хранитель Мудрости жил, все самое необходимое. А сама жизнь мудреца текла в окружении свитков и золотых книг, удивительных полотен, на которых можно было следить за фазами Луны и предсказывать затмения Солнца.

Но иногда он все же открывал маленькое окно и тайную дверцу, ведущую на склон горы по узкому тоннелю, по которому можно было идти, лишь полу-согнувшись или на корточках. И тогда он видел чистое небо и слышал, как перекликалась стража, а факелы в руках воинов дрожали возле царских ворот. А самого Хранителя вряд ли мог кто-то увидеть. Да и о тайной дверце никто не знал, потому что она была заставлена каменным столом, который отодвигался при нажатии каменного рычага.

Воздух был напитан запахом цветов. А далеко-далеко за Нилом восходил молодой месяц, острый и чистый, как Око Бога Озириса, которое глядит в душу каждого.

Площадка, куда по ночам выходил Хранитель Мудрости подышать ароматами цветущих трав и услышать, как мелодично и тонко поет Нил, шевеля прибрежные тростники и лотосы, была на горе. Часто на своем каменном уступе он дожидался, сидя в позе размышления, того времени, когда восток начинал светлеть и ладья Солнца приближалась к пределам священной земли.

Несмотря на свое одиночество, он был счастлив, потому что знал, помимо того, где лежит тот или иной свиток, описывающий самые сокровенные тайны, еще

и внутреннюю свою библиотеку, которая была богаче, глубже и обширнее земного ее отражения. Некогда Сам Ибисоголовый посвятил его в Мистерию Всемирной Силы Премудрости. И то, чем он владел, часто даже не осознавая этого, нельзя было ни начертать на папирусе, ни объяснить языком человеческим. Нужно было просто побыть рядом и посидеть около такого человека, чтобы найти внутренним своим чутьем ответы на все вопросы, лежащие тяжелым грузом на сердце. А легкость после общения, даже если оно было молчаливым, говорила о том, что напряжение исчезло и больше не мешает продолжать жизнь. И самого Хранителя обучали и продолжали обучать точно так же.

Гора была почти неприступна. И лишь овцы да козы иногда забирались немного по ней в поисках скудной травы. Тропинки вверх существовали, но они были так круты, что редко кто мог бы рискнуть подняться.

Так мудрец предавался раздумьям. Но из размышлений его вывел шум осыпающихся камней и чье-то тяжелое дыхание. На площадку взобрался человек. В темноте трудно было угадать, кто это, но глаза различили женщину.

— Что тебе нужно? — спросил жрец.

Оторопев от неожиданности, девушка ответила мелодичным голосом:

— Я искала пропавшую овцу. Извини, господин, если помешала твоим опытам. Я слышала, что во дворце живет волшебник, который проходит сквозь стены и может даже летать.

— Люди любят сочинять. Но твоей овцы здесь нет, и я ее не брал.

— Я это знаю. Потерянное найдется так или иначе. Но как обрести то, чем не владеешь?

— И что же тебя беспокоит?

— Я желаю обрести мудрость, чтобы помогать слабым и униженным. И на это готова жизнь положить, а не то что силы взобраться вверх. Я из бедной семьи. Но жажда знаний так меня тревожит, даже больше, чем игры и танцы. Моя мечта была встретить того, кто мог бы наставить меня и обучить. Чистых людей так мало, а мудрость так высока.

— Похвальны желания твои. Но каким образом ночью ты поднялась на такую высоту? У Фиванской горы нет козьих троп. Только дикие козероги могут подниматься по острым камням.

Девушка чуть слышно усмехнулась и ответила властной интонацией:

— А ты не понял, жрец, что пред тобой твоё искушение? В упоении своей правотой ты не узнал порождения ночи, которое может тебя низвергнуть вниз, как легкий камень. Но ты нужен мне, как и я тебе. Заклятия твои сильны. Но справиться с силой воплощенной Богини Луны тебе не удастся.

Девушка захохотала и полетела вниз с обрыва, распустив свои черные крылья.

Жрец был ошарашен и почти испуган. Не ощутить холодного дыхания тьмы для него было поражением. И на умудренного есть много ловушек. И, вернувшись в свой Храм Мудрости, перебирая один свиток за другим, он начал искать упоминания о ночных ведьмах, превращающихся в юных дев, о том, чем грозят такие встречи и каким образом можно защитить себя и Владыку от такой напасти.

Перед ним лежали тысячи свитков. Но нельзя было медлить, чтобы найти верное решение. И, по закону Иерархии, нужно было испросить совет у Ибисоголового.

— Великий Вечный! Предел моих возможностей наступил! Я возжигаю благовония пред Изображением Твоим! И через него я слышу, вижу и чувствую Тебя! Владыка Трижды Великий! Мой духовный Отец! Что это было? Наваждение или сон? Тайну мою открой и развея сомнения! — вопрошал Хранитель.

В белой пещере повеяло весенним ветром. Свежесть наполнила помещение. И тонкий, едва различимый глазами облик Отца Мудрости проявился в дыму благовоний. Шепот доходил до самого сердца. А слышали не уши, а духовная сущность.

— Обмани это искушение. Сделай вид, что поддался. И посмотри, к чему оно приведет. Но не проявляй излишнего мысленного сопровождения. Сознание должно быть непроницаемым. Накинь на него зеркальный кокон духа. Искушение лишь обратная сторона постижений. Сетх и его слуги очень осведомлены о том, какие сокровища находятся под твоим началом. Есть Книга Мертвых, но есть Книга Живых, способная продлевать существование бесконечно в любом из избранных тел. Скорее всего, идет охота за молитвой Воскресения для кого-то из поверженных слуг Сетха. Но Озирис, хоть и считается ввергнутым в нижние слои существований, в Высшем Своем аспекте являет С собой Свет, как и Великий Сын Его, Гор.

— Страшиться нечего чистому сердцу. Если нет в душе грехов, за которые цепляется крючок Мары, то будь уверен, что такого рода существа действуют только через страх, который душа допускает на одно лишь мгновение. Но поверь в свою неуязвимость, — продолжал Ибисоголовый, который вовсе не был таковым.

Просто жрецы прикрыли истинный облик смысловой нелепостью или глубоким символизмом.

Но защитную мантру Хранитель Мудрости все же начал искать. И осуществлял он это тщательно и со знанием дела. Но найти нужное охранительное заклинание никак не удавалось.

От усталости жрец уснул. И неожиданно с самого верхнего уровня хранилища папирусов перед ним упал древний свиток, который, судя по всему, давно никто не брал. Мало того, он был помещен в футляр, на котором стояла восковая печать с оттиском Ибиса. А это означало лишь одно — свиток был из личной библиотеки Отца Мудрости, из тех многих тысяч наставлений, которые были принесены миру вместе с Изумрудной Скрижалью.

Попросив разрешения и благословения, жрец сорвал восковой оттиск, извлек свиток и развернул его на каменном столе. Значков египетской письменности на нем не было, а была древняя руническая текстовка, которую могли читать лишь Высшие Иерофанты. Но Хранитель был знаком с этим видом письма и наречием Белых Богов.

В свитке шла речь о перерождении Богов и людей, о древней тайне вечной жизни, об оберегах и охранительных молитвах.

— Зукар Аббали, изыде! — прочитал он строчку в середине свитка.

И мысленное произнесение возбудило в голове ряд ассоциаций, вслед за которыми потекли образы и картины из невиданных далее прошлого, а может быть, будущего — или из того места, где они сливаются воедино.

Белые храмы и величественные дворцы явлены были. И в них жили и молились огромные люди — гиганты, для которых каждый из современных людей был лилипутом.

И с большим удивлением Хранитель увидел себя самого среди гигантов белого вида. В хрустальном храме, перед огромным зеркалом, коленопреклоненный, он читал вслух книгу из золотых листов, произнося приветствие Великим Богам и призывая Их не оставлять сынов человеческих до их исхода с этого планетного поля.

И явившаяся в зеркале Богиня, невероятно красивая и удивительно, неопишимо чудесная, ответила ему, что он сам из числа Высших Богов, через которых будет сохранен род человеческий, и что доверено будет его духу, пришедшему из далей невиданных, идти по тропе Хранителей Мира, в какой бы области это ни выразалось.

— Пусть не пугают тебя ночные духи, ибо призрачное тело Лилит их напитало. Но вред нанести тебе они не посмеют, ибо под Покровом Лады, под Покровом Высшего пребывает Хранитель. Судьба остережет от бед. Но Судьбе нужно довериться как Матери, которая возвращает каждый талант, как тело ребенка. Земля Хеми несет в себе искру Вечной Мудрости. Владыка Серапис есть наследник и воплощенный дух Отца Мудрости.

Чаще всего Хранители тайных знаний являли собой если не воплощение, то привхождение в тело силы Бога Хонсу, одного из аспектов Солнца,

которого боялись все одержатели. Постоянно носить в себе мощь такого огня было бы маловероятно, даже почти нереально. Но в необходимый момент допускалось вхождение духа солнечного огня в человеческую форму, которая сама страдала от такой процедуры. К Эхнатону во время его утренних молений могла подходить только его жена. Они вдвоем, совершая обряд встречи Солнца, сами сияли, как расплавленное золото. И свет их ауры исходил от головы так, что казалось, будто Сам Владыка Небес и Сокровище Дня передает им Свою Силу.

Но Хеби — так звали Хранителя Хена — не считал себя фигурой, равной этим великим людям. Но все же он испытывал привхождение огня Хонсу, особенно когда нужно было кого-то вылечить от душевной болезни.

После встречи с демоницей ночи, он, перебравший тысячи папирусов, понял, что единственное средство защиты от слуг Сетха — это призыв и допущение в себя солнечной силы, которой опасались все порождения тьмы, привыкшие тень ночи считать своим прикрытием. Но физический носитель своей чистотой должен был быть подготовлен к такой высокой мистерии. Ведь это не вызов дымного духа или пламенных стихий. Духовная радиация испепелит каждого, кто в сердце имеет хоть малую непрозрачность и червоточину обмана.

Работа над собой, над течением сознания, над разумной стороной жизни никогда не может закончиться, потому что дух, помещенный в форму человеческую, пришел издалека и не на земле его начало положено. Спрашивая у сердца, каждый — не то что великий ученый, который провел в добровольном заточении внутри Фиванской горы двадцать три года, — слышит ответ,

но не может отличить шепот истины от чужих мыслей, которые пронесит мимо река времени.

Хеби усвоил самое важное из тысяч или десятков тысяч прочитанных книг: в любом случае, чтобы страх и сомнение не входили в сердце, нужно неотрывно держать связь со Светлыми Богами. Иерархический Луч и постоянное памятование об избранном Владыке — вот источник непобедимой силы. И тогда для полного овладения ситуацией нужно лишь одно заклинание — повторение высокого и тайного Имени Божественной Силы. Это не то наименование, что беспрестанно повторяют толпы людей, но Имя сокрытое, имеющее свойство незамедлительного соединения с Духом Божества.

Молитва — это лишь просьба снизойти до нужд народа. Но тайный смысл подключения к Силе Бога состоит в том, чтобы позволить Ему соучаствовать в общем действе жизнеустройства. Приглашением к трапезе жизни можно назвать такой призыв — без гордыни, без панибратства, без мысли о том, что ты приблизился к истине и что-то постиг, но лишь обращаясь с просьбой принять сосуд твоего тела как вместилище для проявлений на земле Божественного Огня Истины.

Хеби знал, что это и только это есть суть веры всех людей, хотя и выраженная в разном виде напряжения и предстояния.

Древний свиток

Папирус, который Хранитель Мудрости обнаружил на самой верхней полке библиотеки, был очень большим. И заложен он был в полость деревянную округлой формы, перевязанную золотой проволокой, на

концах которой были две печати. По всему было видно, что его не трогали с той поры, как он был помещен в это подземное хранилище Фиванской горы.

Хранителя неотступно мучил вопрос: имеет ли он право открывать такого рода свитки? А вдруг в них хранится какая-то тайная весть или послание из далекого прошлого, а еще вероятнее, небесное письмо, о котором он слышал от своего Наставника и Учителя всех премудростей.

Наставник утверждал, что в хранилище есть книги Самого Бога Тота Трисмегиста, чье знание распространялось сквозь времена и не имело равных в мире. Одна только Изумрудная Скрижаль считалась ключом прочтения многих и многих его трудов, число которых было пятьдесят две тысячи единиц хранения. И большинство из них находились здесь, в этой пещере. Порой даже казалось, что мудрость основателя Египта просачивается из носителей своих в виде лучей света или тончайшего тока. И можно было почувствовать, и даже осознать, ее, не разворачивая свитка.

Считалось, что началом всего познания мира земного была Великая Северная Книга, написанная на горе из серебра в землях незакатного солнца и вечного дня.

Свиток был размером в три локтя. И его надо было снять с высоты около пяти метров, куда вела каменная лестница, вырубленная целиком из скалы, под которой находился магический стол для распечатывания и прочтения рукописей. Он занимал значительное помещение, потому что энергия познания требовала пространства, как тонкого, так и физического.

Это была целая мистерия разворачивания свитка. А перед этим происходил ритуал снятия печатей — с произнесением молитв и обращением к Солнечным и Лунным Богам: иначе тайные заклания могли

навредить Хранителю. К этой мистерии допускались несколько помощников, которые были учениками Библиотекаря. Ученики были необходимы, чтобы не прерывалась цепь Хранителей Мудрости. И из их числа избирался самим Владыкой Знания новый жрец, наследующий, помимо титула, еще и волну связи с Самим Богом Тотом.

Некоторые цари считали Хранителей волшебниками. И для этого было основание. Но против божественной крови царей никто не восставал. Лишь однажды жрецы Сетха захватили власть и утвердили ее под видом другого божества, господство которого продолжалось многие и многие дни. Все служители культа Бога Амона, подпавшие под власть золота, стали тайными последователями Бога Пустыни, сами того не ведая.

Приближалось время, когда можно было достать запечатанный огромный свиток, которым пользовались еще Титаны — первые божественные люди. Час был рассчитан библиотечным астрологом, который указал время, когда открытие и прочтение способно наиболее благотворно отразиться на сознании людей и не нанести вреда неподготовленному уму.

Аму, помощник Мудрейшего, молодой и красивый жрец, отличавшийся исключительной сообразительностью и смекалкой, по поручению Высшего вместе со своим сотрудником начал опускать свиток с верхней полки. Мудрейший предупредил их, что даже прикасание и те несколько минут, которые были отведены на то, чтобы опустить свиток вниз и положить на ритуальный стол, могут преподнести непонятные сюрпризы в области чувствований. И молодые жрецы-послушники почувствовали это, как только дотронулись до

футляра, в котором хранился свиток. Нервная дрожь, порой переходящая в невыносимый жар, запульсировала сначала в пальцах, а потом побежала по всему телу волнами огня, пульсация которого учащалась, пока они вдвоем несли вниз этот дубовый саркофаг сокрытого до времени знания. Казалось, что они проходят сквозь плавильную печь, где золото обретает текучесть воды. С трудом, на особых подвесках, надетых на тело, юноши опускали свиток по лестнице из-под самого потолка с росписью созвездий и изображением Матери Нейт, испытывая такую невыносимую тяжесть, что едва-едва водрузили его на гладкий базальтовый стол.

Радиация древнего знания словно замолкла, когда Мудрейший прикоснулся к одной из печатей, произнеся:

— Амун Ра! Атиастати! — древнюю формулу снятия заклятий, пришедшую из погибшей Атлани.

И, совершив крестоналожение двумя перстами, Верховный Жрец, смиряя волнение и внутреннее напряжение, соединив сердце свое с Богом Тотом, сорвал золотую печать с изображением орлиного ока с одной стороны и знаком медвежьей силы, зверя, о котором в Фивах никто не знал, с другой.

Золотая спираль проволоки распахнулась, ослабив натяжение. И когда обод был убран, круглая дубовая оболочка раскрылась, обнажив древний свиток, свернутый в тугой рулон. Его вынули из футляра и, удалив младших учеников, Великий Иерофант в окружении Братьев, равных по уровню силы и знаний, стал разворачивать его оборот за оборотом. Из-под каждого движения рук Высшего, словно освобождаясь, выпархивали, подобно райским птицам, зримые духовным взором мыслеобразы, никуда не исчезая, но повисая вокруг стола и насыщая пространство. Можно было

услышать тонким слухом чьи-то голоса, говорящие на языке Богов, и даже тончайшие ароматы дивных цветов, отголоски тихих молитв и их слова, повторяемые многотысячной толпой.

Без психической подготовки от такой волны видений и новых впечатлений можно было бы лишиться рассудка. И пока свиток не был развернут целиком, царила ситуация недоумения: стоит ли высвободить силу древнейших знаний?

Свиток лежал на столе мистерий, расправленный руками Посвященных. И столб света вышедших из него сил превратился в ослепительно яркую фигуру Духа Мудрости. И рядом жрецы увидели Самого Владыку Трисмегиста, который явился в тончайшем световом теле перед Братьями и начал беседу с Духом Книги, поприветствовав его поклоном и касанием правой рукой своей груди и протягиванием сложенных ладоней над головой и вперед к собеседнику.

А Сущность Света заговорила:

— Мой дух долго был в покое. Но это не мешало ему учиться. Я приветствую вас всех и Владыку Тота за освобождение открытых мною знаний, пришедших с неодолимой глубины Мироздания. Никто не может, кроме вас, прочесть этот великий свиток Беспредельности, потому что на нем нет зримых начертаний, а лишь сокровенный видеоряд мыслеформ, который открывается каждому по его разумению, отзываясь на звучание Чаши накоплений и сокровенные желанья, подкрепленные чистотой духа, выработанной дисциплиной мысли. Каждый прикоснувшийся к этому свитку найдет и познает лишь соответствующее его уровню. А в зримом мире это будет просто набор столбцов цифрового кода. Этот свиток был спущен

с высоких Небес. И в нем заключена голограмма опыта погибшей планеты из созвездия Ос-Сириус.

От прикосновения весь развернутый свиток засветился, словно огромный экран, который обрел глубокую трехмерность, а может быть, вместил множество других мерностей.

Из глубины космического пространства выступали галактики и созвездия, в них входящие, приближались отдельные звезды и планеты, которые вращались вокруг них. От пространства космического образы перешли к фокусу той планеты, историю или сведения о которой хранил этот свиток.

Миллионы и миллиарды лет существования разумной жизни — от внедрения в невидимый магнитный пузырь мыслеформы Творца до уплотнения его до состояния тверди, а также образования природного мира и самого человечества, — пролетели за несколько минут. И ошеломленные жрецы могли видеть как прошедшие века, так и отдельные мгновения из жизни человечества того мира, в целом и по отдельности усматривать обучение каждого разума и наслоение спиралей опыта, состоящих из тонких энергетических нитей познания.

Этот настоящий метаисторический экскурс не был бы так интересен, если бы в нем не было страниц о приходе белых людей на север мира, в страну незакатного солнца, на новую молодую планету, которая лишь недавно отвердела и еще не накопила мощи тяготения за счет уплотнения. Огонь остывающей магмы согревал планету снизу. А солнце помогало сохранить на всей ее поверхности тропический климат.

Через свиток открывались любые хранилища знаний, давно исчезнувшие, но не уничтоженные. И если

ум не понимал языка, на котором были написаны тексты золотых книг и манускриптов из неизвестного материала, на котором были нанесены оптико-волновые импульсы, выделяемые при мысленном касании, то дух свитка переводил в режиме голосовом этот свод знаний.

В изумлении пребывали Братья. Но им было не впервой удивляться. Изучение чудес было их делом. Они постигали законы феноменального мира, которые подвигали уровень планетного знания. И Сам Высочайший постигал из Чаши Космической Мудрости и не уставал это делать, зная правило, что, если дух перестает погружать себя в любознательность, он умирает. И, на самом деле, по законам Братства, есть полоса обучения, необходимого для земного учительства, но есть непрекращаемая жажда знать. И у кого она наиболее остра и ярко выражена, тот добывает мудрость даже из пространства. Но закон соотношений и баланса между внутренней чистотой и получением знаний и психосил никогда не может быть отменен. Чем чище душа, тем больше ей дается.

Времена Сол-Амона

Песнь Песней

Ночь принесла прохладу. Но камни дворца, нагретые южным солнцем, нехотя отдавали свой жар. Лиловые занавеси шевелились от потянувшего с севера морского ветра, смахнув со стола папирусные листы, исписанные ровным каллиграфическим почерком. На каменном столе, сделанном из белого, как снег, мрамора, стояла чернильница. А тростниковое перо держал в руках юноша Шабал, которому самим Владыкой поручено было сочинить любовное послание.

Он был скромен, сын Суффрема, попавший во дворец Властителя Востока совсем случайно. Его родиной была далекая Сирия, где на самом севере тянулась красивая горная гряда, на склонах которой росли виноград, гранаты и финики, не говоря уже о яблоках и грушах.

Дом родителей стоял в горах, около бегущего ручья, задней стеной прикрепленный к скале, где хранились запасы семьи и куда уходил таинственный подземный лабиринт со ступенями и сводами. Отец потом заложил его кладкой из опасения, что кто-то может оттуда появиться, да и по причине леденящего ветра, которым постоянно оттуда тянуло. Горный сквозняк прекратился, как только были заложены своды почти в три метра высотой. И рядом с этой кладкой, сбоку от кладовки, была приделана маленькая комната для

Шабала, что было редкостью в ту эпоху, где Шам рисовал, учился слагать стихи и читал свитки, которые отец, купец средней руки, привозил из дальних стран.

Школа была внизу. И Шабал учился успешно, схватывая на лету то, что ему было интересным. Имея острый ум, он быстро освоил несколько языков, в том числе греческий, да так, что мог читать и понимать свитки, которые брал у учителя.

Однажды отец привез из поездки странную тетрадь, листы которой были склеены то ли из папируса, то ли из пальмовых листьев. А склад записанной в ней речи поразил Шабала необычайной певучестью, и даже музыкальностью. Это было похоже на звон ручья и пение ветров в цветущих гранатах, на голос капель дождя, улетающего вниз с крыши.

Он спросил у отца, что же это может быть? И Суффрем, умудренный, но еще не старый человек, ответил ему:

— Это стих, сынок!

Томительные строки как будто заглядывали в сердце Шабала и навевали предчувствие неведомых состояний, испытать которые ему еще предстояло, и не в одной жизни.

Аромат цветущего сада заставил все это вспомнить. Сквозь колеблющийся свет лампы Шабал видел пляшущие тени от движения своей руки. И он писал и писал, складывая слова в кружевную вязь любовного послания. Но как можно было писать о том, чего он еще не знал?

Шорох шагов уловил его тонкий слух. Из-за занавесок вышел сам великолепный Сол-Амон, дышащий благовониями, тонкими и едва заметными.

Шабал склонился низко и произнес:

— Повелитель! Ты благоухаешь, как цветущий сад. Я было принял аромат приближающегося царя за цветущую рощу возле Кедрона.

Царь усмехнулся одобрительно и спросил:

— Дорогой друг мой, Шабал, ты написал послание?

— Повелитель! Я не смею Тебя просить. И Ты прости недостойного раба... — Шабал замялся в нерешительности, говорить это Владыке Мира или нет. — Но прежде позволь увидеть ту, которой нужно адресовать это послание. Это, наверное, дочь фараона? Я не смею просить войти в Твой гарем, но мне нужно понять... — не договорил он.

Царь ответил:

— Нет ничего проще. Не нужно входить в мой гарем, что законом запрещено, как ты знаешь, и карается смертью. Но здесь дело тонкое. Если ты умеешь хранить тайну, я тебе покажу Суламифь, возлюбленную мою. И она простого рода. Я приглашу тебя совершить прогулку — и ты сам все увидишь. Не отчаивайся, друг мой. Вдохновение придет, как только ты поймешь, о ком я говорю.

Речь Владыки была спокойна и наполнена таким вдохновением и чувством, что у Шама закружилась на мгновение голова. А когда он очнулся, царя Сол-Амона уже не было в его комнате.

Запахи навевали сон. Запахи несли видения. А башня, в которой он жил, открывала вид на дальнее море и северные горы. А южное небо, казалось, было не вверху, а вокруг его жилища, словно паря над землей, над благословенной землей Ханаанской.

Свет был погашен. А тонкий шелк его постели успокоил мысли.

Погулять с царем, да еще и инкогнито, — это возбуждало Шабала так глубоко, что он не мог сдержать волнения. И ожидание просто истощало его, словно он предчувствовал какое-то важнейшее в жизни событие, о котором знал заранее.

Но у Владыки не спросишь. Ему не прикажешь. Шабал знал, какую ношу власти несет на себе его Господин, некогда спасший его от гибели, приблизивший и сделавший своим другом, доверяя ему сердечные тайны.

Присутствуя во дворце на царских приемах и судах и наблюдая за Владыкой со стороны, а также в дни, когда строился Великий Храм и разбирались постройки древнего святилища, стоявшего на горе, Шабал понимал, что это не просто человек, это Бог во плоти, судя по той красоте, которую он источал.

Царь не терпел бездарных советов и предложений, но достойные ценил так щедро, что трудно было себе представить. За понравившееся ему стихотворение он повелевал набить автору полный рот драгоценными камнями или жемчужинами. Однажды Шам даже проглотил одну из них, не выдержав, когда казначей наполнял его вместилище для еды. И, конечно же, это была еще малая плата за удивительное красноречие, истекавшее медом созвучий.

Был у Шама и ярый завистник, который постоянно при всех старался его высмеять и унижить. Это был жрец одной из принцесс, поклонявшийся то ли Ваалу, то ли еще какому-то зловещему божеству. Жертвы крови были запрещены при дворе, но они приносились в скрытых убежищах в горах.

Звали этого жреца Пасседваном. По дворцу тихим шепотом шла молва, что послан он был с тайной миссией похитить какую-то драгоценную вещь, о которой мало что понимал кто-либо. Но речь шла о каком-то Камне, часть которого была вправлена в перстень царя и которому, по слухам, подчинялись духи стихий. Тень Уроил-Зены, духа воздуха, некоторые видели в покоях царя, где хранился ларец с Великим Камнем, с которым ему не хотелось расставаться даже ночью. Говорили, что сила благоденствия страны зависит от того, присутствует ли Камень в столице этого государства.

Шам ждал, но не изнывал. Ему помнились уроки отца. Тот никогда не терял времени.

Шабал ждал, вслушиваясь в каждый шорох, летящий снизу, из глубин винтовой лестницы, поднимающейся в его башню. В окно ветер доносил запах царского сада, цветущего вокруг дворца. Аромат был упоителен. И как человек, подверженный глубокому размышлению и мечтаниям, Шам легко отключился, теряя чувство реальности.

Очнувшись от грез, он ощутил смутное присутствие посторонней энергии запахов. Кто-то поднимался в его келью, но не Владыка. Шам мог определить звук его шагов среди многих других по особой легкости поступи, словно это был не шаг, а взмах орлиных крыльев или мягкая поступь льва пустыни по песку. Походка, как и сопровождающее ее звуковое окружение, всегда уникальна для каждого человека. Слепые безошибочно узнают любого по шуму шагов, как глухие — каждое слово по шевелению губ.

В покои поднялся молодой слуга из свиты царя и, едва сдерживая сбившееся от подъема по лестнице дыхание, сообщил торжественно:

— Повелитель приглашает вас к себе, — и быстро ушел.

Шам легко сбежал вниз, пройдя через площадь, мощенную камнями разобранного древнего храма, стоявшего на этом месте. Кое-где на камнях можно было различить орнамент и какие-то диковинные значки, сложенные в строки. Наверное, это были буквы, полустертые, но все же достаточно заметные и врезанные глубоко в камень.

Стража знала Шабала. Да и кто не знал этого юного поэта, высокого и худощавого, похожего на египетского фараона? За это царь и полюбил его самого и его способность сплести слова в такое сладкозвучное кружево представлений, в котором образы и музыка чувств сливались в невероятном потоке передачи другим глубоких внутренних состояний человека, открывающего свой мир и делящегося щедро, от полноты сердца своей искренностью, словно признаваясь в любви всему человечеству.

— Входи, Шабал! Я уже почти готов. Осталось каким-то образом обмануть слуг, — улыбаясь, произнес Сол-Амон, устремивши взор на Шама.

И тот вдруг отметил, что у Владыки не черные, как уголь, глаза, а глубокие темно-синие, как у дорогих сапфиров, которые когда-то привозил отец из дальних своих странствий.

Закутавшись в темную шелковую накидку, царь поманил за собой поэта. И они вышли из дворца через низкую потайную дверь, которая выходила за город-

ские стены и о которой знали только близкие доверенные лица. А ключ всегда находился в покоях царя, под его изголовьем, где хранился и ларец с великим Камнем Силы.

Снаружи дверь стены была прикрыта колючими кустами терновника. И когда Шам выходил вслед за Владыкой, он зацепился одеждой и чуть было не порвал свой хитон.

Было раннее утро. И легкий туман стелился вдоль Хеврона. Вниз уходили виноградники, на которых стояли бедные хижины и каменные дома с плоскими крышами.

Тропинка от крепостных стен уходила вниз. Две высокие фигуры неспешно спускались, теряясь из вида. И, лишь обернувшись, Шабал увидел, как с крыши его башни вспорхнули голуби, растворившись в небе. Он забыл их покормить в спешке. Голуби были почти ручные, залетая к нему в жилище, после того как склевывали крошки с каменного подоконника.

Царь шел уже быстро. И Шам едва поспевал за ним. Сандалии все время сползали вниз, а пальцы вылезали из переднего отверстия. Дойдя до оливкового сада, царь остановился и дал знак рукой с бережным перстнем, подняв палец вверх.

Издали была слышна тихая песня. Голос был чистый и чарующий. Пела ее юная девушка, которую не было видно. Но звук уже доносился с ароматным ветром, идущим откуда-то снизу.

Далеко, на поляне, можно было различить домик, очень аккуратный и ухоженный. К нему и шла показавшаяся девушка, неся кувшин с водой и тихо напевая.

— Я давно за нею наблюдаю. И она меня пока не заметила. Но мое сердце уже утонуло в ее прелести, — промолвил царь.

— Владыко! Зачем Тебе я, если Ты умеешь так красиво выражать свои чувства? Ты поэт!

— Когда-нибудь попытаюсь. Ты же знаешь тяжесть власти, хотя и не испытал ее. Огонь любви воспламеняет вдохновение, которое само подсказывает слова. Давай вместе попробуем. И пусть знатоки отличат, где твои стихи, а где мои.

— Владыка! Это для меня честь, но я не достоин такого доверия.

— Ты слишком чист и неискушен и часто недооцениваешь себя и сомневаешься. Дар уверенности нужно принять. Посмотри, стоит ли эта девушка моего внимания, на твой вкус, и стоит ли тратить время на мои тайные походы? Я спрашиваю тебя, Шабал бен Суффрем, хороша ли она?

— Я никогда не сомневался в Твоем умении оценивать людей, Владыка, даже когда Ты их еще не видел. А это удивительное, дивное создание, подаренное небом и живущее в такой бедной хижине. Она не просто хороша. Она совершенна. И никакая принцесса гарема, какой бы она ни была прекрасной, не может сравниться с ней. Природная красота как выражение всех лучших качеств дочерей израилевых выражена в ней. Да прости меня Владыка за смелость, но редкий мужчина останется равнодушным, — тихо-тихо говорил Шабал, зная, что у Повелителя очень тонкий слух и что он не будет переспрашивать.

— Пойдем, друг мой! Ты увидел бриллиант моей души и оценил его верно. Это не подделка. Ну, теперь твои глаза видели, а уши слышали, и тебе хватит сил справиться с чувствами. Возвращаемся, — ответил Сол-Амон, — нас ждут дела, и немаловажные.

Они поднялись к стенам дворца и открыли потайную дверь. Чтобы войти в нее, нужно было

наклониться. И Шабал даже слегка ударился головой, перед тем как пройти толстый свод стены.

Почти никто не заметил их отсутствия. А Шам легко, почти паря под впечатлением от увиденного, взбежал в свое жилище и загорелся чувством. Как и царь, он влюбился. Так и родилась «Песнь Песней» царя Соломона.

Пасседван

Пасседван, жрец египетский, прибывший с дочерью фараона ко двору царя Соломона, умел имитировать и подделывать любой голос, вплоть до соловьиного, чем часто развлекал принцессу, да и самого великого владыку Израиля. И потому он так был приближен ко двору, что стража узнавала его и беспрепятственно пропускала даже в царские покои.

Когда царь занемог и потерял сознание, жрец воспользовался его забытьем и снял перстень силы с царственной руки незаметно ни для кого. Но этого было мало лукавому жрецу. Голосом царя он позвал казначея. А когда тот прибыл и стоял за тяжелым золотым занавесом, не смея войти в опочивальню, жрец приказал ему из полутьмы принести из сокровищницы ларец с камнем дивным, часть которого была в перстне, дабы насладиться его видом и отогнать болезнь.

Казначей исполнил эту просьбу и положил ларец на столик около занавеса. Поклонившись низко, он вышел, чем и воспользовался Пасседван. Спрятав ларец в широкие полы своей одежды, он покинул царскую половину и явился пред царевной, известив ее, что он, по призыву Богов, покидает Иерусалим и что если она желает возвратиться, то нужно приказать

приготовить караван. На это царевна согласилась, потому что Соломон был уже в летах и мало женщин впускал в свою опочивальню.

Наутро назначено было отбыть из столицы Израиля. Но едва рассвело, как спешно прибежал гонец с известием о кончине царя царей.

Шабал бен Суффрем

Шам вспоминал часто о своей юности и о том, что его комната в верхнем этаже дома состояла из пещеры с заложённым кладкой входом в какой-то лабиринт, о котором отец не любил говорить. И это мучило юношу таким напряжением недоступной тайны, что, не находя ответа, он решил однажды попробовать разобрать часть камней, чтобы ему, подростку с тонким и гибким телом, можно было заглянуть, а то и пролезть, в проход, чтобы удовлетворить свое любопытство и посмотреть, что же там сокрыто. Тем более что иногда ночью, во время сна, он слышал какой-то тонкий отдаленный шум, доносящийся откуда-то из глубины горы.

Кладка была крепкой, но глина, которой были скреплены камни, поддавалась легко. И спустя некоторое время Шам сумел проделать сквозное отверстие в пустоту, которая зияла тьмой. И легкий земляной сквозняк потянул оттуда, донося необычные тонкие ароматы — то ли это камни имели такой запах, или это пахла сухая благовонная трава, которую отец срывал в горах и приносил домой. Но более всего этот аромат напоминал можжевелевую живицу, которая стекала со сломанных веток и застывала, превращаясь в тугие шарики смолы.

Чтобы не было заметно, что около пола есть дыра, Шам заложил назад вынутые из стены камни и отложил свои исследования до того времени, когда отец отправится в очередную поездку, а мать уйдет работать в поле. Ему, как подающему надежды в учении и освоении языков, истории и стихосложения, родители не докучали обязанностями что-то делать по дому или в саду, а тем более в поле. Дома всегда было достаточное количество работников. А дверь в его комнату была постоянно запертой, чтобы никто не мешал заниматься и чтобы не был обнаружен проход, который он расширил до величины отверстия, в которое легко пролезал.

Шам переставил туда свой стол, а под ним положил стопку книг, чтобы служанка, которая убирала его комнату, ничего не заметила. К счастью, она никогда не трогала книги и свитки, потому что боялась к ним прикасаться, считая, что в них живут говорящие духи. И юноше это было хорошо известно. Такое добровольное табу служанка наложила на себя, когда увидела, как Шам смотрит в раскрытую книгу и каким-то чужим голосом повторяет загадочные и непонятные слова на незнакомом языке. Она посчитала, что духи, вселившись в юношу, заставляют его говорить не свойственным ему голосом. Как бы там ни было, но это заблуждение нужно было использовать.

Через некоторое время отец собрался в дальний путь, пообещав, что в следующий раз он обязательно возьмет Шама с собой. Шаму как юноше были интересны странствия. И не только перемена мест его занимала. Он вглядывался в лица людей на базарах дальних городов и удивлялся, насколько они не были похожи на жителей Сирии. Одни были черны лицом,

хотя и красивы. А другие были белы, синеглазы и имели волосы пшеничного или светло-русого цвета. Их лица были розовы, с едва уловимым загаром. Все в них выдавало северян, живущих в холодных странах, где по полгода лежат снега и лед сковывает реки. Шам знал об этом из рассказов отца, который как купец бывал в тех странах. Там было холодно очень долго, а порой ночь длилась дольше дня.

Попрощавшись с отцом и попросив его привезти из дальних стран что-нибудь из диковинных книг, а еще лучше — учебники философского толка, и даже по медицине и астрологии, Шам заперся в своей комнате и зажег светильник. Разобрав камни, он просунул светильник в отверстие и пролез туда сам.

За стеной была площадка наподобие порога, вниз от которой шли ступени, очень высокие и широкие. Шаму с трудом приходилось спускаться по ним. Одна лестница, более узкая, шла наверх, а пошире — вниз.

Светильник тускло освещал ступени и узкие стены, уходящие вверх и где-то там образующие стрельчатый свод. А Шам шел вниз, почти спрыгивая с каждой ступени, которые сделаны были словно для великанов. Любопытство превозмогало страх. И он все шел и шел, почти не опасаясь за свою жизнь, что всегда свойственно юному возрасту, следуя изречению: «Маленький теленок тигра не боится», — потому что нет соответствующего опыта.

Проход начал расширяться. И шарканье шагов уходило куда-то выше, где звук угасал, словно растворяясь в высоком и огромном пространстве. Где-то запела струя ручья. И Шаму это показалось спасением, потому что он был мучим жаждой. Проще говоря, он не то что забыл, а даже не подумал о том, что ему нужна будет вода.

Ручеек бил из скалы совсем тонкой струйкой. Но этого было достаточно, чтобы подставленная ладонь наполнилась почти ледяной влагой. Хватило трех пригоршней, чтобы утолить жажду.

Такого приключения Шам не испытывал никогда. Здесь были опасность, страх и жгучая тайна, ведущая в глубь горы.

Воздух тянуло снизу. И он не был спертым и душным. Веял легкий ветерок. А это означало, что где-то внизу был выход, значительная шахта или трещина.

Присев, чтобы отдохнуть, на холодную ступень, Шам заметил едва уловимый проблеск света. И чтобы удостовериться в том, так ли это или это ему показалось, он погасил светильник, хотя знал, что зажечь фитиль будет невозможно, потому что с ним не было ни кремня, ни кресала: он взял его уже зажженным. Обычно светильник зажигала служанка, а он лишь гасил, когда отправлялся спать, или оставлял его на ночь по той причине, что в комнате были окна, повернутые на север, и света не хватало.

Впереди, в подземелье, был виден свет. Поставив загашенный светильник на ступени, Шам пошел на далекое и бледное сияние.

Ступени стали меньше и уже и повернули в правую сторону. Свет становился ярче, обозначая рельефные изображения на стенах и сопровождаясь тонким дыханием благовоний.

Когда ступени кончились, обнаружилась маленькая сводчатая дверь, которая была приоткрыта. А перед ней находилась большая площадка в виде квадратной комнаты, очень напоминавшей его собственную

наверху, только без окон. Свет шел уже густым, насыщенным лучом от какого-то мощного источника.

Осторожно и чуть дыша Шам подошел к двери и заглянул в нее так, чтобы его не заметил кто-то неведомый. За дверью он увидел громадную круглую пещеру, посередине которой на высоком подиуме горел огонь. Углубление в камне напоминало огромную чашу. Но горели не дрова или уголь, а что-то наподобие ароматной жидкости, дающей постоянную подпитку пламени и не выгорающей до конца. Это был знаменитый вечный огонь гербов, или огнепоклонников. А пещера служила тайным храмом последователей Заратуштры.

Шам осторожно вошел внутрь. Помещение было пусто. Но где-то на другой стороне пещеры было открыто окно, через которое видно было синее небо.

Обойдя пещеру по кругу, Шам обнаружил еще несколько окон, из которых его родная долина казалась еще прекраснее. А на стенах были высечены изображения существа, которое представляло наполовину человека, но вместо ног у него были распростертые крылья. Шам слышал о верованиях огнепоклонников, которых многие из иудеев именовали фарисеями, то есть происходящими из Персии.

Он любовался диковинными образами и не заметил, как пришел вечер. А огонь, это вечное пламя в центре громадного круглого зала, горел и горел. И Шаму не хотелось покидать это место. Но домашние могли заподозрить неладное. И, глубоко вздохнув, он направился назад, обещая, что сюда обязательно вернется.

Оставив дверь к ступенькам полуприкрытой, Шам начал подниматься и, споткнувшись о светильник, взял

его с собой, хотя тот уже не горел. И почти в полной тьме, поднимаясь тяжело, он снова оказался в своей комнате, обуреваемый вихрем разных мыслей, подогреваемых ярким воображением. Есть совсем не хотелось. Интерес к тому месту, которое он посетил, превосходил голод и жажду.

Шам выслушал рассказ отца, когда тот возвратился из своего странствия, о том, как он попал в чудесный и богатый город, где жили их соплеменники. Сколько же чудес и дивных вещей он увидел, с восхищением рассказывая об этом!

Сыну он привез необычайный свиток с изображением той земли и страны, с указанием дорог, рек и гор, и даже домов для приюта странников. Это была живописная карта, нарисованная давным-давно. А на рынке купец приобрел ее по цене куска кожи.

Язык карты был не похож на тот, которым они пользовались. Но Шам видел подобные знаки у знакомого мальчика, живущего по соседству. Его семья была армянами. А Сирия во времена древние входила в их империю.

Шама поразила величественная гора, на которой возвышался древний храм, больше похожий на неприступную крепость. Именовалась она горой Морию. А почему — этого никто не знал: ведь в наименованиях древних всегда сокрыта тайна. Но кто-то упоминал о том, что земли эти некогда, до прихода в Ханаан израильтян, принадлежали древнейшему роду вождей человечества.

Шама одолевала мысль: «Неужели храм пуст и никто его не посещает? И откуда же тогда по ночам слышится грохот отдаленного бубна и тонкий звук свирели? Для кого же создан этот оазис тайной жизни с пламенем огромного вечного огня, если ему никто не служит?»

Юноша так был погружен в рой скопившихся в голове загадок, что не заметил, как уснул. И он увидел дивный сон, словно наяву.

Он спускается по ступеням в тайное убежище и вместо открытой двери находит ее запертой. Он стучит в нее что есть силы. И ему открывает дивный старец в белом, убеленный сединами, с повязанной на голове чалмой, и приглашает пройти к вечному огню. А вдоль стен стоят высокие красивые юноши, ожидая знака старейшины. Не говоря ни слова, наставник взмахивает рукой — и все начинают кружиться в танце под музыку, звучащую ниоткуда. Кажется, что поет огонь или камни, а может, само небо.

Старец шепчет Шаму:

— Кружись, ибо имя отца твоего «Суффрем». А это означает «суфий». Тайна всех тайн — в тебе самом!

Шам начинает вращаться и отрывается от пола, удивленно замечая, что все юноши и сам старец поднимаются вверх, к самому потолку чудесного круглого зала. Он успевает увидеть в неровностях камней изображения существ, не объяснимых по природе, но по духу понятных.

А голос шепчет ему:

— Вся наша жизнь — это вечный танец времени и пространства. А человек — это стержень вихря

великих сил вселенной. Без движения человек умрет через мгновение, ибо все в нем круговращается.

— Суфи, — продолжал голос, — это квинтэссенция Космической Мудрости, искры которой мы способны вместить. Здесь каждый человек внешне похож на другого. Но люди отличаются друг от друга способностью принять и сохранить благодать Духовного Мира. У кого-то Чаша Света наполнена любовью к семье и детям. И дом для него — это его мир и вселенная. И что он может понять, если его жизнь есть только начало освоения отношений между людьми, стихиями, силами чувств и ума? Чем больше благодати вмещает сердце, тем шире открывается духовное зрение. И то, что не видят глаза, духу очевидно без напоминаний. А символ нашего Братства — Крылатая Чаша с Огнем. И храм, в котором ты побывал, участвуя в нашем богослужении, есть одно из наших тайных убежищ. Отец твой — наш последователь и хранитель. Потому и поселился он на склоне этой горы.

Шам спал, блаженно улыбаясь, понимая, что это совсем не сон, а обучение истине. Но ему хотелось узнавать еще и еще — что-то помимо того, что звучало, — ибо, несмотря на юные свои года, он понимал, что слова только занавес истины. Вслушиваясь в них, можно увидеть гораздо больше того, что говорится, — стоит только внимательнейшим образом следить за тем, какой поток образов возникает в пространстве. А люди обычно не замечают работы своего воображения.

Стена неведения пала перед Шамом. Но прикосновение к тайне породило еще большую проблему.

А старец продолжал почти шепотом. Но голос его слышен был так, словно все небо было наполнено им:

— Придет время — и судьба приблизит тебя к величайшему из людей. И тогда ты поймешь цену обучения в нашем Братстве Крылатой Чаши, ибо не впервые приходишь к этому порогу. И Царь Мира будет одним из наших Братьев. И это будет причиной твоего приближения к Нему, ибо вы неразлучны в веках.

Сны были уроками. Их обучающая сила вливала в сердце Шама такой неодолимый энтузиазм, словно это был зов первой любви.

Из-за стены иногда доносились какие-то дивные песнопения. И запах благовоний проникал в его комнату из незамазанных трещин между камнями. А облик старца был так знаком, будто бы он знал его давным-давно, за множество лет до своего рождения.

Идея множества жизней нравилась Шаму. В одном из свитков он прочитал о том, что человек живет не один раз. И эта идея заворожила его своей тайной и открыла дверь для размышлений и фантазий, в которых он представлял себя в разных обличьях. А чей-то голос говорил, что любая фантазия не вымысел, а реальное накопление фактов и проживание событий собственным сознанием. Воображение извлекает представления мысленные из хранилища накоплений, из вечной Чаши.

Шам не переставал учиться. Помимо современных ему иностранных языков, он пытался выучить и древние, зная, что в них заключена переданная с незапамятных времен мудрость. И, конечно же, свитки были лишь переписанными от руки, часто с ошибками, копиями. Но все же юноша с невероятной жадностью впитывал все, что попадало в его дом и в поле его

зрения. Но этого было ему мало. И, помогая отцу, он обучился бухгалтерии и основам экономической науки.

А однажды, услышав песню, которую пела соседская девушка, Шам задумался, откуда же берутся эти чудесные слова и звуки. Наверное, они существовали всегда и кто-то их просто передал людям, научив их петь. Записав слова одной из песен, он поразился их простоте и удивительной гармонии:

Горы зазеленели.
И зацвели сады.
Мир наш, на самом деле,
Не верит в счастье мечты.

В мареве розовом ветер
От аромата пьян.
Как хорошо на свете
Пить цветочный туман!

Если любви ты предан,
Ищешь ее во всем.
Путь наших чувств неизведан,
Но мы и его пройдем.

Слова, конечно, были более простыми и безыскусными, но смысл был похожим.

Долина у отрога северных гор утопала в цвету. Плодовые деревья заполняли все видимое пространство. А виноград оплетал даже камни и залезал к Шаму в окно. Одну виноградную плеть он осторожно направил рядом с проемом. И по утрам зеленые листья приветливо встречали солнечный луч. А когда

виноград зацвел, вся комната наполнялась запахом цветов, которые позднее становились налитыми солнцем лилово-фиолетовыми гроздьями. Их можно было срывать и есть, не спускаясь вниз, в помещение, где были покои родителей и кухня. Отцовская келья была ниже его комнаты и чуть в стороне, отделенная лестницей, вырубленной в горе.

Аромат цветущего миндаля залетал в открытое окно. Сад был разбит чуть ниже скалы, которая служила стеной для трехэтажного дома, устроенного в теле горы. Прилетали какие-то диковинные птицы с распушенными хохолками, наподобие короны. Они что-то искали в камнях, словно пытались обнаружить места, в которых можно было свить гнездо.

Теперь Шам начал понимать, что его семья не просто так выбрала это чудесное место для проживания. Оно было указано отцу Шама, Суффрему, его великими Наставниками — и не исключено, что тем старцем, который во сне, из ночи в ночь, являлся ему, чтобы рассказать о высоких истинах и тайнах земли и неба. И юноша понял, что это был не случайный выбор, а какая-то древняя неразрывная связь тянулась из пространства, за которое простому смертному нельзя было заглядывать без особой на то надобности.

Любое занятие требовало целесообразности и пения души. Стихи складывались, поднимая волну высоких чувств. И когда он их читал вслух, листья горного винограда, плети которого дотянулись до его окна и оплели его, одобрительно шелестели.

Нет, Шам не был одинок. Но друзей у него было немного. Деревенские мальчишки играли с ним охотно. Но со временем чтение и обучение стали брать верх.

Ему было неинтересно слоняться по горам, понапрасну тратя время. Мир познания вещей захватывал его все больше. И жажда знаний заводила его в размышлениях в такие дебри непознанного, что распалая воображение для проникновения в сферы, где голоса звезд были понятны; где камни, цветы и деревья умели общаться между собой, а жизнь внешняя казалась лишь необходимой оболочкой, через которую душа и дух проявляют себя; где чья-то невидимая рука направляла события, а внутренний голос давал оценку действиям, одобряя или предостерегая от их совершения. И постепенно келья становилась мала, а посещения тайного зала делались неотъемлемой частью его занятий.

Находясь в святилище тайного огня, Шам будто бы понимал все, что наполняло его сознание. Но он не мог выразить словами поток просветления, хлынувший, как ручей — из трещины в скале, с мощным освежающим напором ледяной воды. Желание мудрости превосходило иные нужды души. Знание стучалось изнутри, но не находило четкого выражения. Это был мощный и плотный шар огненного напряжения, который мог быть сравним лишь с обжигающей силой первой любви, с необъяснимой силой вдохновения чистых чувств, еще не познавших в новом теле всех таинств воздействия двух человеческих начал друг на друга.

Солнце судьбы всходило. И неведение и предощущения были пугающими и прекрасными в ожидании будущего и в надежде, что оно будет таким, каким хотелось бы.

Караван уходил рано утром, пока не взошло солнце и его палящий огонь не затопил землю. Сады все

цвели. И весь южный склон горы вокруг каменных построек отчего дома утопал в цветении и благоухании.

Нехитрые пожитки были собраны в переметную сумку. И ослик Шама, уже отведавший утренней трапезы, был готов в путь. Хотя никому не хотелось покидать насиженное гнездо, Шам, словно предчувствуя свою судьбу и удивительные встречи, пребывал в нетерпении. Отец согласился взять его с собой в поездку в дальний город, о котором на Востоке ходило столько легенд.

Дамаск был на устах многих путешественников. И каждый мечтал увидеть его своими глазами, вдохнув запах его улиц и услышав разноголосицу великого восточного базара, куда съезжались купцы со всего света, и даже персы и аримы, а также белоликие и беловолосые северяне, вызывающие своим видом всеобщее удивление.

Путь лежал перед караваном. И, отъехав недалеко, Шам оглянулся на свой дом, на мать, стоящую у порога, с которой он долго и грустно прощался, словно знал, что больше ее не увидит. Вернется ли он когда-нибудь сюда или судьба, знающая все закоулки наших жизней, больше не даст такой возможности?

Шаму взгрустнулось. Но, усмирив нахлынувшее сомнение и отогнав печаль, он ринулся в стихию пути, где бесконечная гряда песков сменяла селения, оазисы и грозные крепости. Дух его знал, что мир необъятен и что множество искушений и возможностей ожидает его. Конечно, все это можно было предположить в целом, но подробности нельзя было угадать.

Монотонное сидение навевало успокоение и воспоминание о последней встрече с наставником-огнепоклонником, который и сподвиг его на длинный и долгий поход. Старец ему предрек встречу с великим человеком, не упоминая, однако, о том, кто это будет.

Но он твердо указал на то, что поэтический дар Шама будет востребован и развит сполна — насколько сама душа позволит его реализовать.

Налетевшая песчаная буря уложила всех животных по команде караван-баши в круг. А люди, укрывшись накидками, слушали, как хлещет по ним эта песчаная метель, даже сквозь толстую ткань пробивая тело до боли. Почти весь день тьма закрывала солнце. И только к вечеру она стихла, вой демонов пустыни замолк, а над вновь образованными волнами песка, высокими дюнами, поднялась полная луна.

В безмятежной и непривычной тишине слышно было, как перезваниваются колокольчики на шее поднимающихся верблюдов и как, отряхиваясь от песка, они создают какой-то свой оркестр звучаний.

Караван-баши решил идти ночью, потому что пустыня была озарена ярким светом луны и каждая песчинка ловила ее лучи и, мягко преломляя, мерцала.

Чудеса ночи зачаровывали Шама. А ослик, не в пример другим особям этой породы, был проворным и послушным.

Нужно было дойти до следующего колодца. Но дорога была заметена. И трудно было без ориентиров отыскать ее.

Караван блуждал среди высоких дюн. А колодцы были засыпаны песком. Запасы воды были на исходе. И если людям как-то хватало по два — три глотка, то животные изнемогали от жажды.

Караван блуждал по барханам, не находя ни тропы, ни воды. Люди падали от изнеможения.

И в какой-то момент любимый ослик Шама упал и больше не поднялся. Поплакав над своим другом и взяв поклажу на плечи, он собирался догнать караван, но сил уже не было, и, сделав несколько шагов от бездыханного тела ослика, он сам упал и потерял сознание.

Очнувшись, Шам увидел над собой пальмы и услышал, как поет вода. А сам он, погруженный в теплое водное лоно, блаженствовал и пил не останавливаясь. Казалось, что это чистый сон навестил его. Но голоса рядом были реальны и узнаваемы. Говорил его отец на каком-то неизвестном языке.

Обернувшись, Шам увидел высокого статного юношу, необычайно величественного и невероятно красивого. Они подошли к Шаму оба. И отец участливо заметил:

— Ты бы умер в пустыне. Мы не могли тебя найти. Но вот этот человек со своей свитой подобрал тебя. Это царевич Иудейского царства по имени Сол-Амон. И он привез тебя в этот оазис, где находились и мы. Я уже потерял надежду на твое спасение. И глаза мои источали слезы горя. Как я рад, сын мой, что все так случилось! А царевич приглашает нас к себе в Иерусалим. А от моего каравана уже ничего не осталось. Я разорен.

Сбивчивая речь погружала в сон. Накатывала слабость. Чудился наставник-старик, который утвердительно кивал головой, видимо, настаивая, чтобы приглашение было принято.

Шама положили на повозку под широкий глухой балдахин. И к нему был приставлен один из царских лекарей. Кроме того, отец не желал расставаться с сыном.

Путь был долгим. Но однажды пески кончились. И Шам увидел море и пристань, на водах которой качались корабли царя Иудеи. Волны набегали на

прибрежный песок. И после сухой изнуряющей жары легкий морской бриз казался спасением от всех бед.

Портовый город принял наследника. Но интрига по его устранению от этого статуса сохранялась, потому что дети старших жен престарелого царя Давида тоже претендовали на власть. Именно поэтому царь решил спрятать своего любимого младшего сына, рожденного Вирсавией, филистимлянкой, от глаз злобных. И царевич вынужден был скитаться по окрестностям империи, хотя и не без роскоши и достатка. На него отец средств не жалел. И Сол-Амон не тратил времени понапрасну, изучая традиции и духовные практики различных религий, в чем весьма преуспел.

Сол-Амон был не намного старше Шама, но отличался такой глубиной суждений, которую порой не отыщешь и у старцев. Поэтому еще в юных его летах Давид поручил ему судебное дело, которое Сол-Амон успешно разрешил, о чем впоследствии сложились предания.

Шама внесли в маленькую каюту, которая находилась рядом с помещением царевича. Сознание возвращалось к нему эпизодически. Открывая глаза и оглядываясь, он снова впадал в сон, постепенно выздоравливая от влажного морского воздуха.

Отец с остатками каравана остался на берегу. А корабль царевича плыл куда-то в направлении Египта.

Шаму снились детские годы, когда его колыбель была подвешена за сук громадного гранатового дерева, которое росло рядом с их домом. В его тени в сухое время года все чада и домочадцы как трапезовали, так и отдыхали днем. Колыбель качалась, а шум волн

словно напевал старинную колыбельную песню. И улыбка не сходила с лица юноши.

Царевич раз в день обязательно приходил, чтобы справиться о здоровье гостя, и подолгу смотрел на его лицо, не похожее на лица тех, кто его окружал. Шам больше походил на северянина дальних земель или на белокурого грека, которых он видел на многих базарах мира. В спящем юноше угадывалось что-то необъяснимо притягательное. И царевичу, прошедшему обучение у жрецов и волхвов разного толка, показалась не случайной их встреча.

Признавая все мировые религии, кроме тех, которые приносили человеческие жертвы, и особенно детей, Сол-Амон к своему возрасту знал уже множество чужих наречий, и даже мог читать письма разных народов, в том числе и египетские папирусы. И особенно он верил в великую Книгу Предсказаний, которой пользовался изо дня в день. Но он не был ни суеверен, ни доверчив, понимая, что судьба творится самим человеком, а благоприятные знаки можно или пропустить, или вообще не обратить на них внимания. Он хорошо знал звездное небо, ведал о влиянии планет на драгоценные камни, о дружбе деревьев и людей и о пользе пребывания в рощах каждого лесного вида. Мудрость друидов и египетских жрецов, халдейских и вавилонских магов ему была знакома. А владение воинским искусством не уступало знанию оккультному.

Перед тем как найти в пустыне Шама, Сол-Амон прочитал в египетском папирусе: «Камень, найденный засыпанным песком пустыни, драгоценен». И эту строку он отнес к этому юноше, дожидаясь, когда же тот придет в себя и расскажет о своей жизни. Что-то было в нем такое, что могло оказаться полезным ему,

окруженному тысячами ученых мужей и при желании мгновенно получающему ответ на любой вопрос.

Старый спутник Сол-Амона, с которым он часто советовался, слывший колдуном, чародеем и звездочетом, был приглашен в каюту царевича.

— Скажи мне, Амон, сможешь ли ты, владеющий половиной моего имени, что-нибудь сказать о юноше, которого мы нашли в песках, по внешнему виду, родинкам, знакам на лице и ладонях, а также по той дате и месту, где мы его обнаружили? Ведь ты не только врач, который его лечит, но и знаток сочетания звезд и людей. Ты же сам меня когда-то учил этому, — вопрошал царевич.

— Если будет угодно сыну царя, я займусь этим и представлю подробное описание или рассказ, на ваше усмотрение.

— Я прошу тебя, учитель мой Амон, расследуй все подробнейшим образом, со всем пристрастием и прилежанием. Мне очень важно знать все, что доступно станет твоему разуму и сердцу в отношении этого человека. И никому ни слова. Считай это секретным поручением и государственным делом. Можешь не торопиться. Но будь готов, чтобы ответить.

Мудрец с жаром взялся за порученное ему дело. И благодаря тому, что он сам выхаживал больного, давал ему лекарства, делал притирания и примочки, ему легко было исследовать все тело до малейших деталей. Разглядывая родинки и раны, нечаянно полученные в детстве и юности, линии на лице и ладонях, он сделал свой вывод и, размышляя над собранными сведениями, долго искал в своем хранилище мудрости правильные

ответы, проверяя себя и делая пометки из тех рукописей, которые возил с собой.

Жрец Амон принадлежал к древней школе «Фиванское Солнце» и был тайным последователем культа Атона, который пытались возродить фараон-реформатор Эхнатон и его супруга Нефертити. Наблюдая за Шамом, он составил полный письменный отчет, если вдруг это понадобится, но твердо помнил слова сына царя иудейского о чрезвычайной секретности и скрытности расследования. Тщательно сохраняя от слуг и младших жрецов свою работу, он все же понимал, что это почти невозможно, но приложил к этому всю свою осторожность и призвал все старания и накопленные знания.

Выяснилось, что Шам не был единокровным сыном купца, которого считал отцом, и что мать пришла к Суффрему и попросила защиты, уже будучи беременной. И купец Суффрем принял ее в свой дом, потому что был одинок. И чтобы не было пересудов, он объявил, что женщина — его дальняя родственница, потерявшая мужа и пришедшая просить его покровительства. А сын, когда родился, стал ему родным и так ему полюбился, что трудно было представить кого-то еще в этом статусе.

Звезды говорили о том, что встреча царевича с Шамом не случайна и что спасение его должно было прийти от рук царского сына. Они говорили также, что этот человек, находящийся сейчас на попечении жреца, обладает редким даром преданности и мастерством в сложении слов. Знаки судьбы определяли его место рядом с будущим царем на долгие годы его правления и показывали, что лучшего посла по особым поручениям найти невозможно. Шаму еще многое нужно будет познать и усвоить, но линии жизни обещали ему

долголетие и множество моментов спасения царя и той драгоценной святыни, которую будут стараться украсть из царского дворца. По крайней мере, при жизни царя Сол-Амона святая реликвия будет находиться в потайном месте.

Еще жрецу открылось, что найденный юноша, скорее всего, северянин. И имя ему иное было дано при рождении. А знаки родинок указывали, что в предыдущих жизнях он был убит мечом в сердце. Также обнаруживалась связь с таинственным религиозным орденом, в котором он участвовал на протяжении нескольких жизней.

Все это было доложено Сол-Амону. И тот приказал уничтожить все записи на тему их общего дознания.

Шам поправлялся и все чаще, просыпаясь, просил папирус или пергамент. Ему хотелось записать свои сновидения и встречи во время своего беспомыслия, к чему никаких препятствий не оказывалось. И однажды, во время прихода царевича, он прочитал ему небольшое стихотворение, навеянное воспоминаниями о родине, после чего царевич растрогался и сказал, что отныне они будут неразлучны и что сплетение их судеб обозначено на Небесах единым серебряным вервием жизненного пути.

Набираясь сил и благодаря исправному лечению и уходу, Шам постепенно приходил в себя, и даже стал выходить на палубу, чтобы подышать ароматным воздухом Средиземноморья. Старец-огнепоклонник часто посещал его во сне и давал наставления. Дух укреплялся. А с ним росло и вдохновение.

Писал Шам много, словно наверстывая те дни, когда находился в беспомыслии. И постепенно

ежедневные дневниковые записи и сочинение, а вернее сказать, запечатление звучащей музыки слов в виде стихотворений, вошли в привычку. И иногда, даже забыв о еде и питье, он мог писать весь день и ночь, не замечая смены времени суток. Словно небесный голос непрестанно диктовал ему дивные строки, изумительные по описанию и совершенные по изложению.

Дружба между царевичем и безвестным юношей росла, что вызывало неимоверно яростную зависть. Но жрец Амон старался смягчить все чувственные атаки, доходящие у некоторых из приближенных до истерики. Умея видеть тонкие причины недоразумений, он гасил их до того, как в мире земном произойдут события. Он успокаивал челядь и убеждал мощью своего авторитета, что Шам не просто бродяга и иноземец, но тот, кто будет защищать царя Иудеи, когда им станет Сол-Амон.

Но и без того нападения были очень часты — как во встречах с пиратами, так и на земле, в виде летучих разбойников пустыни. Но это все мало заботило царевича, потому что он доверял своей охране, в которой были лучшие из воинов того времени.

Однажды Сол-Амон пригласил Шама совершить с ним удивительную прогулку, о которой он умышленно умолчал. Шам был в растерянности: какая прогулка, когда корабль стоит в открытом море, а палубы не настолько длинны, чтобы совершать какое-либо дефиле? По лукавой улыбке царевича он понял, что его ждет что-то необычное.

На нижней палубе собрались моряки, опуская на поверхность воды что-то блестящее и прозрачное в виде огромного колокола. Рядом с ним на волнах качались лодки. Но в целом на море был штиль.

Царевич сделал знак Шаму спуститься на палубу, а потом — по веревочной лестнице в лодку. Внизу их ждало удивительное устройство. С лодки, которая подплыла под него, они оба поднялись чуть выше половины высоты колокола, где были расположены удобные кресла. А пол, после того как они туда поместились, закрылся.

Аппарат стали опускать в воду, в самую глубину чистого и безмятежного моря. Медленно и постепенно, без резких движений стеклянный колокол уходил на дно. Вокруг можно было наблюдать стайки разноцветных рыбок различной величины.

Сердце северянина замерло в испуге и удивлении. Такой прогулки он не ожидал, и даже не имел подобных переживаний, хотя и умел плавать. В горах было небольшое теплое озеро, в котором он любил купаться. Но видеть подводный мир во всей красе вряд ли кому приходилось в его времена.

Вьющиеся, как зеленые змеи, водоросли и яркие коралловые заросли вызывали ощущение нереальности. А проплывающая мимо манта, словно птица, шевелила своими плавниками-крыльями, косясь на неведомое сооружение.

На дне было сумрачно. Но это не мешало юношам наслаждаться увиденным и наполняться незабываемыми впечатлениями. Мир, на котором держались корабли, бороздившие его поверхность, был столь же необъятен и красив в глубине, как и в своей надводной и надземной части. Океан являл собой воплощение самой таинственности и недоступности. А именно это и подвигает умы ищущих людей к поискам объяснений тех причин, которые скрыты в соединении сил мира.

Поэт при дворе Акбара

Любовь поэта при дворе Акбара к царице Джодхе была причиной многих сплетен и клеветы в сторону царствующего двора. Но это стало одним из эпизодов приближения к Великому Учителю. Каждый раз прямо или косвенно касался времени, когда Он был воплощен в человеческом теле. Каждый раз совершался один из благородных поступков, который приближал к Учителю. И как бы ни была сильна любовь к царице, он никогда не допускал действий, которые могли бы ее опорочить.

Да, Джодха была окружена постоянно свитой из самых блестящих и знаменитых по тем временам поэтов, философов и музыкантов. И Акбар ревновал ее к тем, с кем она проводила все свое время, обучаясь ли музыке или живописи. Ревновал потому, что не мог себе позволить отдавать общению с женой столько времени, как в первый год своего супружества, когда они три месяца были вместе, что вызвало нарекания не только его семьи, но и государственных министров. Нужно было решать каждодневные дела империи, которая была велика и многочисленна по тем временам. Но Джодха любила только Акбара, хотя ее благосклонность можно было принять за любовь, когда она одаривала своего любимого поэта поистине царскими подарками за понравившуюся ей строчку, шлоку или целое стихотворение. Нужно было понимать условия

эпохи, когда ситуация просвещения женщин была необязательной.

Великое Явление

Савва

В темной земляной пещере было светло, словно сами ее стены светились. А старец все читал и читал беспрестанно, в который раз, Евангелие — сказание о жизни Сына Божьего, Господа Иисуса Христа.

Каждое слово слетало с губ вдохновенно. Каждое слово словно вспыхивало, соприкасаясь с пространством, будто знаки были написаны чудесным образом в нем. Но это не было пиром царя Валтасара, а вечным предстоянием и службой пред Самим Сияющим и Воскресшим.

Между ними не было никого. И сердце монаха видело воочию и постоянно огненный силуэт Христа — вначале смутно, но потом все яснее и яснее, во всех подробностях. Это был вариант умного делания.

И услышал я Глас Божий, взывающий ко мне:

— Савва! Савва! Господь грядет!

И свет, ослепивший меня, хлынул с неба и озарил углы кельи моей. И Сам Сияющий предстал и наставлял меня, не оставляя жар Свой источать.

И сказал Он мне:

— Будет мудрость твоя высока. А болезни оставят плоть, покуда ты отказываешься от мыслей порочных. И слава твоя и сила духа в веках будут только расти.

Не печалься о судьбе своей. Не пройдет труд твой напрасно. И многих просветишь, многих озаришь словом своим. И тем счастье постигнешь.

Михей

Трепет Видения покрыл голову сединой волос. Дух мой огнем наполнил тело. Благодать накалила сердце. И огненной печью стало место Великого Явления. Учитель что-то говорил в ответ на Слова Благословенной и Пресвятой. А я не мог оторвать голову от пола кельи. И только дивный свет стелился по нему и проникал в очи. Дух мой изнывал, но чудесной радостью наполнялась душа. Я словно впал в беспмятство или блаженный сон, распластавшись у Ног Владычицы. И лишь спустя время услышал, как зовет меня Учитель:

— Михей! Михей! Встань! Ибо Пресвятая покинула нас!

Я поднялся и поразился удивительной перемене Преподобного. Он Сам весь сиял, словно получил часть Небесного Огня. А из сердца струилась чистая звезда.

В обители Моей некогда вместе были с Саввой. Вместе постригал в монахи. Вместе благословлял на подвиг. Но ты решил остаться рядом, около Меня, служа Пресвятой Троице там, где некогда было капище Триглава. А Явление Пречистой со Мною пережил. Мощи твои лежат в отдельном храме. Внешне был похож на облик сегодняшний.

Поездка в Сергиев Посад открыла, наконец, предо мной церковь Преподобного Михея, келейника Преподобного Сергия. Какое-то тревожное чувство не покидало сердце. Но когда поклонился мощам, все исчезло.

Рыцарь Рох

Рыцарю Альбрехту Роху было поручено магистром ордена тамплиеров Жаком Моле — за год до того, как он был казнен, а орден разгромлен, — снарядить корабль и плыть к северным землям. Ему был вручен кипарисовый ларец с неизвестной реликвией, которую он должен был передать по назначению.

Корабль пристал к одному из островов Соловецкого архипелага. Рыцарь сошел на берег и направился в глубь острова. Казалось, он точно знал, куда идет.

На одной из сопок он обнаружил пещеру и спустился в нее. Помещение было просторное, и из него в разных направлениях шли то ли старые выработки шахт, то ли специально проложенные подземные лабиринты. Не долго думая, Рох направился по одному из них, долго блуждая в темноте, потеряв счет времени. И, наконец, увидел впереди спасительный свет.

В огромном подземном зале находилось много народа. А на возвышении, на резном троне, восседала женщина с ребенком на коленях. Она поприветствовала рыцаря и поблагодарила за переданный ей ларец. При этом она рассказала, как погиб Магистр тамплиеров и что практически весь орден был уничтожен. Она заметила, что Рох может навсегда остаться с ними, ибо они представляют оставшихся потомков Гипербореи и владеют секретом вечной жизни. Рыцарь согласился. И с тех пор иногда местные жители островов до сих

пор видят гуляющего человека с красным крестом на одежде и с мечом на поясе.

Викинг

Не один десяток лет носило Викинга по морям. От Гренландии до жарких краев Африканского Рога и дальше к Индии и Цейлону ходил он в плавание, участвуя в жестоких битвах и спасаясь в ужасных кораблекрушениях. На многих кораблях прошел он путь морского волка — от юнги до капитана. Он был воин, воспитанный великим океаном и ставший частью его даже на суше, подчиняясь закону приливов и отливов великих космических энергий. Его мятущаяся душа, как руки утопающего, хваталась за любую возможность спасти себя от рутины и болота будничности, находя все новые и новые способы выражения своей энергии и испытания себя в новом качестве приложения.

Вино жизни играть начинает лишь тогда, когда его переливают из бочки в другие сосуды. И чем чаще человек занимается этим, тем богаче и благороднее становится его напиток. Изменение видов деятельности нельзя назвать легкомыслием, но лишь пробой себя в невероятной череде обстоятельств.

Как дух, испытавший много потрясений и жизненных битв, Викинг все же подставлял душу ветру творчества, который не давал заостенеть негативным привычкам. Он расплавлял в нем косность и заставлял искать новую область приложения себя в незнакомом труде, сопряженном с неизвестностью. Только она, пугая человека, вызывает в нем интерес к еще непознанному и неиспытанному.

Викинга преследовала мысль, что пора бы оставить удел морского бродяги и поменять палубу, вечно уходящую из-под ног, на твердую землю. Сила его желаний видеть иные земли и края иссякла. Он устал от бурь и штормов и от вечного привкуса на губах морской соли. Его манил тот древний замок, который он увидел далеко на севере, когда корабли шли по линии, повторяющей берег. Его судно тогда повернуло в один из фьордов, и спустя день плавания все увидели высоко на горе замок, чудесный, как видение во сне.

— Сурья-Мория! — прошептал один из старых воинов.

Замок словно источал серебряные лучи, подобно огромному светильнику. Неугасимым маяком, на котором пламя не гаснет никогда, казался он среди грозových туч.

Викинг помнил, что подняться к замку — значит отстать от всей флотилии, и поэтому отложил до следующего раза, когда бы он ни случился, посещение этого чудесного места.

Поговаривали, что в этой крепости оставались жить воители древнего мира, которых никто не мог победить, и что оттуда разошлись во все стороны света четырнадцать племен белых людей, которые произошли из одного корня и составляли некогда единый народ, спустившийся с небес и считающий себя детьми Солнца.

Дух Викинга оставался неукротимым, легко впадая в ярость и так же быстро остывая. Морские волны отдали ему свойство прилива и отлива, наполнения и опустошения. Но зерно мудрости росло неизменно.

Океан беспрестанно дышал, посылая волны на крутые скалистые берега, постепенно превращая их в камень и песок.

Корабль бросил якорь далеко от берега. Ближе нельзя было подойти. Помимо того, что можно было посадить судно на мель, была еще и угроза обрушения камней с подмытых морскими волнами утесов.

Викинг различил среди бесконечных скал тропу, ведущую вверх, чьи ступени были выложены дикими необработанными камнями, края которых были острыми и почти не сглаженными ногами. Эта дикая лестница вела вверх, к белой крепости, откуда, казалось издалека, вился легкий дымок — или это марево нагретого воздуха навевало тонкое видение.

Сев в лодку с двумя гребцами, Викинг решил проверить, что белое облако — совсем не зрительный обман, но реальное, вполне земное построение.

Подъем от берега, куда причалила шлюпка, был трудным. Тропы не было. Были едва угадываемые взглядом полуразрушенные ступени, от которых остались лишь острые, шатающиеся камни, при каждом движении вырывавшиеся из скалы и слетавшие вниз.

Сначала можно было подниматься хоть и тяжело, но переступая. Но ближе к верху Викинг уже помогал себе руками, цепляясь за уступы коренного камня, который не шевелился и держался крепко. Во время отдыха, устроившись на небольшой площадке, он издалека любовался красотой дальнего моря и кораблем, капитаном которого он был. Внизу, около шлюпки, копошились фигуры двух матросов, пытаясь развести

костер. Но он предпочитал не смотреть вниз, а взбирался все выше и выше.

И вот, внезапно, скала кончилась. И перед ним появились настоящие каменные ступени, которые когда-то опускались до самой воды.

Передохнув, он стал медленно подниматься.

Белый замок был довольно далеко. И лишь к вечеру, когда сумерки уже опустились на плоскогорье, он достиг ворот странного Белого Города, который, казалось, светился в наплывающей тьме.

Решетчатые створки с изображением летящих лебедей были открыты. Но, вступив на привратный камень, который был специально положен для того, чтобы забирать негативные мысли и чувства, как порог из осинового дерева в каждом русском доме, Викинг вдруг почувствовал, что не может переступить через него и сделать следующий шаг. Как ни велико было любопытство и стремление войти в Белый Город, где уже зажигались робкие огни, он чувствовал, как его удерживает мощная сила. И чем упрямее и яростнее становился он, тем мощнее был ответ от нее.

Недоумение его было так велико, оттого что ему, почти всю жизнь потратившему на морские мытарства, битвы с пиратами, штормами и ураганами, не доступно оказалось переступить через солнечный камень. Гнев, обида и усталость соединились в непонятное чувство. И хотя он не был обучен общению с Небесами и не умел молиться, душа вдруг затрепетала и всколыхнулась в мгновении божественной благодати, словно найдя ключ, давно утерянный в каком-то забытом хламе прошлого. Он прошептал:

— Господи, позволь мне войти и увидеть этот чистый город, о котором я столько слышал и так мечтал посетить его! Впусти!

Это была не молитва, а вопль души, которая не может повернуть назад, не увидев того, что искала всю жизнь.

Он шагнул еще раз. Но стена не пускала, хотя и стала чуть слабее.

— Нужно дождаться рассвета, — сказал голос.

Он оглянулся. Никого вокруг не было. И только птица парила где-то высоко и казалась розовой в лучах уходящего солнца.

Но кто говорил с ним так отчетливо? Неужели это он услышал свой внутренний голос? Ему, оглохшему от грохота волн, с застуженными барабанными перепонками, в которые часто хлестала ледяная холодная вода, никогда не приходилось слышать что-либо подобное.

И он послушался и, примостившись около стены, слева от входа, решил дождаться первых лучей солнца. От неимоверной усталости и легкого чувства голода, с которым, по опыту моряка, мог бороться, он лег и внезапно погрузился в сон, который происходил на том же самом месте.

Светящиеся фигуры обходили стену и, проходя мимо легкой поступью, останавливались и вглядывались в лицо спящего. Он видел их очами своего сна. Лица некоторых он как будто угадывал, и даже знал, но, силясь вспомнить, не мог это сделать, потому что в его сознании, в пространстве его памяти, стояла стена непроницаемого запрета — словно река забвения протекает во рву перед Твердыней Вечной Жизни.

Викинг наблюдал поток людей, входящих во врата Белого Храма.

Тени кружились, создавая вихрь, в котором можно было увидеть толпы людей, уходящих в разные стороны света. Одни шли на восток, другие — на запад, а третьи садились на корабли и отправлялись в далекое плавание, доверившись ветру и парусу.

Сновидение переносило дух высоко над берегом фьорда, где стоял в ожидании капитана его корабль.

Внезапно свет брызнул из-за горы, пробудив неожиданного пришельца. Ворота были все так же раскрыты, и не было стражи.

Поднявшись и выпив глоток воды и проведя по лицу мокрой рукой, капитан попытался еще раз шагнуть через камень. Ему это удалось. Но, войдя в ворота, он увидел мир, который резко отличался от того, что прежде видели его глаза. Словно с глаз была снята мутная пелена — и все стало свежим и красивым, омытым дождем и освещенным иными лучами солнца.

Но первый шаг был так тяжел, словно на него навалилась вся бездна небес, нести которую было невыносимо. И хотелось поминутно сбросить ее или отступить назад.

Но Викинг был упрям и никогда не отступал ни в поединке с бурей, ни в бою с пиратами или береговыми ордами полудиких племен, когда они плыли вдоль берегов неведомых земель на отдалении, не дальше полета стрелы.

Перед ним возникла фигура человека в ярко-синей одежде, который молча указал рукой направление вправо. Человек был молод и красив, чем-то напоминая

очень знакомое лицо, которое Викинг никак не мог вспомнить, словно пролетевший сон.

Озарение было ошеломляющим. Удивлению его не было предела. Это был он сам, но только выше, тоньше и с более утонченной благородной внешностью, почти брат-близнец.

Мысли роились в вихре недоумения. А незнакомец произнес, положив руку ему на плечо и словно угадывая смущение мыслей:

— Совершенно верно. Я твой близнец. Но не по крови, а по воплощению. Некогда мы — то есть тот, кто единым из нас пришел в этот мир с далекой звезды, так был потрясен красотой Голубой Жемчужины, что в силу своих духовных способностей, чтобы познать ее полнее, рискнул на редкий на земле эксперимент, который применяют лишь в мирах Великой Гармонии для особых задач. То есть... Но поймешь ли ты, мореход, о чем я тебе скажу? В океане много волн, и ни одна не похожа на другую.

Замолчал незнакомец. А Викинг опешил от неожиданности. Тяжесть его прошла.

Тембр голоса незнакомца и манера говорить были похожи на его собственные, как это бывает в семьях, где люди растут вместе, обучаясь друг у друга и прозношению слов, и самой методике построения речи.

Так что же он хотел объяснить ему, старому морскому волку, у которого лицо задубело от соленой морской воды и яростных ураганных ветров?

Невероятная догадка мелькнула в голове. Так это же потерянный в детстве брат! Викинг тогда отстал от семьи во время погони за ними разбойных людей и что случилось с родителями и братом не знал, потому что потерялся в чаще громадного горного леса и от страха сидел среди камней, опасаясь лихих людей,

диких животных и темноты, которая была такой живой и страшной, что он превозмогал себя, чтобы только не кричать от ужаса, сам себе затыкая рот. И, лежа в узкой расщелине между камней, он глядел на небо, на спокойные тихие звезды, и это помогало ему побороть все ночные страхи и убаюкивало, хотя и было холодно. Но от камней шло тепло, которым нагрело их солнце за предыдущий день. Три дня он боялся выйти. Он страдал от жажды, которая была страшнее голода, и однажды, ближе к ночи, решил покинуть свое убежище, чтобы найти хотя бы небольшой горный ручеек, мечтая напиться и омыть свое запотевшее и запыленное лицо, страдая от разлуки с родными.

— У твоего любопытства есть предел, — произнес близнец с легкой улыбкой. — Но нужно помнить, что ты можешь встретить в других землях еще несколько подобий себя, которые проживают жизнь параллельно нам. И каждое из них собирает в копилку опыта единой индивидуальности свою крупницу золота. В конце жизни все части единой души будут соединены. Но в такой делимости нет какого-либо механического клонирования, которое лишено одухотворения и явлено как создание биороботов, лишенных души и духа. Тебе пока еще трудно понять такие истины, которые настолько сложны, что вместить их не по уму даже более развитым сознаниям. Но дух твой пришел в то место, откуда ушел странствовать по просторам планеты. Белый замок Сурья-Мория был средоточием гиперборейской власти в давние, давние времена. Отсюда растеклись арийские племена по миру.

Близнец замолчал и повел Викинга в здание, стоящее в некотором удалении от стены. Оно было похоже на средневековую башню или древнюю колокольню.

— Лишь до этой черты тебе позволено войти в Белый Город. Но подняться мы можем на самый верхний этаж, и уже оттуда рассмотрим великую твердыню Сурья-Мории, — произнес двойник, поднявшись по ступеням из белого камня.

Они поднялись к воротам, окованным причудливой решетчатой вязью, в которую были вплетены как священные знаки, так и молитвы на пракрите, на том языке, который был в употреблении на арктической родине белой расы.

Близнец приложил руку к середине правой створки стрельчатых ворот, коснувшись какого-то удивительного знака, напоминающего трилистник. И ворота отворились, чтобы тут же закрыться, как только люди вошли в полутемное нижнее помещение.

Повеяло запахом старых камней. Это была не сырость и не плесень, но запах минерального царства и его стихийного окружения — словно дыхание гения камней и биение его сердца наполняли пространство.

Дух Тайны что-то шептал Викингу, желая поведать неведомые знания о жизни в недрах этого удивительного мира: о том, как растут каменные деревья из самоцветов, как жилы самородного золота могут появляться перед удачливым старателем, внезапно исчезая перед другим человеком, пришедшим на то же место. Он шептал ему о рождении алмазов и изумрудов, а также о целых долинках, покоящихся на поверхности залежей нефрита и турмалина. А еще — о хрустальных пещерах и о синих камнях, растущих в объятиях

гор. Сердце Гор, Тюрек-Туу, открывало ему, моряку, бродяге, странствующему по волнам морей и океанов, свою трогательную историю. И зачем это было ему знать, он не понимал, хотя слушал с острым вниманием и запоминал настолько, насколько ему позволяла его зыбкая память.

Прихожая оказалась первой ступенью. Близнец повел его выше. Но Викингу не хотелось расставаться с голосом камней, так много поучительного и тайного повествующим.

Вверх было идти невыносимо трудно. Помимо скользкости ступеней, отшлифованных ногами восходящих, мешали и очень большие их размеры — словно они были приспособлены для гигантов. И сама ширина ступеней словно была рассчитана для людей иного телосложения.

Близнец шепнул, улавливая мысль моряка:

— Это было сделано великанами. И, как водится, они, конечно же, строили для себя — в очень древние времена, когда не было на Земле ни вражды, ни войн, ни каких-либо природных или социальных потрясений. Башня была неким определителем накоплений человеческого опыта. Даже в восхождении на нее нужен был твердый характер, потому что не у каждого хватало сил для подъема на верхнюю площадку.

Двойник проводил Викинга на башню и тихо произнес:

— Это все, что тебе можно показать, потому что твоя мятущаяся натура не увидит достоинств Храма из-за накопленного самоволия и упрямства. Многие

жизни понадобятся, чтобы расплавить эти качества. Возвращайся с миром и помни, что в любое время каждый может соскочить с колесницы зла.

Двойник исчез. Исчез дворец. В сырой серый берег бил сильный, сбивающий с ног ветер. А где-то внизу, почти у самого отвесного берега фьорда, колыхалось его суденышко, словно человеческая душа, беспомощная и слабая, летящая под напором порыва ветра не известно, в какую сторону, не имея ни цели, ни надежды хотя бы когда-нибудь обрести покой и найти тихую гавань, чтобы отдохнуть от бесплодных жизненных скитаний.

Неуспокоенность разрывала сознание. Порывы ветра передавали состояние метаний. Мысли рвались в разные стороны. Куда было идти, если нужно было плыть назад?

Сокольник

Отпущенный сокол сделал круг над поляной и стремительно скрылся за верхушками деревьев. Ни манок, ни кусок сырого мяса, которым тряс сокольник, не возвратили его на место. Это был любимый белый сокол царя. И нужно было ждать не просто неприятностей. Можно было легко потерять голову после такого проступка. Сокольник понимал это и решил не возвращаться во дворец, пока не найдет птицу.

Он долго бродил по густому лесу, продираясь сквозь заросли колючего кустарника и бурелом, не находя сокола. Он манил его голосом. Он звал его мысленно, называя самыми ласковыми именами. И когда начало смеркаться, смертельная усталость овладела им. И уже не было опасений за свою жизнь, если вдруг на него нападут дикие звери или разбойники. Все было едино. Во дворце его ждала смерть. А здесь, в темном лесу, вдали от царского охотничьего домика, было даже спокойнее, потому что в такую глушь не рисковали заходить даже разбойники. Найдя кучку мха и подложив под голову камень, сокольник уснул.

Лесная глушь укрылась ночным безмолвием. Не было шорохов и даже ветра. Сокольник погрузился в дивный мир сновидений. Ему снились белые птицы, маленькие, едва вылупившиеся из яйца, которых он растил, кормил и воспитывал как охотников.

В кругу внутренних забот и видений он увидел, как к нему приближается юноша и, глядя ему в глаза, говорит: «Я Святой Трифон. Пойди и скажи царю, что его любимый белый сокол сидит на древнем дубе возле старого тракта, где когда-то было капище Велесово. И там, где он найдет сокола, пусть построит храм в мою честь».

Сокольник ошутил словно толчок в грудь и проснулся. В лесу едва начало светать. Он поспешил к охотничьему домику и передал свой сон царю. Посланный к вековому дубу, сокольник нашел птицу на том самом месте, которое указал Святой Трифон. Впоследствии здесь была возведена церковь в его честь. А места охоты царской названы были Сокольниками. Сейчас это большой парк в одном из районов Москвы.

Зарочный перстень

Зарочный перстень древних волхвов Руси, который вручался избранному государю Аркторуссии, носил на мизинце последний из староверческих царей, Алексей Михайлович Романов. Но однажды его любимый сокол, привлеченный блеском перстня, уподобившись сороке, унес его в поднебесье и уронил, похоронив святыню за то, что царь позволил патриарху Никону кроить устав, установленный Преподобным, — устав, связывающий христианство духовное с ведической огненной струной Православия.

Сокола после этого случая больше не отпускали на свободу. Но однажды, смилостивившись, царь приказал дать ему полетать свободно. И после этого он улетел в сокольничью рощу, на священный дуб, где потом, после утомительных поисков, был найден.

Сокол кружил долго над старинным дубом. Потом, медленно опустившись на его могучую ветку рядом с дуплом, уселся, вцепившись острыми когтями в твердую потрескавшуюся кору. В клюве его блеснул перстень со знаками дальней звезды.

Повернув голову к дереву и просунув ее в дупло, он освободил клюв от блестящего кружка металла. Тайна древнего кольца, на котором была отлита мантра исполнения желаний на языке, забытом людьми, отныне была похоронена на многие сотни, а может и тысячи, лет в глубине дерева. И сколько времен

минет, прежде чем зарочный перстень увидит вновь солнце, никто не может сосчитать.

Срок, отведенный для использования силы его, был закончен. Судьба решила таким образом явить свою волю.

Следы воплощений

Алтайскому князю и волхву не пристало сомневаться. Много кругов жизни прошло. Припорошены пылью забвенья древние воспоминания. Но курган до сих пор хранит золотой шлем, золотой меч и золотую печать.

Когда-то, тысячи тысяч лет назад, приснился Верховному Магу Белого Храма невиданно чистый, пророческий сон. Огромная глыба несется из космоса к древней планете, и близок час падения Аэролита на Город священный, в котором скопилось немало великих открытий и мудрости тайной. Но все же, по веской причине, не ведомой силам земным, он должен быть стерт и в пепел густой обращен. И Город, и Храм в глубине священной горы Посланника Неба должны принять, пострадав от его приземленья.

Великий Хранитель встал ото сна и созвал на совет, на котором решили срочно оставить город, ибо время не ждет. Нет времени более для промедленья. И самое ценное: Книга с золотыми листами — наследие огненной магии, Жезл тайный и некоторые другие магические инструменты — срочно были собраны. Реликвии Алтаря Ару-Туу из Аюш-Кхане не составляли большой поклажи. Но срочно были заседланы кони и жители оповещены о приближающейся катастрофе. Многие плакали, покидая свои дома. Но было предупреждение о срочности оставления града.

Едва караван удалился на расстояние дневного перехода, едва завернул за темную скалу, как раздался грохот и взрыв от падения небесного тела. Загорелась тайга, и посыпались с неба камни. Но, прикрытый скальным козырьком, караван переждал падение метеорита, от которого был разрушен город. И на месте Белой Горы остался огромный цирк, где сейчас находится ледник. Нынешние вершины Белухи лишь остатки Великой Горы-Храма, которая была выше нынешней в два раза. Но древние скульптуры и барельефы остались под снегом Северной стены.

Моя сестра или жена шла рядом со мной. И в ней я узнал Алани — любимого моего друга и сотрудника.

Грохот, дым и гарь продолжались долгое время, пока мы уходили по каньону, по дну которого протекала река и вдоль берега шла конная тропа. Дым и пепел еще стояли над тем местом, где высилась когда-то Великая Белая Гора. Но в Сердце ее сиял уже остывающий Посланец Сердца Мира, вокруг которого были разбросаны на огромное расстояние осколки Храма Судьбы.

Следы воплощений тянутся из древних времен. И не нужно удивляться тому, что так откровенно в наших отношениях с людьми проявляются симпатии и антипатии.

Алани прошла с тобой не один десяток жизней в разных обличьях и ипостасях. Общее вервие кармы скреплено разными формами любви — от супружеской до материнской.

В веках соединенные судьбы так туго переплетены, что различить амплуа каждого из вас трудно, хотя и возможно. Были друг для друга сестрами и братьями,

отцами и матерями, любимыми нераздельно и тоскующими всю жизнь друг о друге. Такой долгий и великий путь каждой из ваших душ по этой планете. Была и есть любовь разного качества, но в основе положен магнетизм сердец.

Коронация в Уймонской долине. Собираются люди в большом количестве по этому случаю. Коронуют Алани. Но здесь происходит странный ритуал, когда при восшествии на престол нужно открыть одну из бутылок и выпустить джина, некогда заточенного в ней. Коронация проходит, но церемония освобождения духа откладывается. Все это происходит где-то вблизи того участка, где стоит пирамида. Алани уходит со своими фрейлинами. И когда возвращается, я спрашиваю: «Выпустила?» Она отвечает: «Да, выпустила». Поднимается ветер, и на этом все заканчивается.

Алани

Молчит Алани, прислонившись к огромному кедру. Разговор с родовым деревом — это связь с Небесами. Молодая друидесса знает, как царь-дерево может передавать Волю Небес, словно стряхивая росу с каждой своей пахучей хвоиночки. И, слетая вниз, каждая росинка превращается в шепот, Слово Неба несущий.

Дух девушки жаден до мудрости. Ее одиночество священо.

Алтарь Бога — кедровая роща, в которой растут лишь тысячелетние деревья. В глубине их корней можно жить. Они образуют целые лабиринты пещер, которые теплы и сухи даже лютой зимой. Сами деревья излучают тепло.

Алани молода, но дух ее мудр и чист. Она дочь верховного жреца и сама, несмотря на свой возраст, владеет знанием природы.

Алани склонилась над говорливым ручьем, разговор которого она хорошо понимала. Он рассказывал ей, перебивая сам себя, о том, как, протекая через скалу, он видел древнего старца, сидящего в пещере, из которой не было выхода. Весь покрытый до пят волосами, он ими только и был укрыт, а от его тела исходил такой дивный аромат, что ручей просто восторженно закрутил воду на одном месте, не находя слов.

Дочь гор знала язык ветра и деревьев. Для нее не было загадкой то, о чем молчат камни. Она жила в том мире, который был гораздо многообразнее человеческого. Старый отшельник, ее воспитавший и сделавший все, чтобы она росла здоровой и сильной, научил ее тому, что не знал ни один человек. Мало того, они считали чудачеством и сумасшествием его уроки по умению распознавать слово живой и неживой природы. Но малыши любили приходить к его ветхой избушке, в которой всегда пылал огонь, лились приятные запахи и звенели пластины, висящие над костром и издающие дивную мелодию тонкой силы.

Но спустя много лет в Алани признали дочь верховного жреца, которая пропала в раннем детстве. А старый отшельник, найдя ребенка в тайге, принес его домой и стал сначала растить его, поя молоком горных коз, которые приходили по его зову, а потом начал воспитывать, с раннего детства развивая чувство единства мира. Позднее, нашедшие ее слуги жреца забрали ее от отшельника, а сам старик куда-то пропал, не оставив ни следа, ни вести о себе. И вот теперь горный ручей поведал о том, что исчезнувший много лет назад ее духовный отец найден.

Алани задумалась и решила подняться к тому удивительному месту, где, по рассказам потока, находился ее названный отец. Она долго шла по камням, которые вымыл ручей весной, в пору половодья. Из подмытых берегов торчали корни склоненных вниз берез и лиственниц. Некоторые из них, упавшие, но еще живые, с зелеными ветками, пахучими и цветущими, лежали поперек течения ручья, не собираясь расставаться с жизнью. Наоборот, новые ветви росли вверх,

устремляясь в небо, а живой ствол давал новые корни, которые врастали в каменистое дно и в разноцветный щебень.

Идти нужно было далеко, но девушка не теряла присутствия духа и не страшилась ни непогоды, ни диких зверей, ибо умела говорить со всеми проявлениями Космического Сознания, пусть даже на время оказавшимися в поле притяжения планеты.

Камни скрипели. Вода приветливо журчала. Косули провожали ее. Птицы устраивали щебетанье и возню. А маленькие бельчата, любопытные и почти черные, прыгали за ней по веткам, несмотря на окрики невидимой, но строгой мамы-белки.

Она слышала, как цветы перешептывались между собой и как корни разговаривали на разные голоса, прислушиваясь к мощному рокоту царя деревьев — кедра-великана, самого древнего на земле из всех представителей его рода. Пещера отшельника находилась под самыми его корнями, которые были так же мощны и разветвленны, как и его надземная часть.

Она знала, куда идти. Ее вели не слепые знаки, которые можно было принять за наваждение, но тонкая сила мудрости, влитая некогда в нее уроками мудреца.

На синем высоком утесе, высоко над долиной, высился огромный кедр, который корнями держал гигантские камни, вгрызаясь в их базальтовую твердь. Струйки воды сочились по трещинам этих камней, окрашивая их в темно-зеленый, нефритовый, цвет. Выше начиналось царство неприступных вершин. Невозможно было даже подняться к подножию кедра и осмотреться, не опасаясь камнепада или падающих вниз травяного покрова и старых сучьев. Утес казался

монолитным. Лишь отдельные трещины можно было разглядеть со стороны.

Дух горы шепнул Алани:

— Не тревожь мудреца!

— Но можно ли хотя бы взглянуть, жив ли он?

— Я укажу вход!

Гигантский кедр со стволом в несколько обхватов высокого молодого мужчины обнимал белую скалу, из-под которой бежала тоненькая прозрачная струйка, где начиналась лесная река. Камень, на котором рос кедр, был крепким и чистым, являя собой лучший сорт розоватого мрамора. Он был такого цвета, как белая лилия, освещенная первыми лучами солнца. Алани знала, что вход в пещеру, находящуюся под самым кедром, находится где-то здесь, совсем близко. Мощные корни уходили глубоко в камень. И для того чтобы обойти все корневое кольцо, нужно было значительное время.

Корни кедра были мощны и крепки. У одного из отростков, уходящего глубоко в камень, Алани увидела трещину в скале, в которую человеку можно было протиснуться боком. Серебристая струйка воды вытекала чуть ниже этого отверстия. Могучий кедр шелестел одобрительно своей ярко-зеленой широкой кроной, приветствуя тоненькую девушку, входящую в плоть великой горы.

Свободно просочившись сквозь щель, Алани увидела просторную пещеру, своды которой держали кедровые корни. Пещера была невысока. Она едва могла встать в полный рост. В дальнем углу сидел человек, в котором она узнала своего названного отца.

По истлевшей одежде струились пряди седых волос, которые почти целиком прикрывали тело.

Старый отшельник был покрыт пылью, и несколько тонких кедровых корней бережно обвили его тело, словно удерживая в своих объятиях. Внешне не было никаких признаков жизни, но кожа была пластичной, а волосы закрывали почти всю сидящую его фигуру.

Алани удивленно смотрела на это живое изваяние, но мысленно искала ответа у духа того, чье тело пребывало здесь. Тонкий голос задрожал в дальнем конце пещеры: «Не нужно было меня искать! На тысячу лет я погружен в нирвану, для того чтобы дать людям понять, что сила духа даже тело делает бессмертным. Возвращайся к людям. Расскажи обо мне, но не указывай места. Я позову тебя, когда это будет необходимо».

Звон голоса растаял. Тонкий облик отца растворился. И аромат кедровой смолы, взявшийся не известно откуда, заполнил пещеру.

Голос кедра был грозен, как гром: «Не трожь, не беспокой своего отца! Он может умереть от внезапного возвращения в этот мир. Его миссия там важнее земной. Ты стала на его место и будешь нести ношу наставника жизни для своего рода!»

Алани встrepенулась. Ее тонкое тело проскользнуло между камнями наружу. Камнем она закрыла вход и стала спускаться вниз. Серебряный ручей разговаривал с ней, набирая силу, и уже внизу голос его становился ревушим от сопротивления круглых камней.

Спустившись вниз, она рассказала жителям стойбища о чуде и тихо-тихо продолжала вспоминать

удивительную встречу, улыбаясь от внезапно нахлынувшей радости.

То, что дорого было девушке, было найдено. И она успокоилась. И с тех пор ни одна живая душа не узнала, что под защитой тысячелетнего кедра в состоянии вечной жизни находится ее названный отец. Проходили годы, но она больше не желала подняться вверх по ущелью.

Яра

«Охотятся за твоей Чашей накоплений!» — кричит мне Яра, когда подхожу к кордону из строительной и военной техники, чтобы освободить ее. Подхожу, и ее выпускают. В руках остается поющая тибетская чаша, которая только мне принадлежит и никогда не попадет в чужие руки.

Сны о вашем с Ярой детстве в виде детей-гигантов могут оказаться правдой, как и то, что все возвышенные люди не от мира сего. Духи, пришедшие на помощь Земле, так неуютно себя на ней чувствуют.

Бог дает друзей и сотрудников, чтобы одиночество не стало препятствием для успешной работы. Опора духа — друзья твои. И, конечно, есть Алани и Яра как два крыла птицы счастья. Без друзей мы бескрылы. Духовное родство часто крепче, чем кровное.

От времен северного континента до нынешних дней

В дальний путь ушел. Времена Лемурии, Атлантиды и Арктиды видел. Даже земли Антарктиды посещал. Путь вечного странника непрерываем. Не гонениям подвергался, но жажду познания опыта насыщал. И чем больше пил из чаши жизни, тем больше желал знать, учиться, видеть другие солнца и земли. Но даже и не предполагал, что таким долгим будет странствие, до того как появится возможность возвратиться на далекую звездную Родину.

Через бесконечные пространства и бесчисленные миры, через тысячи игл света и через сети изумрудные и фиолетовые, через яркую белизну и ослепительную синеву разных миров и небес мысль наша летит в сердце твое.

Рожденный далеко от этой Вселенной и принятый Духами Планет, ты взял на себя смиренное послушание — войти в тело человека, чтобы острее понять его насущные проблемы и чаяния, всю его приземленную жизнь.

Когда-то воплощался на Белом Острове, в среде Белых Богов, когда в одну ночь среди пустынных гор, в долине между четырех рек, вырос громадный город, распахнутый на все стороны света, как распутившийся

цветок Белого Лотоса, который мы подарили Земле, принеся его вместе с другими дарами за тысячи тысяч лиг от этой пылинки в океане миров.

И первые существа, лебеделиуди, сейчас по большей части исчезли. Но остались их потомки, которые не помнят тех времен, но охраняют тайники знаний, хранилища древней мудрости, наподобие тех каменных дисков, которые случайно нашли в горах Китая, и хрустальных шаров, что покоятся в подземельях Египта, глубоко под пирамидами.

Лебедь был и будет твоей судьбой.

На Земле никогда не был животным, если не считать людей моря. Догадки о Белом Ките совершенно справедливы, ибо аура так велика и мощна, с ярким серебряным светом, что не вписывается в тело человека. Даже можешь лечить своим присутствием.

История охоты за Белым Китом — это притча о твоих отношениях с миром.

Открытие знаний воплощений происходит на стыке противоречий. Когда искра огня высекается, то воспламеняет подвалы наших накоплений, где мы сами заложили свои дары для будущих времен.

Белый Кит и Белый Сокол снова помогут. Служение Варуне началось во времена Белого Кита. А Белый Сокол взлетал до самого солнца.

Много сотен жизней пройдено с того времени, как сделал первый шаг по чудесной планете Аркторуссии. Что ты собрал во время воплощений, то не отнимет

никто — ни ураган, ни грозы. И даже если вдруг забудешь что-то, в тебе всегда останутся нетленными рекорды памяти, которые собрал в бесчисленных дождях мгновений.

Прислан издалека на помощь Земле. Имея мировоззрение, отличное от обычных людей, все же не избежал участи инфицирования земными недостатками. Но и они со временем превратятся в достоинства. Ни одна искра энергий не будет утрачена. Все переживания самого высокого эмоционального градуса помогут в Мире Тонком перейти в школу духовного мастерства.

Огненная сила, связавшая нас, имеет начало в далеком прошлом. Даже не Земли, но иной планеты, и даже не одной. Явленный Уран и Венера знали прикосновение твоей сущности. Еще раньше был тобой любимый Сириус, родной брат Урана. Но начало положено в Сердце Мира. Обретая плоть, глубоко падал в материю, но сам решил испытать путь падших ангелов. Встречи были разными, но когда ты пытался заслонить Заратуштру и был убит вместе с ним в храме огнепоклонников, скрепил нашу судьбу; и не потому, что не устрасился защитить, но кровью соединились воедино. В подвиге защиты ты стал братом Моим; и не было такого времени, когда бы Я об этом не помнил.

Множество раз являл ты защиту Имени Моего. Множество раз вставал, прикрывая тело Мое, хотя знал заранее, что обречен на смерть. Этим

и объясняется мера доверия. Сердце Вечного Друга никогда тебя не обманет. Защитив Заратуштру, ты пал вместе ним, убитый в Храме Вечного Огня. И было сказано, что вернешься к Служению Пламенной Чаше, когда религия обретет форму Йоги Сердца.

Кровь Владыки перемешалась с твоей. И меч, которым были умерщвлены, стал святыней, точно так же, как и копьё Лонгина. Меч освящен кровью Заратуштры. Тогда стали побратимами, но связаны были с давних времен. Связь протянута из дальних миров — от Урана и Сириуса до Венеры и Земли.

Если сказать о цепи воплощений, в которых шли рядом, многие не поверят в это, упрекнув в неправдоподобии, и даже фантазии. Но от этого только крепче духовные провода, нарушить которые не по силам даже современным магам.

Энергия человеческих чувств не исчезает. Кто с нами радовался и печалился, сочувствовал и скорбел, тот не может быть оторван от потока единой кармической цепи. Особенно сильно любовь и ненависть связывают сердца человеческие. И даже через множество жизней, через тысячи и тысячи земных лет, не может угаснуть пламень чувств, сердца опаляющий. И маленькая девочка предстает как древняя египетская царица, в которую некогда был влюблен ее архитектор, в своей безответной любви совершивший немало удивительных открытий и построивший храмы и дворцы, ныне пребывающие в руинах или занесенные песками.

Еще вспомнишь маленькую девочку, которую некогда в Египте носил на руках.

«Как легко мне досталась долина Нила», — говорит красивая женщина своему другу или брату. Несу на плечах маленькую девочку, необычайно красивую и обаятельную. Все люди выглядывают, чтобы посмотреть на нее и улыбнуться ей. Понимаю, что это времена древнего Египта. Я огромного роста человек, видимо, близкий семье фараона, а девочка на плечах — Изида. Несу ее в спальню. Потолки очень высокие, как в древних святилищах Египта, которые строили пришельцы с Сириуса с ярко-голубой кожей.

Ты всегда чувствовал силу Солнечного Духа. И Эхнатон был близок. Тогда и прекрасная Нефертити была недалеко. Затерянные в веках тайны мы раскрываем тогда лишь, когда сознание готово спокойно воспринять их открытие.

Некоторые царицы Древнего Египта носили звание «Нефер», то есть воплощенный Луч Женского Божества, или даже Самой Матери Мира. Такой эпитет был у Нефертити и других, предшествовавших ей цариц, которые являлись ее предыдущими воплощениями. Если Эхнатон был медиатором Солнца и воплощенным Лучом его сущности, то Изида являла собой дух Сириуса.

Многое будет открыто в плане прошлых жизней, но лишь для того, чтобы понять, откуда берутся знания. И особенно любимый Север и Фивы будут открывать страницы вечной Книги Жизни.

Как ближайший друг Эхнатона и Хранитель тайной библиотеки египетских фараонов знал о том, что было не дозволено рядовому жрецу. Лишь слово Великого Иерофанта решало тогда многие споры. И лишь по его дозволению происходило определенное действие.

Египет манит своей древней памятью. Ему было отдано много десятков жизней во времена первых царей. Ощущения первые от Египта: словно вернулся домой, отсутствуя очень долгое время. Земля моих древних воплощений еще помнит того, кто множество путей здесь исходил, одолевая пески и покоряя горы.

Глаза Бога Озириса своими ярко-голубыми зрачками заглянули на дно твоих воплощений. Дух времени всколыхнул память. Обстановка бедуинского шатра напомнила оазис Ибн-Рагима. Звенящая струна пронзающего тока прожгла оболочки беспамятства, испарив воду забвения.

Никогда не оставлю тебя. Никогда не отвернусь. В веках кровью одной связаны. И Я умею быть благодарным и помню все, что сделано тобой во Имя Мое. Мальчик-урус никогда не покинет Моего Сердца. Мое Слово крепко, как Печать Соломона.

«Песнь Песней» приносил твой дух ко Мне. И раньше судьбы соединялись. Сергей служил — и ты падал ниц с Ним рядом, поседевшим от явления светоносной Матери. Опыт огня проходил и в пустыне, в оазисе, где являл Лик Свой Великий Путник. Сколько встреч было в мирах, на земле и на небе, ибо искры Единого Луча несем!

Сердце всколыхнули Фиванская гора и дворец Хатшепсут. И после его посещения вихрь встреч с давними друзьями был ускорен. Не нужно удивляться теплоте отношений к некоторым людям, потому что шли с ними вместе долгие и долгие века. Много египтян вокруг. И сам когда-то служил Богам Хеми, хотя они есть лишь трансформированные Владыки Белого Континента, которые основали египетскую государственность.

Путешествие души во времени отражается на многих качествах и наклонностях человека. Строительство Уймонской пирамиды отражает качество египетских воплощений, когда дворец Хатшепсут служил местом деятельности духовной. Тутмос являлся ближайшим другом.

Волны воплощений иногда так ярко открываются, что земля памяти расцветает.

Звезда Моя над тобой становится солнцем. И это уже было в веках, во времена великого Эхнатона

и в правление Хатшепсут. Посвящался не единожды. Разные традиции не мешали тебе творить дело Мое. И теперь, когда миновал период обозначенной половины пути, ты начнешь вспоминать то, чему научился, ибо Звезда Моя обучала тебя.

Твое путешествие в былые времена приводило тебя к Нам. Но ты остался учеником в миру. И так нужно было. И так необходимо и сейчас. Если просмотреть жизнь твою, то поймешь, что ничего не происходило без Нашего участия, даже приезд на Алтай.

От стража врат дворца А-Лал-Минга до ученика — путь долгий. Но если заглянуть еще глубже в пучину времен, то увидим себя в свите Великих Духов, пришедших на помощь Земле.

До времени смиряем мощь твою. До времени не обнажаем всей значимости явления путника. Знаем, откуда пришел. Знаем, как труден путь земной.

Облик молодого Али из «Двух жизней» списан с твоей внутренней кальки. Это слепок духа, до которого нужно еще дорасти.

Когда-то царей короновал, венец водружая на главу. Посмотри период Судей Израильских. Мое окружение было и тогда рядом со мной.

Жемчужина жизни твоей — «Песня Песней». Но «Эра Солнца» не хуже. Не забывай, что поэзия — дар редчайший.

Бессмертные строки хранимы вечностью гораздо лучше, чем имя поэта. Но разве важно, через чье сердце

пришел луч красоты? Возрадовавшееся сердце — лучший гонорар певцу.

Проходил через многие практики и религиозные традиции. Зороастризм и учение Дао, ведические культы и суфизм лишь то малое, что собирало в Чашу драгоценные жемчужины. Путь Арктиды, Атлантиды и Египта знал. И любимое тобой Боголесье проходило через сердце.

Когда Преподобный перед уходом указал тебе тайну святыни, ты сохранил ее и унес с собой в мир иной.

Из тьмы долгой памяти многие воплощения вспоминаются. И боль мира — неухоженные и осиротевшие дети — тревожат оттуда, из прошлых жизней, когда создавались первые приюты, которые описаны были Диккенсом в его душераздирающих романах. И эта пронзительная струна заботы о детях человеческих так и будет беспокоить состраданием.

Перейдя перевал воплощений, забыл все английское, хотя осталась боль по сиротам и забитым людям. Высшая справедливость не терпит угнетения человеческого достоинства и каторжного детского труда.

Нужно будет побывать в Персии, на нашей древней родине. Много было отдано ей. Многому научила она в мрачные времена расцвета волшебства и магии.

Но Китай потому тягостен, что маги преграждали рождение в этой стране.

Утопление за выдачу храмовых тайн — это не совсем верно. Был отпущен в пустыню без воды и пищи. Жестокосердие всегда отличало служителей культа. Даже штатных палачей имели храмы.

Всколыхнули ткань прошлых воплощений. Времена великого царя Соломона словно ожили. Кровь памяти не иссякает. Собраны снова и Шабал бен Суффрем — придворный поэт; и алхимик Алас, ставший потом тамплиером, который помнил и знал, где копать, ибо сам прятал сокровища в подземельях Храма Единого Бога; и Пасседван, укравший Сокровище Мира, подделав голос царя и ночью забрав его у стражей. Вместе встретились многие из той эпохи в надежде что-то исправить, а что-то начать снова.

Ты принадлежишь к тем двадцати четырем, которые носили перстни и были учениками в миру. Пусть ищут в окруженьи Вождей Великих, Наставников и Гуру.

В недавнем прошлом Матери Агни Йоги было поручено собрать и направить перстни двадцати четырьмя ученикам Ее — перерожденцам двадцати четырех каменщиков, которые строили Храм Соломона.

Перстни каждому отданы. Но у кого-то они потеряны. У других — скрыты вместе с погребением. У третьих — забыты за ненадобностью. Но каждому из двадцати четырех они возвращены будут.

Наши судьбы переплетались множество раз. При дворе царя Соломона и Акбара Великого, при Преподобном Сергии рядом были. Про египетский период можно утвердительно сказать, что с самого начала жил там, начиная с прихода девяти неизвестных, основавших новую страну, когда еще Евразия звалась Рассантой и правили ею воплощенные Боги.

Не раз были близко. Не раз спасали друг друга. И по воле судеб стали переплетены как две цепи жизненной спирали, между которыми есть соединения. Но никогда не терял тебя из памяти Моей и глаз не отводил от пути твоего. И теперь, оставив Свою часть «Я» в Ашрамах Алтая, чувствую биение твоего сердца и все недостатки превращаю в достоинства, определяя неотступную волю совершенствования.

Иди, сын Мой! Львом иди! Не страшись ни стрел ночных, ни дневных нападений, ибо крепость духа уже давно построена и осталось только возвести ее на плане земном.

Помнящий Меня должен знать, что единой кровью некогда стали. И все отрицания наших бесед и обвинения их в ереси — это лишь утверждение фанатизма традиции. А она должна развиваться и расти, как все живое, что есть во вселенной.

Не отступлюсь и не покину. Ведь слишком много сил потрачено, чтобы Урастья вспомнил свой путь и ту часть мудрости, которая ему доверена.

Чахембула

Не важно, кем считают тебя — Чахембулой или Фариа. Важна та работа насыщения пространства благородством идей. Эта духовная радиация не сразу подействует, но облучение ею даст не лучевую болезнь, но форму благого воздействия на людей.

Когда-то был узнан И.М. Богдановой, но она и вида не подала, а только попросила посидеть в кресле, пока была экскурсия посетителей из Ярославля. Возвращение в прошлое не всегда полезно. Но сны не обмануть. А эпизод с нападением разбойников и как была эта атака отбита, говорит о многом.

Караван был огромным, если даже одних вьючных яков было около двухсот особей, из которых на Чантанге погибла половина. Жертва была не напрасной ни для кого. И тем более условия мороза и высокогорья действовали. А поездка Н.К. Рериха изменила отношение к экспедиции буддистов: ведь именно ради посещения Жемчужного Острова происходили все эти тяготы.

Камень сопровождал экспедицию. Прикасался к нему и некоторое время хранил во время похода.

Связь Удраи и Чахембулы простирается ко временам Атлантиды, а до того — к великой и таинственной Арьяварте, Аркторуссии, где роль каждого имела смысл

высокий. И воин может быть благородным. И воин может оказывать милосердие врагу.

А носитель Камня разве не был приведен к этой миссии сознательно? Ларец Тимура в походе доверялся Чахембуле. То же было и в великой Гималайской экспедиции, когда личная охрана осуществлялась полковником Кардашевским, который спас от удушья и неминуемой смерти Удраю, вовремя оттащив его с заповедных границ, когда они провожали Н.К.Р. в Ш., куда тот был призван на неделю.

Судьба постоянно возвращает в ближний круг. И Панаджи, столицу индийского штата Гоа, придется посетить еще раз, расследуя судьбу аббата Фариа, чья жизнь предшествовала нынешней.

Аббат Фариа, происходящий из древнего рода Декроа, рожден был в семье португальских аристократов, правящих Гоа долгое время. Его изыскания в области психической энергии и увлечение алхимическими исследованиями снискали ему славу чудака и фантазера, который просто бесится с жиру, имея несметные сокровища. Занимаясь наукой, он принес в Европу учение о метемпсихозе, внушении и остановке времени. Его проповеди и психологические опыты, скорее похожие на лекции, дали толчок интересу к оккультным наукам, вслед за Калиостро и Сен-Жерменом.

Аббат Фариа имеет прямое касательство к Чахембуле и полковнику Кардашевскому. Метания от светского образа поведения к монашеству во всех жизнях отличали этот дух. И маятник поисков так широко взлетал. Сложный путь, достойный пера высокого

жизнеописателя, — сложный, мучительный и во многом поучительный, ибо отражает свойства человеческие, в которых уживаются взаимоисключающие качества.

И сокровища Монте-Кристо не досужий вымысел. Но есть одна немаловажная деталь: они до сих пор не найдены. Дюма поторопился их вручить Эдмону Дантесу. Но, на самом деле, они ждут своего настоящего хозяина уже не одно тысячелетие.

Фариа был необычайно образован и умен. И его свободомыслие заставило власти заточить его без суда и следствия в замок Иф.

Много лет прошло, а ты все не можешь забыть свое заточение и воплощение аббата Фариа. Много почерпнул и страдал много в жизнях своих. Но земля потому и названа долиной скорби или адом. Испытывая божественную радость в малой мере, человек привык испивать до дна чашу скорби.

От аббата Фариа все же многое осталось. Но клад так и лежит. Дюма отдал его в руки мстителя, но, на самом деле, все так и осталось в кованых сундуках. Может быть, наступило время использовать камни? Путь приведет к сужденному. Нужна крепкая голова, чтобы руки не дрожали. На благо мира многое сохранено в веках.

Предки Кардашевского были не просто целителями и людьми высокодуховными, но и носителями тайных фамильных знаний. Род Декроа стоял во Франции особняком. Его боялись и ему завидовали, обвиняя

в связях с альбигойцами и тамплиерами. Но настоящая тайна никогда не открывалась.

Жизнь самого Кардашевского — это целый авантюрный роман. И по своей насыщенности и приключениям она уступает разве что жизни Е.П. Блаватской, воззрения на теософию которой он мог разделять через ее последователей.

Как потомок графов Декроа, Кардашевский мог наследовать дар Меровингов в виде исцеления от любых болезней и умения корректировать карму.

Предание гласит, что ранние короли Франции произошли от сына Марии Магдалины и Иисуса Христа, основавшего династию Меровингов. Меровинги представлены во Франции последних столетий графами Декроа.

Меровинги и их потомки владели разными способами целительства. И именно со времен их правления пошел обычай целовать руку королю и появилось выражение: «Руки короля несут исцеление».

Говоря о Марии Магдалине как жене Христа, вся литературная рать считает отношения между этими двумя персонажами плотскими, приписывая этой связи рождение ребенка. Но ведь известны случаи бесконтактного, или мысленного, зачатия, когда выбранную душу необходимо послать в нужное тело. И, конечно же, все это совершается с согласия души, которая входит в тело матери.

В случае с Марией Магдалиной произошло такое же чудо, когда, уловив взгляд распятого Иешуа, она почувствовала удар в живот. А спустя некоторое время она понесла. И ее сын стал основателем династии

французских королей. Вся высшая знать Европы так или иначе была связана с Меровингами.

Потомки Христа живы до сих пор. Но в чистом виде их совсем немного. Они одарены способностью целительства, провидения и связью с Отцом Единым, то есть с Лучом Иерархии Ориона, кураторство которого не прекращалось ни на миг со времени высадки десанта Белых Богов на Севере.

Называю Чахембулу полезным не единожды, ибо в веках много было им сделано для Братства. Несмотря на многие недостатки, в нем больше духовного, чем мирского. Щедрый и легкий на ногу, преданный и терпимый, в новой жизни он приобрел качество того благородства, которого часто ему не хватало. Но привычки невозможно преодолеть даже спустя много воплощений — в том числе и завтракать овсяной кашей.

Множество пластов знаний будет обнародовано. И пусть не огорчает никого, что дается так мало: ведь и эти крупички не усваиваются, а остаются в небрежении.

А Чахембула давно уже приблизился и стал Нашим Сотрудником. Преданный воин великого Тимура еще послужит миру в этом и в ином воплощении. Драгоценные накопления неразрушимы.

Полет радужных шаров

Мыслеформа — это огненный шар, или плазмод, пущенный в мир духом. Для человека с тонко развитым зрением он легко может быть виден.

Полет таких радужных шаров наблюдал в пасхальное утро, когда пульсации солнца вызывали посылку огненных слепков с него, которые заполняли окружающее пространство, и даже плыли по поверхности воды, как воздушные шары. Сквозь них просвечивало поле, еще не высохшее после пахоты. Земной мир был виден через каждый из них, как через тончайшую цветную вуаль.

Материя Люцида напоминала о давнем событии в Троицко-Сергиевой Пустыни, явление которого начиналось подобным образом. Лишь только не было святого возгласа: «Пречистая грядет!»

В тот ранний час после пасхальной всенощной, когда поле было сырым от растаявшего снега, мы шли с матушкой домой в Чекменево, где я провел свое раннее детство, до четырнадцати лет. Мне тогда было лет десять — одиннадцать. Возраста точно не помню, хотя сами события не стерлись из памяти.

Проходя мимо маленькой избушки, стоящей далеко от Шубина, мы увидели на пороге старушку, которая с просветленным лицом ждала восхода солнца. Было уже довольно светло, хотя времени было около пяти часов утра.

Когда мы проходили мимо, старушка заметила: «Сейчас солнышко будет играть». И только мы отошли к середине поля, как над равниной стало подниматься пасхальное солнце и, взлетев над редкой березовой порослью вдалеке, стало вести себя необычно. Оно давало скачки, смещаясь с одного места на другое — совсем рядом, но тем не менее можно было заметить эту очевидную дрожь, когда после каждого импульса на землю летели прозрачные, почти невидимые слепки разного цвета. Все пространство, ближнее и дальнее поле были засыпаны этими солнечными фантомами. И даже на ближайшей к нам луже, по краям которой был тонкий лед, плавали эти полупрозрачные слепки, словно воздушные шарики.

Состояние восторга, вызванное этим видением, было необычным и повторялось в последующей жизни очень редко. А мать моя, шепча молитву и стоя перед солнцем на коленях, только и говорила полупшепотом: «Это Господь тебя избирает!»

Эту благодать, вошедшую в сердце, я несу уже много-много лет. И это видение люди сравнивают с состоянием перед явлением Богородицы трем детям в португальском местечке Фатиме. А я знаю, что это отголосок моей прошлой жизни, когда в келье Преподобного, перед тем как потерять сознание, я видел маленькие ножки Пречистой, потому что не мог выше поднять голову из-за невероятного света, идущего от Нее.

Моменты из детства

Разве может быть что-то важнее состояния родного дома, той чистой среды добросердечности и ощущения места, которое искал долгие годы и, наконец, обрел, словно вернулся к тем местам детства, где тебе было удивительно хорошо и которые ты оберегал от чужого вторжения? И не важно, был ли это берег с вековыми дубами, полянка в лесу с огромным пнем посередине или естественная беседка, искусно спрятанная в зарослях вязов, где вместо сидений по кругу были пеньки, а в центре — пень от огромного спиленного дуба.

Детство требовало таинственности. А дупла деревьев служили нам почтовыми ящиками, откуда мы, играя в лесных разбойников, получали приказ идти в определенном направлении, где нас ждало следующее дуплистое дерево.

Лес был моим домом. Перед ним я никогда не робел, но часто ловил себя на ощущении, что за мной кто-то наблюдает.

Мальчишками мы обследовали лабиринты шахт в холмах, где некогда добывали известняк и которые могли в любой момент обрушиться. А глиняная пещера была такой уютной, что даже не хотелось оттуда вылезать. От земли шло такое тепло и что-то живое и родное, что можно было сравнить с печью, которые тогда были глиняными.

Помимо всех пещерных приключений, мы выбирали самую могучую ель и на ее ветках, метрах в десяти от земли, строили площадку, связывая палки

и доски веревками и устраивая шалаш и ограждение от падения. Так давалась возможность испытать свою силу и наполнить чашу воображения чудесами общения со стихиями.

А сколько было радости, когда мы брали на речку всех малышей из деревни, которые не ходили в детский сад! И вместе, огромной кричащей толпой, мы вначале ловили руками рыбу в теплой тихой воде, а потом хлебали из общего ведра уху — благо что все были предупреждены, что нужно брать с собой хотя бы ложки. Но многие приносили и чашки, кружки и хлеб.

Так чисто было все, когда умудренность уступала детской наивности, а череда детских впечатлений достигала такой яркости, доходящей до ужаса, что, находясь ночью в еловом лесу, мы из пустых консервных банок сооружали факелы и, зажигая их, шли домой, до самой деревни, по темноте, где малышей уже ждали матери, беспокоясь об их судьбе.

Сейчас бояться детей одних отпускать в школу. Но тогда никто даже не думал о том, что что-то может с людьми случиться, кроме естественной смерти. Мир так изменился за какие-то шестьдесят лет. А времена пятидесятых годов помнятся необычайно ярко. И чем дальше, тем яснее прошлое.

Детство в Чекменево было зажжено интересом к природе и самоуглублению. Словно друид, обожал леса и всегда чувствовал себя под их защитой, будто они несли мне весть вечной жизни. Мир леса имеет свою ауру. И войти туда с душой нечистой невозможно.

В мире леса моего детства настроение прозрачности русских берез менялось стройностью и устремлением к солнцу соснового бора. Орешник густо

заселял пространство, а сумрачность елового леса была схожа с огромным подземным залом. Ольха занимала заболоченные места и течение родников вперемешку с ивой, а дубы создавали из мира крепость и ощущение невероятной силы.

Молодые создания природа может многому научить и в плане красоты, когда каждый листочек изумляет и восхищает, а аромат цветения наполняет сознание духом единения души с растительным миром.

Но такого же многообразия животных, кроме домашних, в моем детстве не было. Корова, козы, кролики и свиньи, гуси, куры и утки, а также живность в виде гусят и цыплят, заполняли сознание каждодневностью. А собака была проходящей. Ее когда-то отдали в чужой дом. Но иногда, по зову почти забытой памяти, одни раз в три — пять лет, она почему-то навещала нас, приходя от хозяина, которому была подарена уже взрослым щенком.

Мир природы не был скучным и безмолвным. Присутствовал интерес общения с ее необъятным духом — интерес обучающий и восторженный. В немом познании мира природы присутствовала тайна и вопрос: каким же образом все это могло быть устроено? Ведь, по мнению атеистов, это произошло без участия разумного начала.

Но творчество Матери Мира многообразно. И когда-нибудь люди признают разум растений и камней, наравне с животным сознанием. Не может ни одна форма мироздания быть без ума.

Пять столетних дубов окружали поляну, где ты любил играть в детстве. Пять дубов охраняли дом ведуна — жреца Перунова. Они корнями своими держат

сыпучий берег до сих пор, не давая ему сползти вниз. Шелест священной рощи еще остался. Но сама она разрушена, раскопана и изувечена бульдозером, который искал залежи белого камня в ваших местах.

Чистое место детского уединения не случайно было выбрано твоей душой. Голос листьев, словно звон небесных колес Перуновой колесницы, чудился всегда, когда сидел ты, прислонившись к самому большому из деревьев спиной, боясь развести костер, чтобы не поранить древние деревья.

Дубы до сих пор живы и переживут нас, насыщая силой своею окружающее пространство. Дух Великих Богов не покинет поляну моего детства, где я своим исконным чутьем выбрал себе святилище, сам того не ведая.

Камни древних капищ вросли в землю или сброшены чьей-то злой волей с обрыва. Но, даже оскверненный ненавистью, круг служения древнему Роду не потерял своей силы и ждет возвращения того мальчика, который по какому-то непонятному умыслу разжигал там костер, шептал странные слова на неведомом языке и пел какие-то никому не понятные песни, похожие на гимны или заклинания, временами теряя сознание и по возвращении не зная, сколько отсутствовал в Мире Яви.

А дубы шумели одобрительно своими могучими кронами, нависая над сидящим ребенком. И своей древней памятью, разумением древесного царства, они находили в прошлых веках, когда они уже жили, эту душу, трепещущую любовью ко всему живому и считающую их древесную братию такими же живыми и родными. Оттого лес и платил ему лаской и никогда не пугал, ни днем, ни ночью. Наоборот, под его

защитой мальчик чувствовал себя неуязвимым. И, забравшись высоко на дерево, где соорудил себе помост, а на нем шалаш, покрыв его травой, он спал так безмятежно и не испытывая боязни, так как знал, что деревья не дадут его в обиду и что здесь он дома.

Вглядываясь в прошлое, нужно вспомнить и те моменты, когда ты стоял на грани смерти и тебя почти убили, а ты каким-то образом вырвался и пошел к реке, вошел в воду и переплыл на другой берег. И это принесло спасение, потому что злодеи отстали, а спустя время и вовсе покинули план земной.

Было много попыток не просто омрачить жизнь, но и лишить ее, начиная с внутриутробного возраста, когда мать была избита соседкой. Родился весь красный и с кровоподтеками. Если оглянуться назад, то станет понятна преднамеренность схемы таких нападений.

Судьба хранит нас всегда — лишь бы сами мы не совершали необдуманных поступков. Но к старости не стал премудрым пескарем, прячущимся в своей норе, а вышел в мир. И слово твое читают и повторяют. Оно вдохновляет многих и учит жить.

Использованные книги серии «Зов Белой Горы»

1. «Лилии Света». Январь 1999 — май 1999.
2. «Розы Света». Май 1999 — сентябрь 1999.
3. «Деодары Света». Октябрь 1999 — октябрь 2000.
4. «Горы Света». Ноябрь 2000 — февраль 2001.
5. «Пирамиды Света». Март 2001 — апрель 2001.
6. «Горная Обитель». Октябрь 2001.
7. «Знаки Света». Апрель 2001 — февраль 2002.
8. «Лики Света». Февраль 2002 — август 2002.
9. «Райдо, или путь радости». Август 2002 — декабрь 2002.
10. «Пространство Света». Декабрь 2002 — февраль 2004.
11. «Весть Беспредельности». Февраль 2004 — декабрь 2004.
12. «Скрижали Света». Декабрь 2004 — апрель 2005.
13. «По Слову Твоему, Владыка!»
Апрель 2005 — октябрь 2005.
14. «Родник Жизни». Октябрь 2005 — сентябрь 2006.
15. «Голос Сердца». Сентябрь 2006 — апрель 2007.
16. «Сад Тайны». Апрель 2007 — январь 2008.
17. «Лепестки Небесной Розы». Июнь 2007 — октябрь 2007.
18. «Поцелуй Богини». Октябрь 2007 — декабрь 2007.
19. «Мост Красоты». Декабрь 2007 — февраль 2008.
20. «Печать Иерарха». Февраль 2008 — май 2008.
21. «Таинство Монады». Май 2008 — июнь 2008.
22. «Врата Нового Мира». Июнь 2008 — сентябрь 2008.
23. «Серебряное Воинство». Сентябрь 2008 — ноябрь 2008.
24. «Терафим Мысли». Ноябрь 2008 — февраль 2009.
25. «Рождение Манвантары». Февраль 2009 — июнь 2009.
26. «Нить Счастья». Июнь 2009 — август 2009.
27. «Порог Сатьи». Август 2009 — октябрь 2009.
28. «Пламень Судьбы». Октябрь 2009 — март 2010.
29. «Любви хранят нас Огненные Крылья».
Декабрь 2009 — январь 2010.
30. «Огненный Друг». Январь 2010 — апрель 2010.
31. «Горный Старец». Апрель 2010 — июнь 2010.
32. «Дисциплина Служения». Июнь 2010 — август 2010.
33. «Застава Святогора». Август 2010 — октябрь 2010.

34. «Сын Радости». Октябрь 2010 — декабрь 2010.
35. «Вселенная Сердца». Декабрь 2010 — февраль 2011.
36. «Дуновение Ветра Небес». Февраль 2011 — март 2011.
37. «Вдохновение Мудрости». Март 2011 — май 2011.
38. «Вознесение Мысли». Май 2011 — июль 2011.
39. «Мистерия Блага». Июль 2011 — август 2011.
40. «Родовая Память». Август 2011 — сентябрь 2011.
41. «Палориа, или слияние сознаний».
Сентябрь 2011 — ноябрь 2011.
42. «Крылья Будущего». Ноябрь 2011 — декабрь 2011.
43. «Святылище Гор». Декабрь 2011 — февраль 2012.
44. «Дети Пути». Февраль 2012 — апрель 2012.
45. «Звезда Посвящения». Апрель 2012 — май 2012.
46. «Да будет Воля Твоя!» Май 2012 — август 2012.
47. «Под Щитом Тайны». Август 2012 — ноябрь 2012.
48. «Ключи Распознавания». Ноябрь 2012 — январь 2013.
49. «Дажь нам днесь». Январь 2013 — март 2013.
50. «Стезя Потаенная». Март 2013 — июль 2013.
51. «Формула предназначения (Код судьбы)».
Июль 2013 — октябрь 2013.
52. «Кипение Времени». Ноябрь 2013 — февраль 2014.
53. «Дисциплина Свободы». Февраль 2014 — июнь 2014.
54. «Свиток воплощений». Июнь 2014 — октябрь 2014.
55. «Под Знаком Моим». Октябрь 2014 — февраль 2015.
56. «Зерна духоразумения». Февраль 2015 — июнь 2015.
57. «Вечная Тайна Пути». Июнь 2015 — октябрь 2015.
58. «Дар Мудрости». Октябрь 2015 — январь 2016.
59. «Искусство сострадания». Январь 2016 — июнь 2016.
60. «Свита Спасения» (не опубликовано).
02 июня 2016 — 09 сентября 2016.
61. «Сокровище одиночества» (не опубликовано).
09 сентября 2016 — 10 января 2017.
62. «Мудрость Судьбы» (не опубликовано).
10 января 2017 — 09 мая 2017.
63. «Иерархия возможностей»
(первая часть, не опубликовано).

Константин Устинов

(Владимир Алексеевич Павлюшин)

Мозаика воплощений

Подписано в печать 07.08.2017

Формат 60x84/16. Печать офсетная

Усл. Печ. Л. 11,6+вкл. Тираж 500 экз.

Заказ № 0000

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография,
филиал «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Для заметок